ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Каневчане

№13 • 2014

Казаки 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска.

Каневчане

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№13 • 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

Колонка главного редактора

Владимир САЯПИН
Вступительное слово.....3

Приемная администрации

Александр ГЕРАСИМЕНКО
Слово главы администрации Каневского района..... 4

Владимир РЕПИН
Слово главы Каневского сельского поселения..... 5

Елена БУТЕНКО
Праздничная служба в честь 220-летия Лебяжьей пустыни..... 6

Ольга ЗОРИНА
История Лебяжьего Острова..... 9

Нас читают

Лариса ЯКИМЕНКО
Отзывы наших читателей..... 11

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОЙ СТАРИНЫ

Валентин ЦВЕТКОВ
Генерал Усатый..... 14

Валентин ЦВЕТКОВ
Наша история. Казаки царя встречали.....16

Александр ДЕЙНЕВИЧ
К 100-летию Первой мировой войны. Вычеркнутая из памяти.....18

Валерий КОСТРОВ
Каневчане – герои и участники Первой мировой войны.....24

КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЭВОДУ

Валентин ЦВЕТКОВ
К 100-летию Первой мировой войны. Полный георгиевский кавалер.....30

Зоя СИЗОВА
«А они же – свои!..» Репрессии в Каневской..... 33

Николай ЛЕМИШ
Шесть площадей: Церковная площадь (продолжение)..... 36

Виктор АНДРЮЩЕНКО
Станичный парк.....42
О генерале Хрюкине.....44
Старинные казачьи песни 47

СТАНИЦА В ЛИЦАХ

Ирина МАТВИЕНКО
Не ограниченный возможностями талант..... 50

Валентин ЦВЕТКОВ
Имя в истории. Учитель поколений.....52

Владимир САЯПИН
Пожарная охрана в Каневском районе..... 54

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Ноха СУЛТХАНОВ
Мы за ценой не постояли (продолжение)..... 58

Николай ЛЕМИШ
Дорога через войну..... 66

Степан ДЕРЕВЯНКО
Я теперь во сне сею..... 72

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»

Владимир САЯПИН
Последняя вечеря.....76
Стихи.....78

Ольга СЕРГАНЬ
Стихи.....79

Татьяна КУН
Стихи.....80

Ольга ЗОРИНА
Стихи.....82

Зоя СИЗОВА
Стихи.....83

Василий МАКУХИН
Переселенцы (продолжение)..... 84

Джон АКОПОВ
За други своя..... 112

Светлана КРЕВСУН
Ночь перед рождеством. Рассказ.....118

Яков ШЕНГАРЕЙ
Стихи.....119

Наши гости

Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ
Стихи.....105

Геннадий ПОШАГАЕВ
Человек-чудак..... 106

ВЕРА МОЯ ПРАВОСЛАВНАЯ

Ольга ЗОРИНА
На пути к вере.....110

Дай опомныця, кукушка…

Дай опомныця кукушка, дай опомныця…
Сыпав техкы соловэйко за ярамы.
Сныця дом, з ризным коньком над виконыцей.
З молодэнькым, над крынычкою яворoм

Дай опомныця кукушка, дай опомныця…
Пиднялысь мои сыны рядом з дочкамы.
Каждэ лито так же спие мэд-шовковыця.
Розрослыся ясыны з яворочкамы..

Припев:
Там зирочка ранэнька будыла вышнякы.
А в рички моя нэнька полоще рушныкы.
А батько конэй поив, а я винкы плыла.
Про щастье, та про долю спивалы явора.

Дай опомныця кукушка, дай опомныця…
Шо згадала ты мэни, ох, то нэ выпало.
Билый явор долу гнэця – нэ ломыця.
Сыви лыстя на дорогу понасыпало.

Дай опомныця кукушка, дай опомныця…
Пронысслысь года, як птыци пид хмарамы.
Чи ты куешь? Чи прычитуе звонныця!?
Чи болыть душа по тонкым, та по яворам.

Припев:
Там зирочка ранэнька будыла вышнякы.
Водыла мэнэ нэнька в закохани стэжкы.
Чирвони в косы квиткы мэж лентамы плыла.
Над ридною калиткой качалысь явора.

Слова Ольги СЕРГАНЬ.
Музыка Виктора ПЕТРЕНКО.

Жарко. Очень, до +39°. Всё живое пытается найти тень. Кто под кондиционером автомобиля, кто в бокале кваса... А вот ребятишек на мосту нет, на том, что между Каневской и Стародеревянковской.

...В наше время мы не вылезали из воды на пляже и на всех мостах. И вообще, моё поколение 2 июня одевало чёрные сатиновые трусы (единственная летняя одежда) и ныряло в лебеду, бросив на родных прощальный взгляд. До 29 августа мы превращались во что-то типа Маугли. Домой приходили только вечером, чтобы утром, ухватив натёртую чесноком горбушку хлеба, снова исчезнуть. Мы дичали, пятки приобретали стальную твёрдость, сокрушить которую не удавалось даже грозным «кавунцам» – колючим шарикам сорняка, способного пробивать колесо велика, закадычного друга нашего далёкого детства. Волосы торчали в разные стороны, как у шолоховского Нахалёнка, кожа обретала шоколадный цвет.

Мы знали все растения, которые можно было есть. «Козелики», «калачики», «заячье ушко», «кашка», корень солодки, корень рогоза, молочай – всё это елось нами, пострелятами, потому-то и росли мы здоровее нынешних. Ловили раков и варили на костре, могли «позычить» на чьём-нибудь огороде молодой картошки с укропом, жарили рыбу на рогульках. Что, потекли слюнки?

Нашим прыжкам с моста «с выкобеньками», то есть со сложностями, сальто, чтобы привлечь внимание сопливых дам, мог бы позавидовать любой из нынешней детворы, не умеющей даже плавать.

29 августа в станице была облава на нас. Чуть ли не бреднем отлавливали родители своих чад, чтобы вернуть их в лоно цивилизации. Нас стригли, мыли, выводили «цыпки» на руках и ногах. И вот 1 сентября мы с унылыми физиономиями в пыточных колодках под названием «новые сандали», в хрустящих белых рубашках стояли на линейке, тоскливо пытаясь вглядеться куда-то вдаль, где ещё манила река, в дупле вербы лежали рогатка и самопал-поджиг…

...А на днях – выборы глав и депутатов в станицах района. Дай Бог, чтобы пришли к власти люди, беспокоящиеся за судьбу своей маленькой родины. Чтобы до морозов цвели у нас на улицах розы (кстати, они появились в эти пять лет, когда работали Совет депутатов и глава поселения), чтобы не погасли лампочки, превращающие нашу улицу Горького в Уолтстрит, всю в огнях.

Вчера поздно ночью ехал по станице. В открытое окно машины залетел запах каких-то ночных цветов, который до того растревожил душу… Я его не вдыхал с детства. Остановил машину и долго наслаждался этим ароматом. Значит, не всё потеряно, что-то хорошее к нам возвращается, заставляя и нас становиться лучше. Хоть чуть-чуть…

Ваш Владимир САЯПИН.

Каневчане 2014

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№13 • 2014

УЧРЕДИТЕЛИ
Администрация Каневского сельского округа

ИЗДАТЕЛЬ
Творческий коллектив журнала

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
САЯПИН Владимир Юрьевич, член Союза журналистов России
тел. +7 (918) 977-79-29
e-mail: sayapin-58@mail.ru

Зам. главного редактора –
КУН Татьяна Гавриловна

АКОПОВ Джон Суренович, член Союза журналистов России
ЗОРИНА Ольга Сергеевна, член Союза журналистов России
КОСТРОВ Валерий Павлович, член Союза журналистов России
ЛЕМИШ Николай Фёдорович
СИЗОВА Зоя Алексеевна
ЦВЕТКОВ Валентин Александрович, член Союза журналистов России

Компьютерная вёрстка и дизайн –
Андрей НИКИФОРОВ

Фотографии:
Андрея НИКИФОРОВА
Валерия КОСТРОВА
Валентина ЦВЕТКОВА
Александра ДЕЙНЕВИЧА
Елены БУТЕНКО
Татьяны КУН

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Подготовлено к печати и отпечатано в ОАО «Кубанское полиграфическое объединение»

Ст. Каневская, ул. Черноморская, 21
Заказ № 10 162.
Тираж 999 экз.

ДОРОГИЕ ЖИТЕЛИ И ГОСТИ КАНЕВСКОГО РАЙОНА!

В этом году и станица Каневская, и наш любимый район отмечают юбилеи. 220 лет назад атаман Захарий Чепега привёл на Кубань группу черноморских казаков из-за Буга, выбрав место у слияния трёх рек: Большого, Среднего и Сухого Челбасов. Сегодня Каневская – самая большая станица на Кубани с самобытными традициями, которые не только помнят, но и передают из поколения в поколение.

90 лет назад произошла коренная перестройка административно-территориального деления. В результате Каневская волость преобразовалась в Каневской район. Сегодня в его состав входят девять сельских поселений.

В юбилейный год мы с благодарностью вспоминаем наших прадедов, стоявших у истоков развития района. Преклоняемся перед земляками, которые достойно сражались, отстаивая свободу и независимость малой родины. Гордимся трудовыми подвигами дедов и отцов, внёсших весомый вклад не только в летопись района, но и в историю Кубани и всей страны.

Сегодняшний день муниципалитета богат новыми событиями и делами. По многим социально-экономическим показателям Каневской район – один из лучших на Кубани. Во все времена он был и остаётся самым богатым людьми, влюблёнными в свою малую родину. Имена многих знакомы краю, стране, миру.

В районе строятся новое жильё, производственные и социально значимые объекты. За три года у нас появились два современных детских сада. Сельскохозяйственные предприятия пятый год подряд уверенно лидируют в уборке зерновых в северной зоне края, а по валовому сбору зерна нам нет равных в крае. Животноводы добиваются высоких результатов в производстве молока.

Неоднократно отмечен высокими наградами плодотворный труд наших работников агропромышленного комплекса, социальной сферы, представителей предпринимательского сообщества – всех, кто своим трудом и личным примером активно влияет на развитие территории.

Учащиеся школ района становятся победителями и призёрами краевых, окружных и федеральных конкурсов. Творческие коллективы достойно представляют родные станицы, посёлки и хутора на фестивалях самого высокого уровня. Наши спортсмены успешно выступают не только на районных, но и на региональных, Всероссийских и Международных соревнованиях.

У нас есть все основания гордиться достижениями земляков.

Для всех, кто живёт здесь, Каневской район стал Родиной не только по праву рождения, но и по праву любви. Любви к тому месту, где мы учимся, трудимся, дружим, создаём семьи, рожаем и растим детей... Настоящее и будущее Каневского района – в наших руках. Оно зависит от нашего труда, инициативы, гражданской ответственности, желания изменить жизнь на селе к лучшему.

Этот год, который мы отмечаем как Год культуры, насыщен мероприятиями и событиями, посвящёнными празднованию 220-летия станицы Каневской и 90-летия Каневского района. Приглашаю всех принять участие в этих мероприятиях и стать не только гостями, но и полноправными их участниками и организаторами.

В год двойного юбилея искренне желаю всем жителям района, всем, кто трудился и трудится сейчас на благо нашего муниципалитета, оптимизма, здоровья, успехов в работе и счастья в семьях! Пусть увеличивается благосостояние нашей малой родины и каждого из вас!

Пусть у Каневского района впереди будет много-много хороших и добрых событий и юбилеев. А это возможно, если каждый из жителей будет чувствовать личную ответственность за судьбу своей малой родины. Тогда, благодаря нашим совместным усилиям, Каневской район будет жить, развиваться и процветать!

Александр ГЕРАСИМЕНКО,
глава Каневского района.

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ!

Вот и пролетели пять лет со дня выборов главы и депутатов Каневского сельского поселения. Сказать, что пролетели незаметно, нельзя – работа ежедневная, насыщенная без остатка. О результатах её судить вам, земляки. Мне кажется, что удалось с командой сделать немало; всё у вас на глазах. Ещё много недоделанного, много того, что задумано, ждёт воплощения в жизнь. Если на выборах 14 сентября вы, избиратели, окажете доверие на новый срок – уверяю вас, разочарованы не будете. Планов – громадьё.

Станице нашей в этом году исполняется 220 лет. Много это или мало? В масштабах человеческой жизни – всего несколько поколений. А как шагнула вперёд наша маленькая Родина!!! От турлучных полуземлянок на Куренной – до населённого пункта, имеющего все городские структуры, исключая, может быть, трамвай и троллейбус. С каждым годом хорошеет наша станица и облагораживается. По числу иномарок на одного жителя Каневская не каждому городу уступит. А розарии по улице Горького, цветущие до морозов?!. Реконструированы пляж, парк, площадь у Вечного огня... И это только малая толика сделанного и задуманного. А как красиво и по-небесному светло смотрится наш Храм! Рука сама тянется осенить себя Крестным знамением!

Не всё спокойно в мире; в Украине, в частности. На фоне происходящего очень приятно отметить, что наш многонациональный район живёт спокойно, дружно, каждый занимается своим делом во благо Каневской, и людям нет необходимости выдумывать причины и поводы, способствующие возникновению нестабильности. Наша казачья земля даёт кров и хлеб всем, кто с чистой душой готов поселиться на ней, став нам хорошим соседом. И да будет так до скончания века!

Поздравляю всех земляков с 220-летием Каневской. Счастья вам, спокойствия, материального благополучия, мира вашим близким, представителям всех национальностей, живущих в нашем районе.

Мира вам и благоденствия, дорогие земляки!!!

Владимир РЕПИН,
глава Каневского
сельского поселения.

Елена БУТЕНКО

ПРАЗДНИЧНАЯ СЛУЖБА В ЧЕСТЬ 220-ЛЕТИЯ ЛЕБЯЖЬЕЙ ПУСТЫНИ

6 августа в Лебяжьем Острове Брюховецкого района состоялось празднование 220-летия Свято-Екатерининской пустыни – первого на Кубани мужского монастыря, построенного по указу Екатерины II.

Божественную литургию возглавил Высокопреосвященнейший Исидор, митрополит Екатеринодарский и Кубанский; сослужили ему епископ Ейский и Тимашевский Герман и епископ Армавирский и Лабинский Игнатий. В литургии участвовали более двадцати священнослужителей кубанских благочиний, в их числе – благочинный Каневского округа церквей протоиерей Владислав Кашков.

В числе молящихся на богослужении присутствовали вице-губернатор Кубани Галина Золина, депутаты ЗСК и местных представительных органов, главы муниципальных образований. О пустыни и её основателях молились тысячи паломников, приехавших в обитель из многих уголков Кубани и других регионов. Многочисленной была делегация каневских паломников.

...История монастыря непосредственно связана с историй кубанского казачества; она отражает исторические вехи его развития и процветания, трагические дни испытаний и разрушений.

В конце XVIII века, в дни освоения пожалованной Екатериной II земли, было решено построить монастырь для раненых казаков и тех, кто решил посвятить жизнь монашескому служению. Монахи трудились, занимались просветительской деятельностью. Казаки для своего монастыря ничего не жалели, Лебяжья пустынь с каждым годом становилась краше и величественнее.

С гражданской войной на святую землю пришла большая беда. В 1917 году монастырь прекратил своё действие, в 1921-ом был разрушен; мученически погибли почти все монахи.

Почти 70 лет в сердцах православных теплилась надежда, что когда-либо здесь вновь зазвонят колокола. Архипастырь Кубани Высокопреосвященнейший Исидор неоднократно прилагал усилия к возрождению обители. В 1992 году он отслужил литургию на берегу Лебяжьего лимана и освятил памятный камень, мемориальная табличка которого гласит о возрождении монастыря. В 2011 году митрополит Екатеринодарский и Кубанский благословил на занятие делами пустыни иеромонаха Григория (Хоркина).

Сегодня здесь действует храм; с историей обители знакомят паломников сотрудники местного музея, по крупинкам воссоздающие летопись монастырской жизни. Изо всех построек пустыни уцелела лишь водокачка. Многие артефакты сохранились в горькое для Церкви время благодаря неистребимой вере казаков, и сегодня они вновь обретают своё место. Именно здесь спасали регалии кубанского казачества, что ныне отражено на гербе станицы Брюховецкой и района.

...По окончании праздничной литургии к собравшимся обратилась вице-губернатор Галина Золина. «Мы возвращаемся к истокам, мы обретаем самих себя. За многие годы безверия мы себя потеряли. Я думаю, что сегодня поют и ликуют небеса от того, что в это святое, Богом избранное место вернулась духовная жизнь, вернулась та сила, которая даёт человеку возможность преодолеть все земные трудности – сила молитвы», – подчеркнула Галина Дмитриевна.

Благодарственные письма губернатора Кубани за неоценимый личный вклад в дело возрождения Лебяжьей пустыни Галина Золина вручила митрополиту Кубанскому и Екатеринодарскому Исидору, епископу Ейскому и Тимашевскому Герману и игумену Лебяжьей пустыни иеромонаху Григорию.

Затем участники празднества Крестным ходом прошли к монастырской водокачке. Здесь местные школьники в костюмированной постановке рассказали гостям, как в былые времена приходили к источнику люди со всей округи за вкуснейшей целительной водой Лебяжьего Острова.

А вокруг простирались кубанские лиманы необычайной красоты. Великолепие природы, достойно обрамляя торжество, придавало возвышенную уверенность в благостном будущем старинной обители.

Ольга ЗОРИНА

ИСТОРИЯ ЛЕБЯЖЬЕГО ОСТРОВА

...Предки кубанских казаков, запорожские казаки, вступая в Сечь, обещали защищать Веру, Отечество и народ; многие давали обет безбрачия. На закате лет – без семьи, без кола и двора – уходили они в Киево-Межигорский монастырь. После роспуска Екатериной II запорожского войска казаки отправились на Кубань. Императрица пожаловала Черноморскому казачеству без малого 30 700 квадратных вёрст земельных и водных угодий. Это решало сразу две задачи: охраны новой государственной границы и хозяйственного освоения присоединённых земель.

Земля, полученная казаками, называлась Черноморией. Селились казаки куренями. К югу от Азова, неподалёку от устья реки Бейсуг, основался Брюховецкий курень; рядом – хутор Величковский, переименованный в 1896 году в станицу Чепигинскую в честь кошевого атамана Захария Чепеги (кстати, в Каневской есть улица Чепигинская). Эта станица и стала «воротами» общежительной пустыни.

В 1794 году, ровно 220 лет назад, казаки «порешили устроить монастырскую обитель с названием: Черноморская Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь» для раненых, «желающих воспользоваться спокойною в монашестве жизнью». Обитель назвали по имени Ангела хранителя Екатерины II и в память Межигорского Николаевского монастыря.

Едва освоившись на Кубани, казаки обратились в Святейший Синод за разрешением перевезти сюда библиотеку пришедшего в запустение Межигорского монастыря. К 1804 году

большую часть того, что удалось отыскать, доставили на Кубань. Историки упоминают о межигорских сокровищах, доставленных в Лебяжью пустынь: Евангелии, пожертвованном в 1654 году игуменьей Агафьей Гуменецкой, и ещё 11 книгах.

Обитель на берегу Лебяжьего лимана, обустраиваясь на пожертвования жителей, стала крупным духовным и образовательным центром: многие кубанские священники воспитывались при монастырской школе, открытой в 1795 году; были снованы приюты для больных и сирот, заведены обширные сельхозугодья и ремесленные производства.

На духовном облике братии отражался тесный контакт со Свято-Ильинским монастырём на Старом Афоне. Екатерино-Лебяжья пустынь продолжала и традиции Киево-Межигорского монастыря: кроме библиотеки, здесь хранили бесценную ризницу; торжественно отмечали храмовые праздники древней запорожской святыни, на которые, по воспоминаниям современников, «стекаются со всех концов Черноморья, земли Кавказского войска и Ставропольской губернии молельщики и говельщики».

Известный историк Фёдор Щербина писал: «В монастырь ходили на богомолье, налагали здесь на себя искус, жертвовали деньгами и имуществом от избытка сердца, горели желанием угодить Богу и сделать добро людям бесхитростные сердца казаков и казачек. Монастырь и его святыни давали им то, чего они искали здесь, действовали умиротворяющим образом на их настроение».

Войско предоставило пустыни земли для скотоводства, плюс 10 000 десятин у монастыря; разрешило рыбную ловлю на косе Азовского моря, в двух лиманах в Бриньковской и у самой обители. Монастырь пользовался тремя водяными мельницами: в Переясловской на реке Бейсуг (подарена генералом Тимофеем Котляровским), на реке Бейсужок (дар атамана войска генерал-майора Захария Чепеги) и в Староминской на реке Сасыке (даритель – войсковой атаман генерал-майор Фёдор Бурсак).

Многие казаки жертвовали на содержание монастыря; хозяйство пополнялось и за счёт имущества принимавших монашество. Выдавалось жалование и из войсковых доходов. Кроме того, войсковое начальство ежегодно назначало 16 казаков для прислуги и ведения хозяйства в богадельне для одиноких престарелых казаки, лишившихся здоровья в военных походах.

Доходы состояли не только из пожертвований. Монахи продавали свечи, проводили «кошельковый» сбор; им платили за сорокоусты, годовые поминовения, вечное поминовение усопших. Немалый доход приносила селекционная работа по выведению новых пород скота.

Монастырь пользовался уважением, потому что хранил древние традиции запорожцев. Год от года он становился величественнее и краше. Но были и тяжкие испытания: в 1833 году – засуха и свирепый голод, в 1843 году – цинга (врачей не было, лечились травами), в 1847 году – холера, занесённая из Крыма, в 1876 году – чума, в 1918 году – гражданская война.

В 1918 – 1921 годы монастырская жизнь была крайне тяжёлой, но церковные службы не прекращались. В пустыни разместилась коммуна «Набат» и началось разрушение всего, что новая власть называла «опиумом для народа». Как погибли монашеская братия и труженики коммуны?.. Существует предание о взрыве церкви во время отпевания почившего монаха. Коммунаров захоронили в Брюховецкой, тела монахов остались под развалинами.

1921 год – последний в истории обители. В кельях поселились жители, основавшие птицесовхоз «Лебяжий Остров», была основана школа для сирот, а позднее – сельскохозяйственная школа.

По материалам Ейской епархии и Лебяжьей обители.

Мы читаем

Ведущая рубрики Лариса ЯКИМЕНКО

Локальная история

Привет Вам с далёкого Урала и Сибирской земли. Огромное спасибо за альманах! Даже беглое знакомство с №11 производит впечатление.

Я с удовольствием листала, обращая внимание на оформление, названия рубрик. Безусловно, что-то мы у вас позаимствуем, чему-то научимся. Особенно заинтересовали рубрика «Летопись Каневской старины», статья «Каневчане в Отечественной войне 1812 года».

Подобные краеведческие издания всё-таки «выправляют», наверное, сложившуюся практику в исторической науке, вызывая интерес к местной, локальной истории.

С уважением,
Надежда ТЕТЮЦКИХ,
заведующая Туринским музеем декабристов,
Свердловская область.

Свеча памяти

Ваш историко-литературный альманах «Каневчане» (№11, 2013 г.) очень хорош. Сразу же привлекает внимание обложка – чудо как хороша фотография! А какой смысл в ней кроется! Луна и её отражение в воде образуют свечу, а свеча – это память, и ваш альманах – свеча памяти.

Читала журнал с большим интересом. Похорошему позавидовала каневчанам, узнав об открытии в станице памятника Кириллу и Мефодию. Интересна страничка истории о героях 1812 года, открытая Валерием Костровым в «Летописях каневской старины».

Раздел «Казацькому роду нэма пэрэводу» насыщен великолепными материалами. Жуткая, потрясающая статья Александра Дейневича «Рассекреченный голод» – факты, документы бьют в сердце!

Замечательно разнообразны материалы Виктора Андрющенко; по-видимому, этот человек был увлечённым краеведом, жил историей своего края. Актуальна статья о Георгиевских кавалерах Первой мировой войны; интересна подборка строевых песен кубанских казаков. Любителей-языковедов не могут не привлечь исследования по топонимике: разгадывать географические названия всегда интересно.

«Горькая память войны»... Всегда горькая, она не может быть другой! Правдивое повествование Николая Лемиша «Дороги, которые не выбирают» раскрывает очень важные темы: подвиг и предательство, милосердие и жестокость. Ой, как нужны эти страницы в наше время! Дай Бог достучаться им до сердец и ума нынешнего молодого поколения!

Трогают душу стихи Владимира Саяпина. Вспоминается пушкинское: «печаль моя светла»... Для меня его стихи объединились

в мелодию медленного старинного вальса, уносящего в прошлое. Лирика всегда создаёт в сознании читателя образ поэта. Для меня Владимир Саяпин – гитарист, перебирающий струны: строки его стихотворений, как движения пальцев, вызывают определённые чувства, звуки души. Отсюда и желание перечитывать «задевшие» строки. Грустно, нежно, светло… Но спасибо за оптимизм.

Участники вашего литературного объединения «Родник» очень талантливы. Удивителен романс Ольги Сергань «Я тебя нарисую» – в каждой строчке любовь. Необычно стихотворение Ольги Зориной «Алые паруса» – неожиданное воплощение мечты. Хороши осенние картинки-миниатюры Зои Сизовой – красивые и задорные. Страшна и трагична житейская ситуация, в которой оказалась Варвара Терентьевна, героиня рассказа Николая Лемиша «Сын». Без слёз не прочитаешь, не дай Бог пережить такое!

Самое же главное, что в вашем альманахе каждый читатель может найти исторические материалы и художественные произведения, заставляющие душу и ум трудиться.

С уважением и благодарностью,
Нина ТИШАКОВА,
учитель русского языка и литературы,
село Осташево, Московская область.

С уважением и любовью

Спасибо вам за журнал «Каневчане». Было приятно читать статьи, написанные с глубоким уважением и любовью к своему краю. Вот у нас, к сожалению, подобных журналов нет. А ведь они очень развивают и поддерживают дух патриотизма.

Алина РАГИМОВА,
заведующая Домом-музеем
А.С.Гагарина,
город Киров.

Действительно хорош!

Получила журнал, большое спасибо. Некоторое время подержу его у себя, а потом подарю районной библиотеке. К сожалению, у нас нет подобных изданий. Вы молодцы, что издаёте его. Журнал действительно хорош.

Елена КОМИССАРОВА,
библиотека, станица Вешенская,
Ростовская область.

Другой мир

…Сразу по поводу журнала «Каневчане»: я ещё не начиталась и мнения высказать не могу. Скажу только, что интересно и необычно – совсем другой мир!.. В журнале я никого не могу выделить – всё хорошо.

Александра ЗЮЗЕВА, поэтесса,
город Волчанск, Северный Урал.

И много юбилеев!

Уважаемые каневчане! В вашем юбилейном альманахе нам понравилось всё, особенно – материалы краеведческого характера, этнографические этюды, прекрасные стихи.

Город Острогожск основан украинскими казаками-переселенцами (черкасами) и русскими служилыми людьми. Сотрудники музея написали много статей по истории заселения нашего края, поэтому особо нас тронули ваши статьи по казачеству.

Хочется отметить, что в юбилейном издании много сведений, бесценных для нового поколения каневчан. Альманах собрал столько материала, посвящённого вашей малой родине, что сразу чувствуется: издатели и авторы – люди не случайные, а с любовью и трепетом относящиеся к истории.

Желаем творческого вдохновения авторам, успехов в краеведческих исследованиях, написании прекрасных стихов и рассказов, а альманаху – долгой жизни и ещё много юбилеев.

С большим уважением,
коллектив Острогожского
историко-художественного музея
им. И.Н. Крамского.

Вы большие молодцы!

Дорогие каневчане, здоровья вам всем и бесконечного благоденствия!

Рада познакомиться с вами через ваш юбилейный альманах. Прочитала всё, от начала до конца. Вы большие молодцы! Я восхищена вашей станицей, рада бесконечно, что возрождается её былая сила и слава. Всё отражено в этом замечательном журнале: и старина, и современность, и творчество, и культура, и духовность. Последнее имеет первостепенную важность: бездуховность – главная беда людей.

Радует, что молодёжь активно участвует в жизни станицы, её процветании, занимается и спортом, и туризмом, и разнообразными культурными мероприятиями.

Очень талантлив ваш народ, судя по стихам, рассказам и очеркам, декоративно-прикладному искусству. Тронули душу рассказы «Полонез Огинского», «День рождения», «Посылка из Сибири». Замечательны стихи всех авторов. До слёз тронули пронзительные строки Эльвиры Амосовой, отзывы Владимира Саяпина о Валерии Лукьянове, а в «Памяти» – о лучших представителях казачества в лихолетьях и современной жизни.

Слава и честь вам, дорогие друзья! И Божьих благословений на новые свершения.

Каневчане, пусть светит всегда
Солнце ярко над вашей станицей,
Стороною обходит беда
И сияют улыбками лица!
В счастье дети пусть ваши растут –
Молодое и славное племя.
Пусть сады буйным цветом цветут,
Всё сбывается пусть в своё время!

Валентина ОБЪЕДКОВА,
город Острогожск.

Летопись каневской старины

Валентин ЦВЕТКОВ

ГЕНЕРАЛ УСАТЫЙ

Взрослая, а можно даже сказать – мужская, жизнь для четырнадцатилетнего паренька Федьки Усатого из станицы Челбасской началась в его тринадцать лет. В феврале учебный год в местной школе ещё продолжался, а он учёбу оставил и с красноармейским отрядом покинул и отчий дом, и родные места.

...Революционное настроение в среде станичников зародилось, пожалуй, в конце 1917 года, когда после установления в Петрограде Советской власти был расформирован лейб-гвардии казачий полк. Служивший в нём Иосиф Ксенофонтович Петровский остался не у дел и возвратился в родную станицу. Землякам он не только свежие новости привёз, но и литературу со статьями основателя нового государства Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Вскоре, в январе 1918 года, и новые идеологические бойцы возвратились с фронта домой. Среди них были родной дядя Фёдора Усатого Лука Иванович Шарапов и его боевой друг Владимир Никитович Лысенко. В Челбасскую их направила партия для разъяснительной работы среди бедных казаков и иногородних.

Вечерами бывшие фронтовики собирались в хате Иуды Ивановича Усатого. И каждый раз Фёдор с молчаливого согласия отца тихо сидел за ширмой и внимательно слушал горячие дискуссии бывалых людей. Когда разговор становился очень уж шумным, хозяин дома, дабы не навлечь на семью беду, жестом успокаивал ораторов. Тише, мол, и у стен уши бывают.

Разговор, с чего бы он ни начинался, всегда приходил к одному – как быстрее и без крови установить Советскую власть в Челбасской. Слухи один за другим приходили в станицу из ближайших хуторов: там атаманов уже свергли. Что дальше-то?

Такие смелые высказывания и практические действия раньше были непозволительны. Однажды Иуда Иванович из предосторожности хотел удалить сына из комнаты, но Шарапов встал на защиту племянника: «Пусть послушает. Не маленький уже. Сам во всём разбираться должен…»

12 февраля 1918 года в школу Фёдор не пошёл. В тот день на станичной площади люди собрались на решающий их судьбы митинг. Хотелось найти ответ на вопрос: «Жить будем, как прежде, или по-новому?» Парнишка спрятался за церковной оградой, притих там и наблюдал за происходящим.

С трибуны, наскоро сколоченной по требованию фронтовиков и распоряжению атамана Реки, выступали в основном служивые люди, повидавшие больше других, которым было что сказать землякам. Многих Фёдор Усатый знал: Исидора Петровского, Кирилла Романовича, Хамиджана Байкеева, Фёдора Резуненко, Ефима Сычёва и других.

Вскоре после начала митинга к площади подтянулись конные и пешие казаки, старики и молодёжь, женщины, которым раньше участие в сборах не дозволялось. Всё закончилось тем, что в Челбасской была провозглашена Советская власть. Её исполнительный орган – революционный комитет – общество доверило возглавить В.Н. Лысенко. Комиссаром был избран Л.И. Шарапов.

Первая советская весна наступила рано. Созданный по инициативе станичного ревкома и его председателя Владимира Никитовича Лысенко кавалерийский полк готовился за околицей к боевому походу. Когда конники уже садились в сёдла, со стороны хат заметили бегущего в их сторону парнишку. Он махал руками, падал в грязь, поднимался и снова устремлялся вперёд, словно боясь опоздать. Его привели к командиру.

– Ты кто такой? – не узнав измазанного грязью бегуна, спросил В. Н. Лысенко.

– Фёдор Усатый я. Возьмите меня с собой!

– Зачем тебе, мальцу, походная и опасная жизнь?

– Хочу свободы для всех и счастья.

Стоявшие поблизости конники рассмеялись. Улыбнулся и командир.

– Что ж. Мы тоже этого желаем.

Он осмотрелся, увидел нужного казака и подозвал к себе:

– Григорий, возьми парня в свою сотню. Он грамоту знает, пригодится. Обучи боевому искусству, сделай из него настоящего казака.

Так начался новый жизненный путь будущего генерал-майора Фёдора Иудовича Усатого.

…Уже в середине апреля 1918 года весна полностью вступила в свои права. Природа отдала предпочтение зелёным краскам. Хорошо прогреваемый днём воздух, пропитанный запахами полевых цветов, кружил голову. Новая жизнь всё смелее проникала в общество, и вдохновенные революционеры старались побыстрее ликвидировать классового врага, чтобы вернуться к семьям и зажить счастливо. Но не всем суждено было это увидеть и прочувствовать.

В бою под Екатеринодаром от пули корниловца погиб Исидор Петровский. Тело его привезли в Челбасскую и предали земле в присутствии почти всех станичников. Впереди траурной колонны с приспущенным красным знаменем в руках торжественной поступью шёл белокурый широкоплечий паренёк с обнажённой головой – Фёдор Усатый.

Зачисленный во вторую сотню 2-го Кубанского кавалерийского полка, которой командовал Григорий Прокофьевич Рудой, он участвовал почти во всех боевых операциях. Подносил бойцам в окопы патроны, выносил с поля боя раненых, врывался в ряды противника на пулемётной тачанке. С однополчанами прошёл от предгорий Кавказа до песчаных степей Астрахани. Там, в городе Чёрном Яре, 19 октября 1919 года на партийном собрании 38-го полка 7-ой кавалерийской дивизии Фёдора приняли в ряды коммунистической партии. А было ему всего пятнадцать лет.

Чуть более года назад в Челбасской его приняли в армейскую среду как наиболее грамотного, но сейчас он чувствовал, что имеющегося запаса знаний очень даже мало. И снова сел за учебники. Сначала окончил пулемётные курсы командного состава в Волынске, потом – Кубанскую совпартшколу, Ленинградский институт красной профессуры. А завершил военное образование в 1935 году в Качинской школе военных лётчиков.

Очередной страницей биографии Фёдора Иудовича стала Испания, где в 1937 – 1938 годах он служил в качестве советника народной армии, воевавшей с фашистами. А с 1941-го он воевал с фашистами же, но уже отстаивая интересы Союза Советских Социалистических Республик. Сначала был комиссаром военно-воздушных сил Ленинградского фронта. Потом воевал против захватчиков на Северо-Кавказском, Сталинградском, Воронежском, Брянском, Калининском, 3-ем Белорусском, 1-ом и 2-ом Прибалтийских фронтах.

О многочисленных ратных буднях и подвигах генерал-майора Ф.И. Усатого можно судить по его наградам. Великую Отечественную войну он завершил с орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны двух степеней, Кутузова второй степени и множеством медалей, в том числе и за боевые действия в Испании.

В мирное время Фёдор Иудович охотно передавал богатый жизненный опыт курсантам военной академии. Переписывался с учащимися 62-ой челбасской школы, в которой азы знаний постигал и сам. Иногда приезжал в родную станицу, лично общался с учащимися, с руководителями и рядовыми тружениками местных колхозов. Разговоры вели не только о прошлой жизни генерала и реальных делах жителей станицы, но и о будущем страны.

В 1978 году, последнем для героического генерала, жизнь была ещё светлой и радостной…

Валентин ЦВЕТКОВ

Наша история

КАЗАКИ ЦАРЯ ВСТРЕЧАЛИ

В 1898 году в Санкт-Петербурге вышла в свет небольшая книга И. Дмитренко с длинным названием «Пребывание ихъ императорскихъ величествъ Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Марии Фёдоровны с августейшими детьми, наследникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгиемъ Александровичемъ, въ Кубанскомъ казачьемъ войске въ сентябре месяце 1888 года». В многодневном визите внимание жителей Каневского района привлечёт, прежде всего, один день – 21 сентября, когда в столице Кубани в составе почётного караула царскую семью приветствовали и представители наших станиц – старейшие казаки.

Свою поездку на Кавказ семейство Романовых начало с Ростова-на-Дону, откуда их поезд 18 сентября 1888 года прибыл на станцию Минеральные Воды. Находясь в пределах Терской области Их Величества приняли депутации от дворянства и населения Ставропольской губернии, городов Ставрополя, Георгиевска и Пятигорска, провели осмотр Ставропольского казачьего юнкерского училища и второго Хопёрского (льготного) конного полка Кубанского казачьего войска.

20 сентября Александр III с семьёй отбыл из Владикавказа, а уже на другой день пересёк границу Кубанской области. В 7 часов утра поезд сделал остановку на станции Невинномысская, в 10 – на станции Кавказская, в 12 – на станции Тихорецкая, в 14 – у платформы Станичная. Минуя промежуточные станции, к 16 часам 21 сентября поезд прибыл в кубанскую столицу – Екатеринодар.

К приезду высоких гостей заблаговременно готовились, их с нетерпением ждали не только горожане, но и делегации казачьих станиц. «По пути следования Их Величеств, – пишет И. Дмитренко в своей книге, – по обеим сторонам улиц в шахматном порядке были расставлены шесты, фигурно украшенные национальными флагами, а между ними, на отдельных шестах, затейливые рейчатые фигуры для предстоящей иллюминации. При въезде в город красовалась арка, построенная иждивением Екатеринодарского купеческого общества… по проекту архитектора В. А. Филиппова… Для местных жителей и приезжих со всех концов области на Карасунской дамбе, Екатерининской и Соборной площадях, вдоль пути следования Высочайших Путешественников были выстроены городом особые места, расположенные террасами и убранные живописно флагами и гирляндами из зелени…»

Для Александра III и его семьи на время пребывания в Екатеринодаре был приготовлен дом наказного атамана Кубанского казачьего войска. Напротив него и на левом фланге войск стоял почётный караул в составе сотни пеших старых кубанцев, «украшенных Георгиевскими крестами, с Войсковым Георгиевским знаменем, пожалованным войску в 1792 году».

Станица Каневская в почётный караул по случаю встречи царской семьи выставила урядника Илью Первуна, принявшего при-

сягу на верность государю и Отечеству в 1838 году и награждённого военным орденом 4-ой степени. Новодеревянковскую представляли урядники Лука Набок (1949 год, 4-ой степени) и Иван Деминенко (1851 год, 4-ой степени), Стародеревянковскую – урядник Давид Чуб (1850 год, 4-ой степени), Новоминскую – урядник Павел Станиславов (1862 год, 4-ой степени).

Программа трёхдневного пребывания Романовых в Екатеринодаре была насыщена торжественными встречами, рапортами, преподношением подарков, службами в храмах и многими другими мероприятиями. В один из дней атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Леонов передал атаману Кавказских казачьих войск князю Дондукову-Корсакову, а тот вручил престолонаследнику Николаю Александровичу булаву – как атаману Кубанского и всех казачьих войск. Затем Государь Император обратился к войсковому кругу: «Я счастлив, кубанцы, что вместе с императрицей и наследником приехал к вам. Мне это желательно было давно и, наконец, удалось. Я уверен, что вы будете служить Отечеству и царям, как прежде служили, а молодёжь кубанская также храбро и честно, как старики». Единодушный взрыв потрясающего «Ура!» чинов войскового круга, подхваченный окружающим народом, последовал в ответ на эти слова и долго не смолкал.

И ещё об одном эпизоде не могу не сказать. Действительные члены Кубанского статистического комитета есаул Е.Д. Фелицын и Ф.А. Щербина подарили Александру III написанную ими книгу «Кубанское казачье войско. 1696 – 1888», состоящую из двух частей. Первая – «Исторический очерк Кубанского казачьего войска», вторая – «Кошевые, войсковые и наказные атаманы» бывших Черноморского, Кавказского линейного и существовавшего в то время Кубанского казачьего войска за столетний период (1788 – 1888 годы). Сборник богато иллюстрирован фотографиями, запечатлевшими как исторические памятники войска: регалии, знамёна, раду и другие, так и современные виды города Екатеринодара. Этот подарок царю понравился и он отметил старания авторов книги: Е.Д. Фелицину вручил перстень с бриллиантами, а Ф.А. Щербине – золотые с бриллиантами запонки.

23 сентября 1888 года царский поезд выехал из Екатеринодара, проследовал по огромному мосту через реку Кубань в Закубанский край, лишь четверть века назад покорённый и прославленный подвигами кубанцев. За окнами вагонов сменяли одна другую станции Георгие-Афипская, Северская, Ильская, Линейная и другие. Состав следовал в Новороссийск, откуда морем царская семья отправилась в город Батум…

На фото: Александр III, его жена Мария Фёдоровна, сыновья Георгий и Николай, престолонаследник.

Александр ДЕЙНЕВИЧ

К 100-летию Первой мировой войны

ВЫЧЕРКНУТАЯ ИЗ ПАМЯТИ

Война пришла в Новодеревянковскую в жаркий июльский день както внезапно. Несмотря на зной, работа кипела по всей степи. Казаки косили хлеб на своих паевых участках, молотили скошенное на токах. По степи неспешно двигались запряженные волами гарбы с пшеницей и обмолоченной соломой.

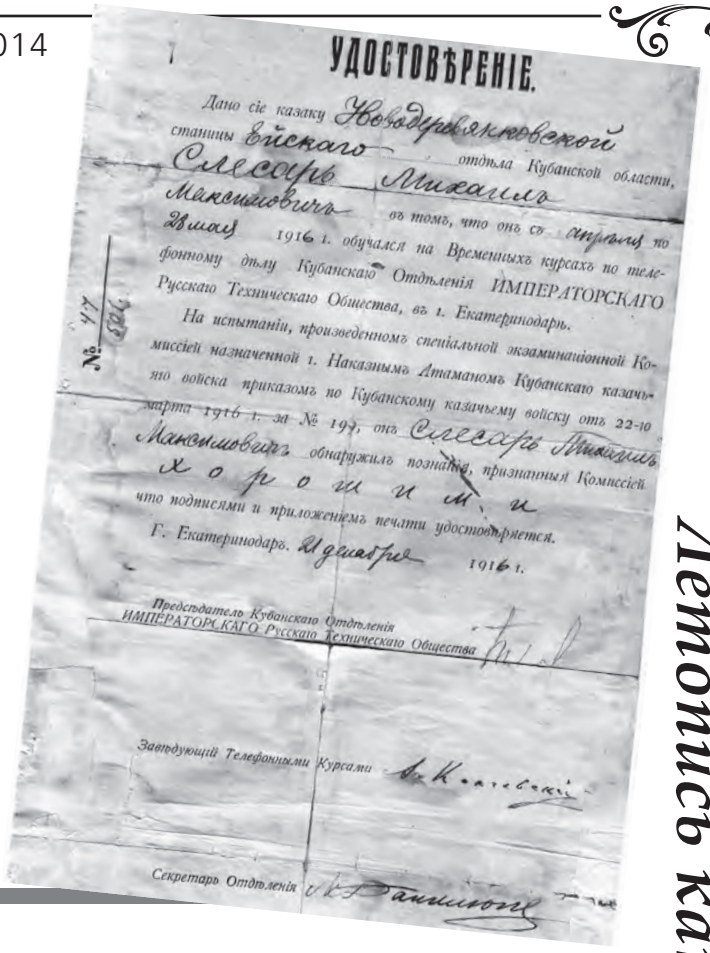
И вот эту тишину безоблачного дня, без малейшего дуновения хотя бы какого ветерка, взорвал всполошный звон большого колокола новой Николаевской церкви. А через короткое время так же, непрерывными частыми ударами в свой колокол, отозвалась и звонница старой деревянной церкви.

Свидетелю того памятного дня, уроженцу станицы Новодеревянковской Сахно Николаю, шёл десятый год. Много лет спустя Николай Иванович, ветеран уже другой войны, Великой Отечественной, вспоминал:

Учитель Вольховский Федор Яковлевич, погиб в годы Первой мировой войны. Похоронен на церковной площади.

Учитель Зуб Андриан Яковлевич, погиб в годы Первой мировой войны. Похоронен на церковной площади.

Слесарь Михаил Максимович (1894-1989), участник Первой мировой войны.



УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе казаку Новодеревянковской станицы Войскаго отдѣла Кубанской области, Слесарь Михаилу Максимовичу въ томъ, что онъ съ апрѣля по 2 мая 1916 г. обучался на Временныхъ курсахъ по телефонному дѣлу Кубанскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества, въ г. Екатеринодарѣ.

На испытаніи, произведенномъ специальной экзаминаціонной Комиссіей назначенной г. Наказнымъ Атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска приказомъ по Кубанскому казачьему войску отъ 22-го марта 1916 г. за № 197, онъ Слесарь Михаилъ Максимовичъ обнаружилъ познанія, признанныя Комиссіей хорошими

что подписями и приложеніемъ печати удостовѣряется.

Г. Екатеринодаръ. 11 декабря 1916 г.

Председатель Кубанскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества

Завѣдующій Телефонными Курсами

Секретарь Отдѣленія

– Господи Иисусе! Никак пожар! – ахнула мать, выбежала на улицу, на ходу одёргивая подотканную юбку и оглядываясь по сторонам на таких же встревоженных соседей.

Все выбежали из дворов и хат на улицу, поднимают головы – дыма не видно.

– Да нет, нигде как будто не горит, а в большой колокол раззвонились, – сказал отец. – Ну, что там видно?

– Нет, дыма нигде не видно, а только на церковной колокольне красные флаги так и трепыхаются!

Отец ничего не сказал, только помахал головой, повернулся и скорыми шагами отправился в курень.

– Чтоб это такое? – спросила мать.

– Горит, маты, да только не у нас. Горит там… далеко… за горами, за долами, а нас зовут тушить этот пожар, – сказал отец.

– Ой, Господи, Господи! – всплеснула руками мать и закричала, – что же теперь делать?

– А ну-ка, сынок, бежи-ка в правление, – сказал отец, – узнай, что там делается…

Звон церковных колоколов, оповещавших о большой станичной сходке, дополнял сигналами тревоги, выдаваемыми старенькой трубой, гарцевавший на белой кобыле Вайтех Венедикт Филатович, бывший гренадёр, станичный трубач-сигналист. Дежурные казаки были срочно разосланы с извещением о сборе: снаряженные красными флагами, они бегали по станице, в степи, по хуторам, объявляя о мобилизации на войну.

А на церковную площадь со всех сторон шёл и ехал народ, пыль стояла столбом. Люди шли молча, чувствуя большую беду. Навсегда запомнил те памятные дни и Илья Дмитриевич Варивода:

– У западного входа в церковь установили престол, покрытый серебряной скатертью. На ней стояла позолоченная двухведёрная чаша со святой водой, по сторонам её лежали массивные кропила. У самого престола, параллельно бульвару, была построена колонна казаков-кавалеристов в парадной форме, в которой полагалось являться в день призыва на действительную службу на сборный пункт.

Когда церковная площадь заполнилась народом, один из священников дал знак прекратить удары колокола. Перед строем на светло-сером коне в яблоках выехал атаман Курганский в белой длинношерстной шапке. Он приблизился к престолу и в тишине тревожно-бодрым баритоном сообщил, что Германия объявила нам войну…

Скорбное молчание собравшихся было взорвано церковным хором. Ктитор и пономарь взяли чашу за боковые ручки, так что она оказалась между ними, и понесли вдоль строя, а священники Чёрный, Гусев и Алексеев начали налево и направо резкими взмахами кропил разбрызгивать святую воду, благословляя воинов на подвиги за Веру, Царя и Отечество, а их отцов и матерей – молиться Богу ещё усерднее и преданнее…

Все улицы запрудили провожающие. Казаки заезжали друг к другу. Все родные – шли на войну братья двоюродные, племянники, дядьки, сватья, кумовья, – всё переплелось одной роднёй. На церковной площади (сейчас – территория станичного парка) собравшихся провожали многочисленная родня и толпа станичников.

Но вот раздались звуки трубы и казаки засуетились, начали прощаться. Послышалось рыдание, расставание казачек с причитанием: матери крестили сыновей, жёны изливали душу в объятиях мужей. Отцы давали наказы:

– Держись, сынку, не поддавайся немчуре! Бейте его, бисового бусурмана.

Казаки растянулись колонной по дороге и дружно грянули любимую песню:

Прощай мий край, дэ я родывся,
Дэ пэрву жизнь свою узнав,
Дэ козаком на свит явывся,
Родной Кубани прысягав.

Дэ диды, прадиды служилы
У пользу Русському Царю.
За Русь головкы положилы,
Колы нужна – отдам свою.

Настав тяжелый час розлукы,
Я йду за Родину служить.
Змоглы диды, зумиють внукы
Живот за веру положить...

Мобилизация, начавшаяся уже в день объявления Царского Манифеста, 19 июля 1914 года, оказалась самой большой за всю историю Кубани. Наряду с казаками мобилизации подлежали и иногородние, из которых формировали пехотные полки. Достойно проявили себя станичники на полях Первой мировой войны, не посрамили чести отцов и дедов. Они участвовали в боевых действиях на Западном и Восточном фронтах (в Польше, Восточной Пруссии, Карпатах), а с началом войны с Турцией (16 октября 1914 года) – на Кавказском фронте.

О боевой доблести земляков свидетельствуют приказы по Кубанскому казачьему войску. Многие из них за храбрость в боях награждены Георгиевскими крестами – высшей наградой того времени для «низших чинов»: солдат и унтер-офицеров. К июню 1916 года младший урядник Феодосий Мормыль был награждён крестами трёх степеней, младшие урядники Григорий Дубовик, Герасим Гашенко, Филипп Джунько, Михаил Пархоменко, приказный Михаил Рябыш – крестами IV и III степеней.

«За отличия, оказанные в боях с турками» Георгиевских наград удостоен разведчик Даниил Ёрж. К 1915 году полным кавалером Георгиевского креста стал подхорунжий 2-го Запорожского полка Василий Максимович Савченко.

В боях Первой мировой войны погибло два миллиона русских солдат. Кубанское казачество потеряло убитыми и ранеными 25 933 воина, 2 504 пропали без вести и попали в плен.

– Павших в боях товарищи привозили домой, где их торжественно предавали земле в почётном месте – на площади у новой церкви, – вспоминал участник той войны Михаил Максимович Слесарь. – В ограде нашей Николаевской церкви похоронены Чибис Ефим, учителя Зуб Андриан и Вольховский Фёдор, Омельченко Иван, Омельченко Степан, Пеньковский Лев…

В 1985 году ходил я с Николаем Ивановичем Сахно, специально приехавшим из Москвы, по бывшей церковной площади, и он рассказывал о тех далёких школьных годах:

– Все мы, школьники, были охвачены невиданным патриотизмом. И не потому, что каждый хотел быть, как герой войны казак Кузьма Крючков, а больше возбуждали нас два важных события, произошедших в станице.

Первое – когда привезли убитого на турецком фронте 19-летнего прапорщика Чибиса, который учился в нашей школе. Это был интересный молодой казак, щёгольски одетый, с погонами (что было для нас в новинку). Когда он был в отпуске, отличившись на фронте, приходил к нам в школу, беседовал. Рассказывал о событиях на войне, как получил награду, висевшую у него на груди, – за взятие турецкого города Ардагон… И вот теперь его убили в бою и привезли тело в станицу – хоронить со всеми военными почестями. Было очень много народа, и даже нас, школьников, привлекли к участию в похоронах.

Похоронили его не на кладбище, а в церковной ограде, и потом сделали памятник. Конечно, это событие произвело на нас сильное впечатление – мы воочию увидели, что значит умереть героем, за Родину.

И второй случай – это когда наши школьники старших классов (примерно 15 – 16 лет), три человека, убежали на Турецкий фронт. И написали письма, что они участвовали в разведке верховыми коноводами.

Одного из них, нашего ровесника, убили и привезли в станицу. Его тоже похоронили с военными почестями. Кроме этого, родителям вручили деньги и награду убитого сына. С тех пор в школе пошла полная кутерьма…

...Сегодня на бывшей церковной площади ничто не напоминает о находящихся здесь захоронениях погибших героев Первой мировой войны. Сама война коммунистическими вождями была объявлена «империалистической», а победы русского оружия, подвиги воинов – преданы забвению. Вычеркнуты из памяти имена. Забыта война, не имевшая себе равных по масштабам во всей предшествующей истории человечества.

Когда-то очень давно атаман Кубанского казачьего войска генерал Бабыч М.П., почётный старик станицы Новодеревянковской, издал приказ, обязывающий установить в храмах Кубани памятные доски с именами павших воинов. «Сохранение имён этих героев в памяти для нас, кубанцев, составляет священный долг и обязанность, так как то довольство и благополучие, которыми мы в настоящее время пользуемся, приобретено дорогою ценою, а именно кровью наших же павших героев…» – эти простые слова из старого приказа вряд ли могут и сегодня оставить равнодушным истинного патриота.

Хочется надеяться, что в новом храме, который возводят рядом с бывшей церковной площадью, будут увековечены незаслуженно преданные забвению имена павших героев-земляков, стойко сражавшихся с неприятелем и положивших живот свой за други своя, Веру, Царя и Отечество.

Новодеревянковцы – нижние чины Кубанского казачьего войска, награждённые Георгиевскими крестами за боевые отличия

АНТОНЕНКО Стефан, приказный 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

БЕРКОВСКИЙ Никита, казак.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

БОГДАН Василий, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

БОНДАРЕНКО Николай, казак 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

БОЯРСКИЙ Василий, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

БУТ Тимофей, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ВЕРЕСКУН Михаил, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ГАЙДАШ Гавриил, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ГАЙМЕНКО Герасим, приказный 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ГАШЕНКО Герасим, приказный.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом III степени).

ГРИЦАЙ Андриан, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ГРИЦАЙ Григорий, казак.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ГУДЕНКО Василий, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ГУДЕНКО Иван, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ГУДЕНКО Никита, казак.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ДЕМЬЯНЕНКО Стефан, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ДЕНИСЕНКО Пантелеймон, казак.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ДЖУНЬКО Филипп, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (Награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом III степени).

ДОВБЫШ Стефан, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ДУБОВИК Григорий, казак.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом III степени).

ЁРЖ Даниил Иович, фельдфебель, разведчик 17-го пластунского батальона.
Основание: приказ №183 от 23 августа 1916 г. по войскам 5-го Кавказского армейского корпуса (награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №283 от 6 ноября 1916 г. по Екатеринодарской школе прапорщиков (награждён Георгиевским крестом III степени).

КАРИКА Григорий, приказный 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КИРИЕНКО Иван, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КИРИЧУК Михаил, казак 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КИСЛЫЙ Иван, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КОСТЕНКО Сергей, приказный.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КОСЬМИНА Аким, приказный.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КУЗЬМЕНКО Василий, приказный.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КУЦ Гавриил, казак.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

КУШНИР Григорий, младший урядник.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ЛЕБЕДЬ Феодосий, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ЛИТОВКА Павел, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ЛУГОВСКИЙ Константин, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ЛЫСЕНКО Василий, вахмистр.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

МОРМЫЛЬ Феодосий, приказный.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом III степени).

МАРУШКО Александр, приказный 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

МАРУШКО Алексей, приказный.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

МОКИЕНКО Елиазар, казак.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

НАБОК Михаил, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ПАЛЬЧУН Николай, старший урядник.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ПАРХОМЕНКО Иван, приказный 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ПАРХОМЕНКО Михаил, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом III степени).

ПИЛЮК Петр, приказный.
Основание: приказ № 391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (Награжден Георгиевским крестом 4-й степени).

ПИНЬКОВСКИЙ Алексей, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

РЯБЫШ Михаил, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом III степени).

САВЧЕНКО Василий Максимович, подхорунжий 2-го Запорожского полка. Полный Георгиевский кавалер.
Основание: Полные кавалеры Георгиевского креста//Биографический энциклопедический словарь (Большая Кубанская энциклопедия). Краснодар. 2005; приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом III степени); приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом II степени).

СОКОЛ Петр, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

СУПРУН Афанасий,
старший урядник.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

СУПРУН Даниил,
казак 19-ой особой конной сотни.
Основание: приказ №843 от 30 ноября 1915 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ФИСУН Иван,
младший урядник.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ЧАБАН Гавриил, приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ШУЛЬГАТЫЙ Матвей,
приказный.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

ЮРЧЕНКО Иван,
старший урядник.
Основание: приказ №391 от 17 июня 1916 г. по Кубанскому казачьему войску (награждён Георгиевским крестом IV степени).

Новодеревянковцы – казаки 11-го Кубанского пластунского батальона, убитые и пропавшие без вести

БУТ Семён,
пластун.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1910 г. Убит 15 июля 1915 г. в перестрелке на позиции у села Ржавенцы (ныне Заставновского района Черновицкой области Украины).

ГАРМАШ Дмитрий,
пластун 4-ой сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1913 г. Пропал без вести 12 мая 1915 г. при атаке села Лазы (ныне Тячевского района Закарпатской области Украины).

ДЕЙНЕВИЧ Иван,
пластун 3-й сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1907 г. Пропал без вести до 28 марта 1915 г.

ДЕНИСЕНКО Николай,
приказный пулемётной команды.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1908 г. Убит 12 мая 1915 г. при атаке села Лазы (ныне Тячевского района Закарпатской области Украины).

ДЕРГАЧ Константин,
пластун.
Родился в ст. Новодеревянковской. Убит 25 июня 1915 г.

ДЕРКАЧ Константин,
пластун 4-ой сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1913 г. Убит 12 мая 1915 г. при атаке села Лазы (ныне Тячевского района Закарпатской области Украины).

ЁРЖ Деонисий,
мл. урядник 3-й сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1899 г. Убит 12 июня 1915 г. под селом Чёрный Поток (ныне территория Западной Украины).

КРОПИВА Григорий,
пластун 4-ой сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1913 г. Убит 12 мая 1915 г. при атаке села Лазы (ныне Тячевского района Закарпатской области Украины).

КЫШКА (КИШКА) Константин,
приказный 3-й сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1908 г. Убит или пропал без вести до 27 июня 1915 г.

ЛЕВЧЕНКО Иван,
пластун 3-й сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1904 г. Пропал без вести 13 мая 1916 г. во время разведки.

ЛУГОВСКИЙ Фёдор,
приказный 3-й сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1907 г. Убит 5 июля 1915 г. под селом Ржавенцы (ныне Заставновского района Черновицкой области Украины).

ЛУГОВСКИЙ Яков,
приказный.
Родился в ст. Новодеревянковской. Убит.

ОЛЕФИРЕНКО Тимофей,
пластун разведывательной команды.
Родился в ст. Новодеревянковской. Убит до 25 июня 1915 г.

СЕВЕР Дмитрий,
пластун 3-й сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1907 г. Пропал без вести до 28 марта 1915 г.

ЧЕРНОКОЗ (ЧОРНОКОЗ) Фёдор,
приказный 1-ой сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1898 г. (по другим данным – в 1906 г.). Убит 2 или 3 июля 1915 г. под селом Ржавенцы (ныне Заставновского района Черновицкой области Украины).

ЧИБИС Ефим,
прапорщик.
Родился 6 января 1897 г. в ст. Новодеревянковской. Убит в разведке 16 мая 1916 г.

ЯКИМЕНКО Иван,
пластун 4-ой сотни.
Родился в ст. Новодеревянковской. Принял присягу в 1913 г. Пропал без вести 12 мая 1915 г. при атаке с. Лазы (ныне Тячевского района Закарпатской области Украины).

Валерий КОСТРОВ

КАНЕВЧАНЕ – ГЕРОИ И УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2014 году мы отмечаем столетие со дня начала Первой мировой войны. В Российской империи её называли Великой войной и Второй Отечественной (Первая Отечественная – это война 1812 года с Наполеоном).

Человечество впервые столкнулось с подобными масштабами боевых действий, разрушений и потерь. На фронтах Первой мировой за четыре года были убиты более 10 миллионов солдат, 12 миллионов мирных жителей, 55 миллионов человек были ранены.

За время этой войны кубанцы выставили на Западный и Кавказский фронты 37 конных полков, 2 гвардейские сотни, 1 отдельную казачью дивизию, 11 запасных конных сотен, 24 пластунских батальона, 6 запасных пластунских сотен, 1 отдельный дивизион, 36 отдельных сотен, 6 батарей. Они сражались, не щадя своих жизней: 25 933 кубанских казака были убиты и ранены, 2 504 – пропали без вести и попали в плен.

К различным наградам были представлены около 30 500 кубанских казаков, то есть почти каждый третий казак, участвовавший в боевых действиях. 30 720 кубанских казаков и офицеров удостоены Георгиевских наград.

Немало героев было и среди наших земляков. Благодаря исследованиям каневских краеведов Валентина Александровича Цветкова, Фёдора Ивановича Сидоренко и краснодарского архивиста Константина Владимировича Шкуро восстановлены имена многих каневчан, ставших Георгиевскими кавалерами.

2-ой Запорожский полк Кубанского казачьего войска:

- казак Бабенко Иван – Георгиевский крест IV степени;
- приказный Бочка Григорий – IV степени;
- приказный Бутко Григорий – IV степени;
- казак Бутко Лаврентий – IV степени;
- казак Бычек Иван – IV степени;
- вахмистр Василенко Василий – IV, III и II степени;
- младший урядник Василенко Григорий – IV степени;
- приказный Вовк Стефан – IV степени;
- приказный Гарькуша Иван – IV степени;
- приказный Гринь Аникий – IV степени;
- приказный Джунь Фёдор – IV степени;
- приказный Дробот Лука – IV степени;
- старший медицинский фельдшер Животовский Павел – III степени;
- подхорунжий Карабак Кирилл – IV, III и II степени;
- приказный Карпенко Александр – IV степени;
- приказный Карпенко Логвин – IV степени;
- казак Крамарь Лука – IV степени;
- казак Кутовой Тимофей – IV степени;
- казак Левицкий Иван – III степени;
- приказный Лещенко Марк – IV степени;
- приказный Лукишко Фёдор – IV степени;
- казак Передерий Александр – IV степени;
- младший урядник Продан Георгий – IV и III степени;
- приказный Сидоренко Антон – IV степени;
- приказный Сидоренко Даниил – IV степени;
- приказный Сидоренко Иван – IV степени;
- приказный Удод Илья – IV степени;
- приказный Удод Павел – IV и III степени;
- приказный Фисан Карп – IV степени;
- подхорунжий Фисан Сергей – IV и III степени;
- приказный Харченко Андрей – IV степени;
- старший медицинский фельдшер Чернявский Тимофей – III степени;
- приказный Чуприна Григорий – IV степени;
- казак Шаповал Стефан – IV степени;
- приказный Шляховой Фёдор – IV степени;
- казак Шульга Василий – IV степени.

3-й Запорожский полк:

- Василенко Захарий – Георгиевские кресты IV и III степени;
- приказный Гребенюк Фёдор – IV степени;
- приказный Гринь Михаил – IV и III степени;
- приказный Демченко Фома – IV степени;
- приказный Денисенко Илья – IV и III степени;
- младший урядник Джунь Пантелеймон – IV и III степени;
- приказный Дикань Стефан – IV степени;
- приказный Дмитриев Василий – IV степени;

- приказный Евлаш Андриан – IV степени;
- приказный Капля Василий – IV степени;
- приказный Колесник Николай – IV степени;
- приказный Недилько Никанор – IV степени;
- приказный Нестеренко Павел – IV степени;
- приказный Однорог Михаил – IV степени;
- приказный Перекотий Константин – IV степени;
- приказный Перекотий Матвей – IV степени;
- приказный Пучка Кузьма – IV степени;
- приказный Романюта Алексей – IV степени;
- казак Свидун Григорий – IV и III степени;
- приказный Святной Онисим – IV степени;
- приказный Скоромец Михаил – IV степени;
- приказный Слюсарь Кондрат – IV степени;
- приказный Совок Никифор – IV степени;
- приказный Устич Пётр – IV степени;
- приказный Фисан Карп – IV степени.
- приказный Чёрный Федот – IV степени;
- яприказный Цокур Сергей – IV степени.

1-й Уманский полк:

- подхорунжий Бугай Фёдор – Георгиевский крест IV степени;
- подхорунжий Кутовой Илья – IV и III степени.

19-я Особая конная сотня:

- приказный Бочка Пантелеймон – Георгиевский крест IV степени;
- приказный Гринь Аникий – IV степени;
- младший урядник Дроботковский Михаил – IV степени;
- казак Левицкий Иван – IV степени;
- старший урядник Назаренко Фёдор – IV степени;
- казак Удод Павел – IV степени;
- приказный Христюк Иван – IV степени;
- приказный Чуприна Григорий – IV степени.

Также Георгиевскими крестами награждены каневчане:

- сотник Калери Михаил;
- есаул Нестеренко Герасим;
- младший урядник Христюк Фёдор – IV степени.

Георгиевскими медалями награждены каневчане:

- казак Бабенко Иван – Георгиевская медаль IV степени;
- казак Байда Гавриил – IV степени;
- казак Бочка Григорий – IV степени;
- приказный Бочка Пантелеймон – IV степени;
- младший урядник Бочка Родион – IV степени;
- казак Бутко Лаврентий – IV степени;
- казак Бриг Фёдор – IV степени;
- казак Бычок Иван – IV степени;
- вахмистр Василенко Василий – IV, III и II степени;
- младший урядник Василенко Григорий – IV степени;
- подхорунжий Василенко Захарий – IV и III степени;
- приказный Гринь Аникий – IV степени;
- казак Гринько Корнилий – IV степени;
- приказный Денисенко Илья – IV степени;
- казак Джумайло Даниил – IV степени;
- приказный Джунь Фёдор – IV степени;
- младший урядник Дроботковский Михаил – IV степени;
- младший урядник Ерёменко Кирилл – IV степени;
- фельдшер Животовский Павел – IV и III степени;
- казак Иващенко Михаил – IV степени;
- приказный Карпенко Кузьма – IV степени;
- казак Кучер Роман – IV степени;
- казак Лазаренко Тихон – IV степени;
- казак Левицкий Иван – IV и III степени;
- казак Лукишко Федот – IV степени;
- приказный Матвиенко Леонтий – IV степени;
- казак Моргун Тимофей – IV степени;
- старший урядник Назаренко Фёдор – IV степени;
- казак Онищенко Емельян – IV степени;
- приказный Пергун Сафрон – IV степени;
- казак Передерий Александр – IV степени;
- приказный Сидоренко Иван – IV степени;
- казак Смола Владимир – IV степени;
- младший урядник Солодовник Фёдор – IV и III степени;
- казак Тищенко Даниил – IV степени;
- казак Удод Павел – IV и III степени;
- приказный Христюк Иван – IV и III степени;
- приказный Цокур Сергей – IV степени;
- фельдшер Чернявский Тимофей – IV и III степени;
- приказный Чуприна Григорий – IV и III степени;
- казак Шаповал Стефан – IV степени;
- приказный Шульга – IV степени.

Из краевых источников известны фамилии пяти полных Георгиевских кавалеров – жителей станиц, ныне входящих в состав Каневского района.

Георгий Боярко родился в Челбасской, служил казаком лейб-гвардейской 1-ой Кубанской сотни Собственного Его Императорского Величества конвоя. С декабря 1914 года до 27 июля 1916 года получил Георгиевские кресты всех четырёх степеней.

Ефим Калюжный родился в Новоминской, служил в 3-ем Запорожском полку, к концу 1915 года был награждён Георгиевскими крестами всех четырёх степеней и Георгиевской медалью IV степени.

Михаил Александрович Кушнарёв родился 6 сентября 1885 года в Стародеревянковской, в казачьей семье (по другим данным в Ейске). В 1914 – 1915 годах был награждён Георги-

евскими крестами всех четырёх степеней. В 1916-ом окончил Оренбургскую школу прапорщиков.

Василий Максимович Савченко родился в Новодеревянковской 27 февраля 1887 года. Служил во 2-ом Запорожском полку в звании подхорунжего. В 1914 – 1915 был награждён Георгиевскими крестами всех четырёх степеней и Георгиевской медалью IV степени.

Василий Емельянович Зубарь родился 9 июля 1886 года в Новоминской. Служил во 2-м Запорожском полку, в 1916 году был добровольцем в партизанском отряде есаула А.Г. Шкуро на Юго-Западном фронте, в 1917 году воевал в Персии. Окончил Ташкентскую школу прапорщиков. Награждён Георгиевскими крестами всех четырёх степеней, причём 17 октября 1915 года крест I степени ему вручил лично император Николай II. Также был награждён медалью в память 300-летия дома Романовых, Георгиевской медалью с надписью «За храбрость» IV степени и бронзовой медалью французского президента. Расстрелян в родной станице в 1918 году.

В ограде Свято-Покровского храма станицы Каневской тоже есть захоронения земляков, убитых в смутном 1918 году. Под одним из крестов покоится прах полного георгиевского кавалера Григория Матвеевича Левченко. Он родился в 1877 году в Каневской. В 1914-ом году принял участие в Первой мировой войне, сражался в составе 3-го Запорожского полка вместе с каневчанами Захаром Василенко, Михаилом Гринём, Ильёй Денисенко, Пантелеймоном Джунём, Борисом Данильченко, Андрианом Евлашом и Павлом Нестеренко.

Бои были тяжёлыми, обе стороны несли сильные потери. Кубанские казаки действовали, как всегда, отважно. Старший урядник Григорий Левченко к 26 мая 1916 за личное мужество на поле боя был награждён Георгиевскими крестами всех четырёх степеней, а также медалью «За храбрость».

После Октябрьской революции военные действия Кавказской армии были прекращены. Каневские казаки возвращались домой через Батуми и Армавир. В апреле 1918 года под Челбасской вооружённый пикет потребовал от них сдать оружие и лошадей. Казаки отказались, и в возникшей перестрелке Григорий Левченко был убит. Пройдя тяжелейшую войну, он погиб, не доехав до родной станицы. Боевой товарищ Андриан Евлаш доставил его тело в Каневскую.

Церковный совет Свято-Покровского храма принял решение захоронить его в церковной ограде. На похороны пришла почти вся станица. Рядом с ним были похоронены каневские казаки Денисенко, Романюта и Лоцман, также убитые в то смутное время.

Когда придёте в церковь, подойдите к крестам, под которыми лежат наши земляки, погибшие за Родину. Помяните их добрым словом, они этого достойны…

В годы Первой мировой войны большинство каневских казаков служили в 1-ом, 2-ом и 3-ем Запорожских полках. Два полка в составе действующей русской армии находились в Закавказье на турецком фронте, а один – на Западном фронте. Предлагаем вашему вниманию список каневчан – нижних чинов Кубанского казачьего войска, участвовавших в Первой мировой войне.

Список составлен на основе документов Государственного архива Краснодарского края и приказов по Кубанскому казачьему войску за 1914 – 1917 годы. Кроме воевавших в строевых частях, в него включены казаки, служившие в штабах, канцеляриях, управлениях отделов, местных командах, военно-ремесленных и военно-фельдшерских школах, войсковом хоре и др. Во второй колонке указан год присяги либо дата рождения (для определения года рождения из года присяги надо вычесть 21).

Фамилии, имена и отчества приведены так, как в источниках, и могут содержать ошибки и опечатки. Список, конечно, далеко не полный, как и список Георгиевских кавалеров; надеемся, что в дальнейшем с вашей помощью оба будут пополняться.

В Каневской первичной организации Российского общества историков-архивистов, созданной на базе архивного отдела управления делами администрации Каневского района, есть списки казаков, участников Первой мировой войны, и из других станиц. Обращайтесь, мы всегда вам поможем!

Мы должны помнить наших земляков, чьи мена были вычеркнуты из истории, но народная память и архивные документы их сохранили. Сейчас, как и раньше, казачество защищает интересы своего государства, своего народа. Героические традиции продожают жить в душах жителей Кубани.

Жители станицы Каневской – казаки, приказные, урядники и вахмистры Кубанского казачьего войска, участвовавшие в Первой мировой войне

Антоненко Влас	1898
Антоненко Козьма	1916
Бабенко Иван	
Бабенко Семен	1910
Багимак Федор	1917
Байда Андрей	
Байда Гавриил	
Байда Дмитрий	
Байда Федот	
Башмак Федор	1917
Безотосный Павел	1907
Белан Козьма	1917
Белан Федосий	1897
Белоус Мефодий	1915
Белоус Пантелеймон	1915
Белый Георгий	1916
Близнюк Никифор	
Близнюк Яков	1911
Божко Василий	
Бойко Иван	1898
Бойко Федор	1916
Бойко Яков	1915
Бочка Григорий	
Бочка Дионисий	1916
Бочка Иван	1912
Бочка Лука	1911
Бочка Пантелеймон	
Бочка Радион	
Бочко Григорий	1914
Бреус Иван	1917
Бриж Федор	
Брыж Иван	1914
Брыжь Иван	1916
Бубис Павел	
Бубно Агей	1910
Бубно Митрофан	1913
Бубно Павел	1911
Бугай Семен	1917
Бугай Федор	
Будко Григорий	
Будько Козьма	1917
Бутко Григорий	
Бутко Лаврентий	
Буц Каленик	1898
Бычек Дмитрий	1899
Бычек Иван	
Бычик Григорий	
Варвара Моисей	1917
Василенко Василий	
Василенко Григорий	
Василенко Захарий	
Василенко Никита	1917
Василенко Филипп	1916
Васильченко Василий	
Вовк Емельян	1916
Вовк Стефан	
Волик Иван	
Волошин Алексей	1903
Волошин Прокофий	1900
Галыга Григорий	1897
Галыга Павел	
Галько Кондрат	
Гарус Василий	1914
Гарус Иван	1913
Гарус Иван	1916
Гарькуша Иван	
Головко Василий	1908
Голуб Митрофан	1897
Голубь Матвей	1898
Гребеник Павел	1917
Гребенник Феодосий	
Гречаный Михаил	1917
Гринь Ананий	1916
Гринь Аникий	
Гринь Даниил	1916
Гринь Конон	1897
Гринь Матвей	
Гринь Михаил	1898
Гринь Никита	1898
Гринь Потапий	
Гринь Семен	
Гринь Трофим	
Гринь Филипп	
Гринько Корнилий	
Гриценко Федор	1916
Гричаный Николай	
Грищенко Федор	1916
Гробовик Козьма	
Грынь Михаил	
Грынь Николай	1913
Грынь Филипп	
Губко Иван	1911
Гусарь Гордей	
Гусарь Димитрий	1913
Давиденко Семен	
Давиденко Терентий	
Дадырь Митрофан	1898
Данильченко Архип	1898
Данильченко Борис	
Данильченко Федот	1904
Данильченко Федот	1907
Дверько Федор	1913
Демченко Фома	
Денисенко Илья	
Денисенко Карп	1917
Джумайло Алексей	1916
Джумайло Даниил	
Джунь Никита	1906
Джунь Никифор	1911
Джунь Пантелеймон	
Джунь Семен	
Джунь Федор	
Диденко Григорий	
Дмитриев Василий	
Добровольский Аникий	1910
Довженко Михаил	1911
Дорошенко Иван	1916
Дорошенко Иосиф	
Дорошенко Никита	
Дробот Иван	
Дробот Лука	
Дробот Фелимон	1917
Дроботковский Михаил	
Дыкань Степан	
Дымченко Владимир	1900
Дьяченко Савва	1897
Дьяченко Федор	1917
Евлаш Андриан	
Еременко Василий	
Еременко Кирилл	
Еременко Михаил	1902
Ерешко Михаил	1902
Животовский Михаил	1914
Животовский Павел	
Животовский Петр	1917
Завалий Василий	1917
Завалий Лука	1917
Заверюха Василий	1908
Загорулько Алексей	1915
Загорулько Алексей	1916
Загорулько Андриан	1906
Загорулько Козьма Трофимов	1917
Звирько Федор	1913
Ивахно Сергей	1898
Иващенко Илья	1898
Иващенко Тихон	
Иващенко Трофим	1917
Ильченко Иван	1917
Ищенко Емельян	
Кальныш Григорий	1917
Кантур Алексей	1916
Кантур Никита	1915
Кантур Никита	1917
Кантур Федор	1902
Капля Василий	
Карабак Кирилл Константинов	
Карпенко Александр	
Карпенко Алексей	1908
Карпенко Афанасий	1898
Карпенко Иван	
Карпенко Кузьма	
Карпенко Логвин	
Карпенко Максим	1915
Карпенко Михаил	1898
Карпенко Николай	
Карпенко Прокофий	1900
Кваша Иван	1916
Кинах Никита	1898
Кинах Яков	1916
Кирий Василий	1912
Кирий Павел	1903
Кирий Стефан	1907
Кирсак Иван	
Коваленко Иван	
Коваленко Н.	
Коваленко Трофим	1906
Колесник Николай	
Колесник Тимофей	1917
Коновалов Павел	
Конох Яков	1916
Корниенко Алексей	1899
Крамаренко Филипп	1916
Крамарь Лука	
Куменко Акакий	
Куменко Антон	
Куменко Иван	1906
Кутовой Арсений	1900

Кутовой Иван 1913
Кутовой Илья
Кутовой Тимофей
Кучер Роман
Лазаренко Василий
Лазаренко Павел 1916
Лазаренко Петр 1917
Лазаренко Семен
Лазаренко Тихон
Левицкий Иван
Левченко Григорий
Лемиш Иов
Лесых Козьма 1903
Летюк Андрей 1914
Летюк Иван 1904
Летюк Федор 1916
Лещенко Иван Григорьев 1916
Лещенко Максим
Лещенко Марк 1913
Лещенко Никита 1904
Лещенко Семен
Литюк Федор 1916
Лобас Михаил
Лобас Порфирий 1916
Лоцман Никита 1916
Лукишко Федор
Лукишко Яков 1917
Лымиш Иов
Макаренко Андрей 1916
Макаренко Исидор
Макаренко Семен 1898
Малько Федор 1916
Манило Даниил
Мармута Михаил 1908
Матвиенко Василий
Матвиенко Леонтий
Мищенко Афанасий 1907
Моргун Иван
Моргун Тимофей
Мородин Гавриил 1903
Мосьпан Пантелеймон
Моцман Никита 1916
На?ковой Тимофей 1897
Назаренко Константин 1917
Назаренко Федор
Назаренко Павел 1916
Недбаевский Александр
Недилько Никанор
Неженец Игнат 1916
Неживко Александр 1914
Нелин Федор
Нелюба Сергей 1917
Нелюба Тимофей 1917
Нелюба Федор 1907
Нестеренко Карп 1917
Нестеренко Павел
Нестеренко Терентий
Николаев Ефим 1917
Обрыв Матвей 1906
Обрыв Матвей 1910
Оверя Павел
Однорог Михаил
Ольшанский Андрей
Ольшанский Афанасий Емельянов
Омельченко Андрей 1907
Омельченко Петр 1898
Павелко Михаил 1913
Павенко Евдоким 1907
Панасенко Михаил 1915
Педченко Евтихий
Первун
Иван Стефанов 25.03.1894
Передерий Александр
Передерий Гавриил
Передерий Игнат 1911
Перекотий Ефим
Перекотий Константин
Перекотий Корней 1898
Перекотий Николай
Перекотий Федор 1916
Переточный Матвей
Петргун Сафрон
Петруцкий Даниил
Петруцкий Козьма
Петруцкий Трофим 1914
Погорелый Николай
Полторапавло Яков 1908
Попов Евлампий
Продан Георгий
Пучка Козьма
Редкобородый Андрей 1917
Редкобородый Лука 1901
Редкобородый Тимофей
Розгон Деомид 1898
Романюта Алексей
Сабадах Федор 1912
Савченко Федор
Сагайло Иван 1916
Сачек Федот 1917
Свистун Григорий 1917
Свистун Иван 1917
Святный Марк
Святный Максим 1893
Святный Онисим
Сидоренко Антон
Сидоренко Даниил
Сидоренко Иван
Скоромец Георгий
Скоромец Михаил
Скороход Захарий 1913
Скороход Мефодий 1916
Скрипка Стефан 1917
Слинько Василий
Слусарь Кондрат
Слынько Василий Сергеев
29.12. 1896
Слюсарь Захарий 1912
Слюсарь Петр 1906
Смола Артем 1912
Смола Владимир
Смола Илья 1913
Солодовник Иван
Игнатьев
Солодовник Федор
Сопрун Михаил 1896
Сочок Никифор
Стицын Яков 1898
Стороженко Ефрем
Сторчак Игнат 1900
Сторчак Петр 1913
Сучек Алексей 1898
Сучек Афанасий Данилов
01.05.1895
Сучек Василий Исаакиев
Сучек Павел 1898
Сучек Сергей
Сучек Федор 1917
Сучек Федот 1917
Таран Иван
Таран Федор 1898
Таран Прохор 1901
Тарасенко Архип
Тарасенко Владимир 1906
Телятник Алексей
Телятник Василий 1913
Телятник Онисим 1893
Терещенко Антон 1898
Терещенко Хрисанф 1916
Терещенко
Яков Федоров 21.10.1895
Тимошенко Тимофей 1906
Тишенко Николай 1907
Тишенко Николай 1911
Тищенко Павел
Тищенко Петр
Тищенко Семен
Триценко
Ефрем Трофимов 1919
Туркенич Мефодий 1898
Тытенко Максим 1914
Тышенко Карп
Тышенко Максим 1914
Тыщенко Даниил
Тыщенко Иван
Тыщенко Федор 1916
Удод Илья
Удод Павел
Ульяненко Матвей 1914
Устич Аким
Устич Матвей 1897
Устич Петр
Фесан Стефан 1917
Фесан Федор
Фесенко Семен
Фисан Иван 1917
Фисан Карп
Фисан Прохор
Фисан Сергей Филиппов
Фисан Стефан 1917
Фисан Федор 1916
Фисан Федот 1916
Фисенко Семен 1899
Харченко Андрей
Харченко Василий 1917
Харченко Павел 1916
Харченко Федор 1893
Харько Тимофей
Хмель Иван
Холод Еремей
Холод Иван 1911
Холод Дмитрий 1898
Христенко Герасим 1899
Христюк Герасим 1906
Христюк Иван
Христюк Федор
Цокур Николай 1916
Цокур Сергей
Чепелянский Василий
Чернобай Григорий 1916
Черный Григорий 1916
Чернявский Василий 1907
Чернявский Тимофей 1904
Чумак Савва 1916
Чуприна Григорий
Шаповал Николай 1906
Шевченко Николай 1899
Шевченко Федот Наумов
Шемет Аким
Шемет Прокофий 1916
Шилько Елиазар Александрович
Шляховой Федор
Штепа Куприян 1916
Штепа Никифор 1917
Шульга Василий
Щерба Трофим 1898
Щербаков Георгий
Щербаха Петр 1898
Якуба Яков 1908

Казацькому роду нэма пэрэводу

Валентин ЦВЕТКОВ

К 100-летию Первой мировой войны

ПОЛНЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Пока краеведам и немногим другим заинтересованным людям достоверно известно имя одного уроженца Каневской – полного Георгиевского кавалера. Это Григорий Матвеевич Левченко. Его прах покоится на территории Свято-Покровской церкви. Внучатый племянник героя Сергей Алексеевич Левченко не только из родственных, но и из патриотических чувств ухаживает за могилой. Весной 2013 года он установил мраморный крест, и 11 мая, сразу после празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне, на погосте прошёл митинг в память о Георгиевском кавалере.

Григорий Матвеевич родился в Каневской в 1888 году. Участник Первой мировой войны, он воевал в составе третьего Запорожского полка вместе с земляками Захаром Василенко, Михаилом Гринём, Ильёй Денисенко, Пантелеймоном Джунём, Борисом Данильченко, Андрианом Евлашом и Павлом Нестеренко. За личное мужество награждён Георгиевскими крестами всех четырёх степеней: четвёртой – № 246 582, третьей – № неизвестен, второй – № 7 233 и первой – № 2 952, а также медалью «За храбрость» № 265 558.

После Великой Октябрьской социалистической революции военные действия на Кавказе прекратились, и казаки стали возвращаться домой. Г.М. Левченко поездом добрался из Батуми до Армавира, а оттуда прямой дорогой в составе конного отряда держал путь в Каневскую. Под Челбасской казаков остановил вооружённый отряд и потребовал сдать лошадей и оружие. Последовал отказ,

завязалась перестрелка, и Григорий Левченко был убит. На фронте пули пролетали мимо, а тут – не на войне, почти дома…

В Каневскую тело Георгиевского кавалера доставил его однополчанин Андриан Евлаш. Похоронили казака с почестями в ограде Свято-Покровской церкви рядом с другими станичниками, – Николаем Денисенко, Иваном Романютой, Лоцманом – погибшими в смутное время гражданской войны.

Сергею Алексеевичу Левченко с большим трудом удалось разыскать фотографию каневских казаков, среди которых оказался и Андриан Григорьевич Евлаш (на фото – крайний слева в третьем ряду). Уважаемые читатели, сегодня вы можете принять участие в опознании бесстрашных защитников Отечества. Возможно, на этом редком фото есть и Григорий Матвеевич.

Мы предпринимаем это, чтобы на надгробном кресте единственного из каневчан полного Георгиевского кавалера появился его портрет. Кроме того, на краевом уровне принято решение о создании в Краснодаре аллеи кубанцев – полных Георгиевских кавалеров, в числе которых и наш земляк. Если в вашем семейном альбоме найдётся фотография Г.М. Левченко, и вы предоставите её на время в наше распоряжение, это будет общей удачей.

Первого августа 2014 года в Российской Федерации, в том числе и в Краснодарском крае, торжественно отметили 100-летие начала Первой мировой войны. В течение четырёх лет в ней участвовали 38 государств, население которых составляло почти 87% всех жителей Земли.

День памяти погибших в Первой мировой войне 1914 – 1918 годов, утверждённый президентом России Владимиром Путиным, – важнейшая дата в истории нашей страны. На этой войне были убиты и ранены в общей

сложности около 4 миллионов солдат и 77 тысяч офицеров, 2,3 миллиона человек пропали без вести. Представитель каждой кубанской семьи был на фронте – Кубанское казачье войско поставило под ружьё 110 тысяч бойцов. Многие из них пали смертью храбрых.

Казаки станицы Каневской, в частности, служили и воевали в таких строевых подразделениях, как 1-й Екатеринодарский и 2-ой Запорожский полки, 19-я Особая конная сотня, 12-й Кубанский пластунский батальон… За отличия в сражениях многие получили Георгиевские кресты и Георгиевские медали, а Григорий Матвеевич Левченко стал полным Георгиевским кавалером.

На публикацию о нём в газете «Каневские зори» оперативно откликнулось районное казачье общество. Оно выступило с инициативой увековечить память полного Георгиевского кавалера Григория Левченко, назвав его именем одну из улиц районного центра.

На имя главы Каневского сельского поселения Владимира Репина казаки направили письмо с просьбой закрепить их инициативу официально – принятием соответствующего постановления. Было бы справедливо, считают инициаторы, установить мемориальную доску на одном из зданий станицы в память о защитнике Отечества в годы Первой мировой войны.

Казаки района и их атаман Иван Чекусов уверены, что найдут со стороны представителей государственной власти понимание важности предложенного проекта.

13 мая 2014 года казаки получили ответ за подписью исполняющего обязанности главы Каневского сельского поселения В. В. Жуковского.

АДМИНИСТРАЦИЯ
КАНЕВСКОГО
СЕЛЬСКОГО
ПОСЕЛЕНИЯ
КАНЕВСКОГО РАЙОНА

Горького ул., 63,
станица Каневская, Каневского района,
Краснодарского края, 353730
тел., факс (86164) 4-39-13
e-mail: spadmin@mail.ru

13.05.2014 № 02-17/1279
На № 25 от 13.03.2014

Атаману Каневского районного
казачьего общества сотнику
И.В.Чекусову

ст. Каневская,
ул. Гагарина, 13

Уважаемый Иван Васильевич!

В адрес администрации Каневского сельского поселения Каневского района поступило письмо от 13.03.2014 № 25 с инициативой об увековечении памяти полного Георгиевского кавалера каневчанина Григория Матвеевича Левченко, с предложением назвать одну из улиц районного центра его именем.

По данному вопросу сообщаем, что при образовании новой улицы администрацией будет принято постановление о названии улицы «имени Левченко Григория Матвеевича».

Исполняющий обязанности главы
Каневского сельского поселения
Каневского района В.В.Жуковский

Зоя СИЗОВА

«А ОНИ ЖЕ – СВОИ!..»

Репрессии в Каневской

Привычное течение событий было прервано Гражданской войной. Большой урон по родственным связям нанесла она: отец воевал против сына, брат – против брата, кум – против свата. Но люди держались ещё своих семей.

За теми, кто не погиб в Гражданскую, пришёл голод. Голод выкосил станицы – думали, что страшнее кары не бывает.

Оказалось, бывает – начались повальные репрессии. Вдруг все и сразу стали «врагами народа».

Без суда и следствия уничтожали бывших служащих царской армии. А кто как не они воевали с немцами в 1916 году, с турками – в 1887-ом?! Многие пришли с войн, имея по четыре Георгия на груди!

Патриоты до корней волос, честные и дисциплинированные воины стали «врагами народа». Они даже не понимали, за что их убивают.

Уничтожали и преследовали священников, сохранивших славянскую культуру, дух русского народа даже во время нашествия монголо-татар. Разрушали церкви, на руинах устраивали митинги и пляски, священников расстреливали, ссылали в лагеря. В неразрушенных храмах устраивали молодёжные клубы, зернохранилища, МТС...

Вера Семеновна Дроздовская (Гринь):

– Казаки шли за Лениным, не было восстаний. Все устали воевать. Надо было пахать и сеять после страшного голода. Но людей зачем-то опять уничтожали.

Посадили и расстреляли священника Донецкого Якова, а семью всю разогнали. Святного Демьяна посадили после голодовки – был белым офицером.

Кое-как старики «отбили» заложников у комиссаров. Заложников брали из-за бандитов в плавнях. Если бандиты не сдавались, то расстреливали каждого десятого (чаще безвинных – на кого выпадет счёт).

Давали план на количество расстрелянных. Если человека не было дома – хватали других и расстреливали. Петруцкий выскочил и ушёл, вместо него взяли другого. Вслух боялись даже сказать, кого взяли.

Гринь Иван Иосипович был арестован как офицер. Сидел в Краснодаре, но смог доказать свою невиновность, и его выпустили.

Мацко, Карпенко, Коваленко выпустили красные – повесили белые.

Чумакова (1903 – 1994 гг.):

Служила у Ерёминых в Каневской, потом в 1949 году уехала на Дальний Восток. Рассказывала, что расстреливали: за высоким переездом (на Привольную) на гноях, в роще на загребле, на маленьком переезде (на Придорожную).

– Раньше родственные связи были очень крепкими. Несколько поколений жили в одном доме, все внуки бегали у бабушки с дедом. Знали и двоюродных, и троюродных. Многочисленные сваты, кумовья тоже были близкими людьми.

На площади бандитов стреляли. А они же свои: Василенки, Христюки!..

Лобаса на наших глазах стреляли. Лобас Илько жил по Коллективной.

Телятники – насолёний (выезд на Старую Деревню).

Яценкы.

Панченкы Никита и Иван – угол Почтовой (сейчас Нестеренко).

Убежал в камыши Никита Безносый, потом вышел и пошёл в колхоз.

Казаков много расстреляли, почти в каждой семье.

Помню, были расстреляны Биливци, Самардакы, Фисаны Никифор и сын Иван, Макаренки Андрей и Яков Андреевичи.

Удод Василий Деомидович (1911 г.):

– Был репрессирован и выслан с семьёй Багнюк Родион.

Брат Удода Фёдора был учителем в Армавире, в воинской части – преподавал офицерам математику. Сказали, что был участником офицерского заговора против советизма. Судили, дали 10 лет. Срок отсидел. Выпустили, когда умер Сталин.

Матери отец – Диденко. Его сыны Алексей, Феодосий и Григорий были репрессированы в 1937 году и исчезли с концами.

Удода Петра Ильича взяли – тоже исчез.

Скороход Михаил – выслан с семьёй.

Гринь Михаил – выслан с семьёй.

Лукишко Фот работал в монастыре.

Данильченко Елена Константиновна (1917 г.):

– В 1937 году отца забрали, дядьку, Удода, Горбенка Ивана.

В 30-ом много людей высылали. О казачестве уже было забыто. Они загнаны были.

Слово «казак» стало появляться только после войны, реабилитированное нашими доблестными воинами-казаками. Появились казачьи сходки.

Василенко:

– Усиленные репрессии были в 1936 – 1937 годах. Всех раскулачивали и увозили в лагеря.

Двух братьев и отца Животовских расстреляли, так же Омельченко, Телятника – тётиного мужа, бывшего атамана (хоронили во дворах), Самойловых двух братьев.

Отца моего и дядю (оба офицеры) тоже расстреляли. Хоронить не давали, увезли на свалку.

Старенко Елена Васильевна:

– Трибунал стоял во дворе. Арестанты были во дворе две недели. Со двора расстреляли 25 человек. Из них помню двух дивчат – Бычкивни, двоих детей и женщину убили, и мужчину Джумайло.

За переезд у Нефтяников (в сторону Придорожной) навоз возили. Людей, когда расстреливали, туда же, на навоз, и вывозили.

Власть менялась. Возле церкви повесили пять человек в 1918 году. После большевиков были кадеты. Они повесили дочь Карпенко Алексея (учительницу), комиссара Коваленко. На нём веревка лопнула – всё равно второй раз повесили.

По матери деда Левченко расстреляли. Левченко Григорий Матвеевич (1888 г.) – потомственный казак, воевал на турецком фронте, имел звание старшего урядника, был полным Георгиевским кавалером.

...Дальше Елена Васильевна вспоминает, что каратели днём расстреляли возле Мосьпановой лавки (бывший скобяной магазин стоял в парке) 40 человек; чуть мать не расстреляли:

– Всех поховали за высоким переездом (в сторону Привольной).

Лоцманов выслали. Когда высылали – было 7 детей; осталась одна дочь.

Антона Мороза расстреляли.

Шеметов выгнали со двора.

Кутовой Александр Гаврилович (1909 г.):

– Зятя, Карпенко Григория Дмитриевича, расстреляли. Отца и двух братьев, Григория и Александра, выслали. Брата отца арестовали (сын кулака), погнали в Краснодар, расстреляли.

Святного Фёдора Давыдовича арестовали, умер в тюрьме. Семья всё бросила, и разошлись, кто куда.

Гречанский – всё бросил, взял мать и дочь и уехал в Абхазию.

Ольшанский – всё бросил и уехал. Колхоз на его подворье переехал.

Божко, Нелюба, Чипилянский – всех выслали.

Чипилянский только две недели, как отделился от отца. Выслали, так как не пошёл в колхоз, хоть беднее его в нашем краю не было.

Маминой сестры мужа (5 детей) посадили в 1933-ем году на 10 лет за 10 початков кукурузы.

Зятя Половка Петра тоже посадили на 10 лет, так и не вернулся.

Нестеренко раскулачили, но Ельке разрешили на своем плану построиться.

Антоненко Федосей – всё бросили и ушли куда-то.

…По списку надо было арестовать 600 человек. Двоих не хватало. Назвали меня. Но была грязь. Далеко по грязи идти не захотели и вместо меня взяли Черныша и Джуня Явдока Ивановича. Забрали с концами.

Больше везли расстреливать в Краснодар. Стреляли так же за загреблей в общественном саду, за высоким переездом, на гноях.

В яме расстреляли Фисана Андрея Сергеевича (1 год от роду), за железной дорогой и балкой, сейчас там посадка.

Кутовой Семён скатился с подводы, когда везли стрелять. Солдат сказал, чтоб тикав, а то расстреляют. Спрятался в кирпичах, где хотели строить церковь – так и выжил.

Уничтожали сначала тех, кто служил в царской армии; затем тех, кого назвали кулаками; потом тех, кто раскулачивал – за перегибы. Затем объявили врагов народа. Уничтожали, чтобы самим удержаться при власти, у государственной кормушки.

В 1937 году в нашу семью тоже приходили «из органов». Вспомнили, что были середняками, и хозяин – неизвестно где. Жена прадеда всем говорила, что хозяин пропал на войне без вести. Но НКВД доискались, что его расстреляли в Житомире за белогвардейский мятеж.

Благо, что младший бабушкин брат скрыл, что из семьи середняка, и служил в армии, закончил школу НКВД, выучился на младшего командира и был на хорошем счету у командования. По его просьбе семью оставили в покое. И это несмотря на то, что уже два средних брата отслужили в советской армии, были женаты и имели детей, работали (один в колхозе, а другой – на элеваторе). Не работал только старший, так как болел туберкулёзом.

После войны расстреливали тех, кто попал в окружение. Или ссылали после немецких концлагерей в лагеря советские.

Доносили друзья, соседи, родственники. Врагами называли всех неугодных. Такова была государственная система: машина, которая подминала под себя и раздавливала судьбы простых людей.

Процветали доносы. Стали «стучать» все: и кумовья, и сваты, и друзья, и родители, и даже дети. Предавали свои своих и стреляли свои тоже своих. Вечером могли сидеть на посиделках, а утром одного-двоих уже не было (ночью были арестованы).

В детских домах детей заставляли забывать родных, учили отказываться от отцов и матерей. При поступлении в учебное заведение или на работу старались забывать, что есть «враги народа» в семье, иначе ни учёбы, ни хорошей работы можно было не увидеть

…Много работы для поисков, много белых пятен в истории нашей станицы. Мы надеемся, что откликнутся неравнодушные.

С великой радостью отметим, что Левченко Сергею Алексеевичу удалось договориться с отцом Сергием Брижаном о восстановлении могилы Левченко Григория Матвеевича (брата деда) в церковной ограде Свято-Покровского храма, где он был похоронен.

Записано дословно по воспоминаниям старожилов, взятым из видеоматериалов Левченко С.А., лексика сохранена.

Продолжаем публиковать материалы о площадях станицы Каневской, сохранившихся и не сохранившихся

Николай ЛЕМИШ

Шесть площадей: ЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ

Окончание. Начало в №12.

До основанья, а затем…

В ноябре 1922 года на Церковной площади, получившей к тому времени ещё одно название – Центральной, в торжественной обстановке перезахоронили погубленных белогвардейцами коммунаров и красных партизан, погибших в жестоком водовороте Гражданской войны. На братской могиле установили обелиск из оштукатуренного кирпича с красной звездой наверху. Он стал именоваться памятником жертвам революции и Гражданской войны. С этого момента началось преобразование Церковной площади, которое в итоге привело к потере её первоначального облика и назначения.

В 1924-ом, вопреки возмущению прихожан Святодухосошественного храма, станичная власть приняла решение радикально изменить облик старой площади. Именно тогда началось насаждение главного станичного парка. К этому делу привлекли комсомольцев и сочувствующую молодёжь. А возглавил работы красный партизан, активный участник Гражданской войны и член первого согласительного Совета рабочих и крестьянских депутатов весны 1918 года Игнат Яковлевич Сизонов. Будучи человеком грамотным, хозяйственным и не лишённым творческой жилки, он произвёл все необходимые рассчёты и составил, выражаясь современным языком, проект первой части парка. Он же положил начало династии специалистов паркового дела, дизайнеров в этой сфере. Его сын Борис причастен к созданию на территории Центральной площади нового парка. Дело деда продолжил и внук Евгений.

В 1924 году были высажены в основном клёны, ясени, белая и жёлтая акации, а также кустарники, в том числе жимолость и сирень. Остальную часть площади, от восточной части храма в сторону реки, определили как стадион. Храм был помехой планам местной власти, и парк стал началом губительного процесса уничтожения вековой истории станицы. На следующий год молодая советская власть решила переименовать Церковную площадь в площадь Революции, а парк, заложенный на её территории, назвать Летним садом имени 1 Мая.

Планы у власти были грандиозные, но процесс воплощения сдерживало строительство на улице Красной (сейчас – Горького) народного дома и сельмага. Этот магазин и поныне обрамляет площадь с северо-восточной стороны, у мемориального комплекса. Стройка пришлась на самые продуктивные за всю довоенную историю станицы 1927 – 1929 годы: период расцвета НЭПа. Подобный «строительный ренессанс» удалось повторить только в конце 1950-х.

Политика НЭПа закончилась в 1930 году. И на смену ей пришёл новый период в жизни – коллективизация. Время непонятное и противоречивое: созидание перемежалось с разрушением, и чего было больше, – сказать сложно. К тому же власть вступила в период борьбы с собственным народом. Это привело к голоду и гибели тысяч жителей.

Власть имущим в этом процессе не было дела до Церковной площади, но в «задумке» всё время маячила мечта – разрушить храмы.

Дело в том, что ещё в 1920-е годы церкви обложили непомерными налогами. Вначале они ещё как-то выкручивались. Но после голодомора 1932 – 1933 годов население станицы со-

кратилось вдвое. Уменьшилось и количество прихожан. Церкви стали неплатёжеспособными. В качестве погашения долгов у церковных обществ изымали храмовые строения.

Первым в списке на разрушение оказался Покровский храм. Но здание оказалось настолько крепко сложено, что отряды из пришлых, не обременённых ни набожностью, ни трудолюбием, людей не смогли сделать ему ничего серьёзного. Набравшись злости и самоотверженности, местная власть, используя «проверенные кадры», составлявшие отряды разрушителей, взялась за Святодухосошественный храм…

Для разрушения Святодухосошественного храма предполагалось использовать апробированную «ростовскую» технологию. В соответствии с ней здание подкапывали со всех сторон и подпирали толстыми брёвнами, которые затем поджигали. Предварительно сбивали кресты, сбрасывали колокола и тракторами стягивали небольшие купола.

К тому моменту храм представлял грустное зрелище – его превратили в зерносклад. Церковную утварь представители Госхрана изъяли ещё в конце 20-х годов. Оставались только незначительные церковные ценности и иконы, которые потихоньку разбирали верующие. Всё оставшееся разрушители бросали в костёр, но находились люди, которые выхватывали иконы и из огня. В семье престарелого каневчанина Владимира Александровича Лазаренко долгое время хранилась небольшая иконка, спасённая таким образом. По слухам после смерти стариков, в начале 1990-х, правнуки её продали...

Рушили храм всеми возможными способами. Самым впечатляющим моментом, не лишённым трагизма, было падение главного басового колокола. Сброшенный с большой высоты, он многотонной массой рушил храмовые конструкции и разбивал кирпичную кладку. Ударившись о землю, колокол разбился, издав последний звук, так напоминающий предсмертный стон. Не менее тяжкий стон вырвался из уст многочисленных очевидцев. Многие верующие упали в обморок.

Люди ожидали, что разверзнется твердь земная и на головы вероотступников обрушится гнев Господний. Этого не произошло. Своё наказание разрушители храмов получили позже, в разное время. Тогда же, в ноябре 1938-го, негодяи, упиваясь безнаказанностью, собрались на митинг. На холме из разрушенного дома Божьего состоялся их шабаш.

Местная власть планировала добыть из здания немалое количество кирпича, но кладка оказалась крепкой, и большая его часть превратилась попросту в щебень. Целые кирпичи пустили «в дело», соорудив тротуар от центра станицы до электростанции по улице Октябрьской. Для этого привлекли колхозный актив, комсомольцев «Заготзерна», лубзавода, пищекомбината и районной больницы. Несколько небольших дорожек проложили и на территории Летнего сада, а щебень куда-то вывезли.

В 1939 году началась застройка выровненной площадки, где прежде стоял храм. Отбитый кусок колокола сдали в металлолом, остальная его часть оставалась на месте падения. А потом, как гласит молва, перед войной он куда-то исчез – для этого понадобилась всего одна ночь.

Продолжалось насаждение станичного парка: под него освоили часть площади, обращённую к реке и превращённую ранее в стадион. Высадили много клёнов, ясеней, белой и жёлтой акации. Некоторые будущие аллеи образовали насаждения декоративных кустарников. Кусты сирени, от белой до нежно-розовой, разросшись уже после войны, в пору цветения придавали парку особую красоту.

На месте разрушенного храма в 1939 году установили бетонный памятник Ленину работы скульптора Козлова, изготовленный в Новороссийске. Вскоре в парк провели водопровод, оборудовали фонтан, установили электрические фонари. Перед самым началом войны первые зрители посетили летний кинотеатр. Всю парковую территорию обнесли изгородью.

Таким образом, власть сделала бывшую Церковную площадь местом массового отдыха, завлекая сюда в первую очередь молодёжь. Для людей пожилых, не приемлющих Летнего сада как места увеселения, была предоставлена другая часть площади – Рыночная. Там, где сейчас располагается мемориальный комплекс, тогда разбили клумбы и цветники, поставили скамейки. К сожалению, после войны это место приобрело крайне унылый вид – возможно, по причине вечно непросыхающей огромной лужи.

Что касается парка, его благоустройство продолжалось до самой войны. Парковые дорожки первый раз посыпали ракушечником, установили садовые скамейки. В центре парка на столбе повесили громкоговоритель – заговорило радио (тогда оно было далеко не в каждом доме). Второй громкоговоритель установили на Базарной площади.

После коллективизации и голодомора жизнь в станице наконец-то начала налаживаться. Открылся Дом культуры. Многие каневчане помнят его как длинное здание из самана и дерева по улице Горького. В народном доме открылся кинотеатр, получивший название «Родина».

До и после Победы

К лету 1943-го техник радиоузла Пролейко запустил радиотрансляционное оборудование, которое он изготовил из деталей, находясь в эвакуации. В центре Каневской заговорил мощный громкоговоритель. Восстанавливались магазины и торговые точки. Открылся рынок (ассортимент товаров был скудным). Восстанавливались колхозы и промышленные предприятия; начали работать трудовые артели и артели инвалидов. Радостным событием стал запуск электростанции и водопровода. В продаже появилась первая

продукция пищекомбината – хлеб.

7 ноября 1944 года в кинотеатре «Родина» открылась районная сельхозвыставка. Её цель – показать образцы сельхозпродукции и достижения перерабатывающей промышленности. На стендах – цифровые показатели, фотографии передовиков, а также колхозников и рабочих, подписавшихся на облигации Государственного займа по повышенным обязательствам.

Насколько позволяли условия военного времени, центр станицы в тот день стал местом отдыха. В кинотеатре с утра до вечера показывали патриотические фильмы. Много жителей собралось у продукции пищекомбината: булочки, пряники и повидло считались в ту пору небывалым лакомством. Пожилые люди и сейчас не могут без слёз вспоминать, как голодали, пахали на коровах, молотили хлеб, косили вручную. Сутками без сна, выбиваясь из последних сил, мечтали об отдыхе.

Май 1945 года. Воинское подразделение, охранявшее железнодорожный мост между Каневской и Стародеревянковской, получило сообщение о капитуляции Германии. Война окончилась. Радостная весть разнеслась по станицам, хуторам и полевым станам – во все концы разослали нарочных на лошадях.

В Летнем саду имени 1 Мая – торжественный митинг. Его открыл первый секретарь РК ВКПб Ерёмин. После торжественной части людское море выплеснулось на улицу Красную (сейчас – Горького). Люди плачут, радуются, обнимаются и целуются. Играет духовой оркестр, звучат песни. Много цветов. Такого ликования станица не знала за все 150 лет существования.

Июнь 1945 года. В центре станицы – слёт передовиков сельского хозяйства. 150 юношей и девушек представляют стахановское движение в колхозах Каневского района. Всё очень торжественно. Слёт открыл Пётр Ерёмин. С ответным словом выступили комсомольцы-стахановцы колхозов «Красный колос», «Большевик», «Сталинская Конституция». Принято постановление о дальнейшем развитии стахановского движения.

3 сентября 1945 года. В Летнем саду – многолюдный митинг, посвящённый победе советского народа над японскими милитаристами. Перед собравшимися выступил первый секретарь РК ВКПб Елисеев.

31 декабря 1945 года. В Каневской – массовое гуляние молодёжи. Центр освещён. Играет репродуктор. В кинотеатре «Родина» – новогодний бал-маскарад, организованный районным отделом культуры и райкомом ВЛКСМ. В программе – художественная часть, игры, танцы, конкурс карнавальных костюмов (за лучший установлена премия).

Играет оркестр из аккордеона, баяна и скрипки. Звучат вальсы, фокстроты, танго, краковяк, тустеп. В перерывах играет радиола. Новогодняя ёлка сияет огнями. Сияют ордена и медали на груди демобилизованных солдат и офицеров. Первый мирный Новый год. Все полны надежд на будущее. В воздухе мелькают самодельные ленты серпантина, конфетти. Зелёная красавица убрана скромно. Совсем мало довоенных игрушек, зато много самодельных.

Молодёжь веселилась от души. Все забыли в тот вечер о скудности жизни и бедности. Новый год вселял в души станичников надежду на лучшую жизнь.

Время мира

Послевоенная история главной площади Каневской, сменившей в различные исторические эпохи несколько названий, изобилует как «устойчивой ремиссией», так и периодами особой активности, граничащей с выздоровлением.

Поскольку на площади располагался станичный парк, он должен был соответствовать формату послевоенного времени. К восстановленной могиле героев Гражданской войны добавились ещё две, где обрели покой жертвы и герои самой кровопролитной из всех войн.

Совсем ещё не выплаканы слёзы жён и матерей. И в Каневской, и в районе много вдов, лишённых возможности окропить слезами могилы погибших мужей. Для них скромные захоронения в станичном парке стали символом Вечной Памяти.

Возможности того времени были ограничены. Страна с трудом залечивала раны и не могла поставить солдатам приличные памятники. Да что там, не могла даже по-христиански предать погибших земле. Вот и стояли на могилах коммунаров, парашютистов и советских активистов более чем скромные обелиски из оштукатуренного кирпича.

Но скорбь не может длиться вечно, и парк возвращает первоначальное предназначение. Не «Летний сад имени 1 Мая», а просто «Летний сад». За период оккупации ему, как и всему району, нанесён серьёзный ущерб. Поэтому восстанавливают водопровод, освещение, высаживают новые деревья. А ещё разбивают простенькие клумбы, высаживают цветы, посыпают дорожки ракушкой.

В 1948 году происходит несколько знаковых, хотя и мало связанных между собой событий. В станице построена баня. На пищекомбинате запущен карамельный цех. В продаже – из-под полы – «подушечки в сахаре» и «подушечки в какао» (в длинной очереди можно простоять без надежды купить долгожданное лакомство). Принято постановление о строительстве на территории парка танцплощадки в 1949 году – по меркам того времени, стройка весьма значительная.

Целую неделю с 1 января 1949-го в кинотеатре «Родина» показывали цветной кинофильм «Каменный цветок». До и после сеанса зрители прогуливались по зимнему парку и улице Горького.

В мае дирекция районного Дома культуры приступила к намеченному ранее очередному этапу благоустройства парка. 11 мая организовали субботник по строительству танцевальной площадки. Самое деятельное

участие в нём приняли комсомольцы и молодёжь; особенно активно трудился молодёжный отряд районной больницы.

Летом долгожданный объект начал работать. Всё скудно, в духе послевоенного времени: небольшая деревянная эстрада, невысокий забор – ни асфальта, ни бетона. А «танцзал» – земляная площадка, присыпанная мелкой ракушкой да пылью, поднимаемой танцорами. Танцевали под баян. По выходным играл духовой оркестр.

Тогда оркестры были в колхозах и даже в МТС (машинно-тракторных станциях). Особо славились духовики колхоза «Красный колос». Ими руководил фронтовик Василий Иванович Семеняка, ставший затем бессменным капельмейстером духового оркестра имени Калинина.

Истинно чарующей была духовая музыка того времени: вальсы, фокстроты, танго, полька и краковяк... Многие оркестранты имели военный музыкальный опыт – служили в полковых оркестрах.

А желающих танцевать площадка не вмещала, выдавали па и за её пределами. Умение танцевать для молодых людей было предметом гордости. Пожилые каневчане вспоминают, как парни лихо перепрыгивали через невысокий забор танцплощадки – это ухарство поощрялось присутствующими.

В том же 1949 году большой популярностью среди станичников пользовалась библиотека. Она располагалась в кирпичном доме неподалёку от старого Дворца культуры – там, где парк выходил на улицу Горького. Книжный фонд составлял всего 255 книг, зато читателей насчитывалось более 500. Они записывались в очередь, долго ждали книги и быстро их читали. К книгам относились бережно.

В 1953 году заведующим отделом культуры стал фронтовик Иван Иванович Будилов. На должность озеленителя он пригласил тогда ещё совсем молодого Бориса Игнатьевича Сизонова. Страстный цветовод-любитель, тот был горазд на выдумку. С его лёгкой руки в середине 50-х в парке появилось цветочное «чудо»: своеобразный календарь из живых цветов разных оттенков. Из цветочных узоров – год, месяц и меняющиеся число и день недели. Мне приходилось видеть потом нечто подобное в курортных зонах, но тот наш календарь не сравним ни с чем!

В те же годы появилась красивая цветочная арка у входа в парк. На ней размещалась доска районных показателей.

Труд и отдых

1956 год – самый важный за всю предыдущую историю главной площади станицы. Приближается 40-летие Октябрьской революции. Именем Октября называют колхозы, заводы, фабрики и даже радиоприёмники и телевизоры. К этой дате приурочена будущая

Павильон сельхозвыставки на месте Церковной площади. 1957 год.

Внутренний вид павильона.

районная сельхозвыставка.

За год должны быть построены выставочные павильоны. Для их размещения решено использовать часть бывшей Церковной площади, сформировавшейся в 30-е годы как Базарная. Один из павильонов займёт своё место неподалёку от сельмага, построенного в 20-х, в одном с ним ряду; остальные – по периметру формируемой площади.

Первыми к строительству «своего» павильона приступили члены сельхозартели имени Кирова. За месяц возвели стены. На эту стройку стали равняться другие колхозы, стараясь не отставать от флагмана. Ход строительства оценивала комиссия, большое значение придавая не только добротности здания, но и художественной отделке – все павильоны имели на фасаде богатую лепку в духе «советского классицизма».

Небольшую площадь превратили в выставочную. В центре её высилась скульптура механизатора и колхозницы, поднимающих пятиконечную звезду. А ещё были небольшой фонтан и «ваза изобилия», доверху наполненная дарами природы. От улицы Горького выставочную площадь отделял невысокий деревянный забор с кирпичными столбиками (в таком виде она и сохранилась до конца 1960-х – времени новой реконструкции).

7 ноября 1957 года в центре Каневской было многолюдно. В павильонах выставки – не протолкнуться. Огромные тыквы, арбузы, яблоки, виноград, перевязанные кумачом снопы пшеницы с крупными колосьями. И везде початки кукурузы, которую так любил Никита Сергеевич Хрущёв.

Я подолгу стоял в павильоне сельхозартели имени Калинина, где работали мои родители, не сводя глаз с участка творчества детей колхозников. Там была полуметровая модель шагающего экскаватора, сделанная моими руками (потом она безвозвратно уехала на краевую выставку). И огромный, с мальчишеский рост, початок кукурузы, собранный из отдельных початков.

Вокруг – народные гуляния, песни, музыка и танцы. Все радовались, живя надеждами, ведь жизнь улучшалась у нас на глазах.

А ещё на сельхозвыставке были представлены предприятия перерабатывающей промышленности. Каневской пенькозавод тогда занял призовое место во Всесоюзном соцсоревновании и стал лауреатом Всесоюзной сельхозвыставки. Правительственную награду получил мастер этого предприятия, участник войны Николай Сергеевич Малько.

Через несколько дней выставка закрылась. Павильоны стали достоянием райпотребсоюза, в них открылись магазины, а выставочная площадь стала называться Торговой. Просуществовав в таком качестве чуть более 10 лет, она изменила назначение. Произошло это 9 мая 1967 года: сюда перенесли захоронения из братских могил в парке – в торжественной обстановке, под траурные марши и оружейные залпы, при большом стечении народа.

5 ноября, в канун 50-летия Октября, на месте перезахоронения торжественно открыли обелиск Славы и зажгли Вечный огонь. Мемориальный комплекс стал самым посещаемым местом для жителей Каневского района.

60-е стали не только периодом «хрущёвской оттепели», но и временем созидания. На углу улиц Вокзальной и Горького, поглотив часть старых домов, построен современный кинотеатр «Космос». 6 ноября 1964-го он распахнул двери зрительного зала. Первые зрители, получившие пригласительные билеты, после торжественной части увидели премьеру нового цветного фильма со стереозвуком по роману Леонова «Русский лес». В 1968-ом, после реконструкции, «Космос» стал первым широкоформатным кинотеатром на селе.

РДК

Году в 1965-ом в районе принимается решение о строительстве на территории парка нового вместительного Дома культуры. Это была стройка краевого значения. Требовались серьёзные средства и значительная реконструкция парковой зоны. Старый ДК, безусловно, подлежал сносу.

По воспоминаниям Ивана Будилова, председателя исполкома Каневского сельсовета, его вызвал председатель Каневского райисполкома Николай Дмитриевич Мотько. Он изложил свою точку зрения на изменение облика райцентра: «Завершается строительство Дворца культуры, а прилегающая парковая зона выглядит несовременно. Пора взяться за её реконструкцию».

Иван Иванович пригласил в сельсовет Бориса Игнатьевича Сизонова (в то время – инженера-озеленителя колхоза имени Калинина), полагая поручить ему заботы о новом парке. Но сначала предстояло уничтожить старый парк! После колебаний и раздумий специалист согласился. Летний сад имени 1 Мая высаживал его отец, и сам он немало вложил в него, но жизнь не стоит на месте...

Вскоре проект одобрили во всех инстанциях. Непосредственное руководство работами взял на себя М.И. Солонин – ветеран войны, агроном по образованию, человек беспокойный и ответственный. Он сам ездил по стране в поисках элитных саженцев.

Поздней осенью 1972-го разбивку парка завершили. Неоценимую помощь оказали учащиеся школ №№ 1 и 8, особенно в уходе за хрупкими саженцами. Всего насчитывалось 37 пород. И выжили почти все деревца.

Подошла очередь площадки вокруг нового ДК. За саженцами голубой ели пришлось ехать в далёкую Калининскую область! Ели высадили на газонах не только у Дворца культуры, но и по улице Горького. Сегодня эти деревья – истинное украшение станицы.

В 1975 году по решению Каневского райисполкома парк получил новое название – «Парк имени 30-летия Победы», сохранившееся и поныне. В том же году в строй вступил и новый Дворец культуры, получивший статус районного. Внутри здания – большой зрительный зал на 750 мест, спортзал, многочисленные помещения для занятий кружков художественной самодеятельности и творческих объединений.

22 апреля 1976 года в новом парке торжественно открыли бронзовый памятник Владимиру Ильичу Ленину.

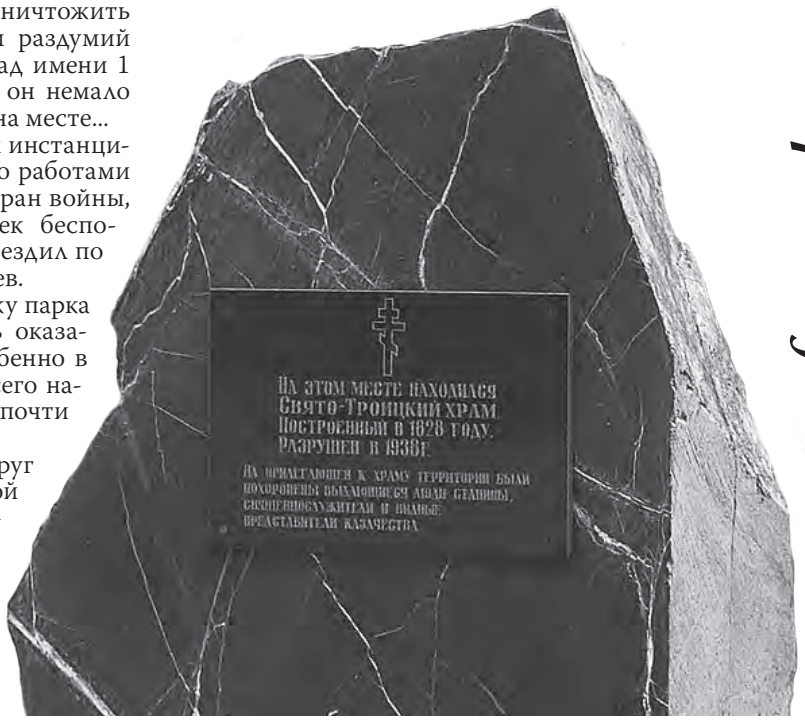
1984 год. Заботами Первого секретаря Каневского РК КПСС Петра Прокофьевича Чубова закончено сооружение огромной пристройки к зданию РДК. В ней разместилась зимняя танцплощадка, используемая и для других мероприятий. Многие стройки тех лет связаны с именами П.П. Чубова, Н.Д. Мотько, Б.И. Репина, И.И. Будилова.

Украшением центрального парка стали в своё время кафе «Русский чай», летний кинотеатр и различные аттракционы.

Дань новому времени – мемориальный камень на месте разрушенного храма, памятный знак на месте осквернённого церковного кладбища, где покоились именитые каневчане. В камне высечены имена великих сподвижников... Хоть и запоздалая, но это наша дань их памяти.

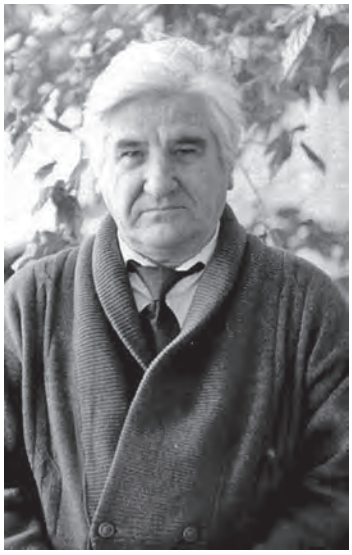
Послесловие

Меняются времена, эпохи, общественно-экономические формации... Но старая площадь живёт во всех нас: в поколениях ушедших, уходящих, нынешних и только делающих первые шаги, которым ещё надлежит внести свой вклад в Историю первой площади станицы, когда-то именуемой Церковной.



Казачьему роду нет переводу

Уважаемые читатели!
Мы продолжаем публиковать материалы краеведа, нашего друга, оставившего нам богатое наследие.



Виктор АНДРЮЩЕНКО

СТАНИЧНЫЙ ПАРК

Вся эта книга – продолжение книг «Земля Приволья», «Судьба моя – земля Приволья» и брошюры «Корни и кроны» – посвящена истории станицы Привольной. Пришло, наконец, время собирать камни – собирать по крупицам то, что осталось нам от предков. Многое безвозвратно потеряно, но кое-что ещё можно спасти. И не только воспоминания о людях, памятниках архитектуры, явлениях, но и другое: историю дорог, парков, старинных зданий... Ниже пойдёт рассказ о станичном парке.

Юные привольненцы, кому сегодня пятнадцать, думают, наверное, что всегда существовали Дом культуры, школа, асфальтированные дороги, санаторий, парк... Но, как известно, всё имеет начало и конец. И парк возник не в чистом поле и не сам по себе.

Привольную заселяли от берега Сладкого лимана на юг. Наши предки были людьми несуетливыми и обстоятельными. Догадывались, что станица со временем раздастся, обустроится; придётся строить церковь, школу, станичное правление, лавки. Поэтому сразу же в северной части оставили большую площадь – майдан.

Вскоре здесь построили здание правления с необходимыми службами, коновязями и просторным двором (сейчас на этом месте станичный рынок, бывший сельмаг, хозмаг, памятник участникам гражданской войны со скверником). Через несколько лет прямо на площади построили церковь, потом школу; отвели место под лавки и базар. Площадь заметно уменьшилась, но оставалась довольно большой для станицы.

По мере разрастания Привольной в её южной части оставили ещё одну площадь, получившую название Новой. А старую после строительства церкви стали называть Церковной.

В 1914 году на Новой площади построили здание двухклассного начального училища (там долгое время была начальная школа №14). И примерно в это же время посреди Церковной площади – от станичного правления и до нынешней улицы Мира – посадили аллею белой акации. А от правления, мимо Вознесенской церкви, через площадь проложили тротуар из красного кирпича – шёл он по нынешней улице имени Ленина, до улицы имени Калинина.

Чуть позже северную и восточную части Церковной площади обсадили двухрядными аллеями жёлтой акации. Такая же аллея пересекала площадь с востока на запад; в юго-восточном углу её располагались базар и довольно просторный скобяной (впоследствии хозяйственный) магазин.

В таком виде площадь сохранилась до весны 1952 года, когда на Пасху силами интеллигенции, коммунистов, комсомольцев и активистов был посажен станичный парк. Он занимал место от школьного здания до акациевой аллеи (с востока на запад) и от улицы Московской примерно до улицы Хрюкина. В южной части ещё оставались базар и хозяйственный магазин.

Так как достаточных средств для разбивки парка в сельском Совете не было, ограничились покупкой саженцев в районном питомнике, а разбили и посадили, как тогда говорили, «хозспособом». Саженцы просто высадили рядами, почти квадратно-гнездовым способом, никаких клумб, аллей. Да и набор пород был небогат: два сорта тополя, клён и белая акация.

Председателем Привольненского Совета в те годы был бывший двадцатипятитысячник Агей Григорьевич Добриков. Средств для содержания парка не было, и решено было поручить полив саженцев и их охрану школе.

Директором средней школы №13 был Иван Прокофьевич Соловьёв. По его инициативе на территории молодого парка посадили арбузы, дыни. Техслужащие, учителя и школьники ухаживали и за саженцами, и за бахчой. Какой-никакой доход бахча дала: для школы приобрели баян, фотоаппарат, наглядные пособия и пару лошадей с арбой и конным снаряжением.

В 1954 году директором школы стал Дмитрий Андреевич Любименко. Он продолжил начатое Иваном Прокофьевичем дело, но неожиданно нашлись «помощники» – выходцы из народа. Они начали писать в различные инстанции, что вырученные от реализации бахчевых средства руководство школы присваивает или использует не по назначению. Как водится, наехали проверяющие, изрядно потрепали нервы. Никаких присвоений или нарушений не обнаружили, но Дмитрий Андреевич от посадок бахчевых по молодому парку отказался. Двум-трём привольненцам «полегчало»...

За эти годы парк заметно подрос, по весне в нём буйно зеленела трава, и он постепенно становился местом отдыха станичников.

Весной 1955 года строители колхоза имени Ленина на колхозные же средства в восточной части парка, в непосредственной близости к школьному забору, построили танцплощадку. Бетонированный круг был обнесён забором, штакетником, но билеты на танцы никогда не продавались, и изгородь носила чисто символический характер.

Вначале танцевали под гармошку – развлекали молодёжь местные гармонисты. Потом подвели электроэнергию и стали применять магнитофон с усилителем. Эта простенькая танцплощадка была большим подарком для станичной молодёжи, особенно после того, как в декабре 1954 года сгорел Нардом – клуб, построенный на месте разобранного станичного правления.

Парк подрастал, привольненцы полюбили его. Весной, в майские праздники в тени деревьев собирались иногда целыми семьями. Со временем танцплощадка начала разрушаться, и колхоз имени Ленина построил новую – на новом месте. Это была прямоугольная бетонированная площадка, приподнятая над землёй и обнесённая забором. Но послужила она молодёжи не долго. Жители станицы уже чувствовали, что парк необходимо реконструировать: разбить клумбы, асфальтировать аллеи, установить детские аттракционы.

Разговоры оставались разговорами, пока за дело конкретно не взялся председатель колхоза имени Ленина Анатолий Тимофеевич Кочегура. На одном из заседаний исполкома Привольненского Совета он сказал, что реконструировать не стоит – необходимо выкорчевать и на всей оставшейся станичной площади разбить хороший современный парк. Сказал, что для этого потребуются большие средства, хороший специалист по лесо-парковым насаждениям и активное участие всего населения. Вскорости правление колхоза заказало проект. Был найден специалист – Михаил Иванович Солонин.

В декабре 1975 года колхозные строители спилили все деревья, в том числе во всех аллеях. Площадь приняла довольно жалкий вид; в станице началось обсуждение этого события. Молодые привольненцы приветствовали закладку современного парка, старики недовольно ворчали, считая, что довольно было и лёгкой реконструкции. И не только ворчали, а написали жалобу в райисполком на «хулиганские» действия молодых реформаторов.

Когда уже выкорчевали пни и всю площадь распахали, состоялось заседание райисполкома. На него пригласили председателей обоих колхозов и Совета, директоров ПРТ и школы, секретарей парткомов колхоза и рыбколхоза. Разговор был крутой. Члены райисполкома высказали и осуждение, и озабоченность, не прислушиваясь к мнениям приглашённых. Одним словом, отшлёпали всех, как шкодливых пацанов. Жалобщики, наверное, остались довольны, а остальным нужно было работать.

Осенью 1976 года начали завозить саженцы из нескольких государственных питомников. Временно прикапывали их в колхозном саду, а территорию будущего парка очищали от веток и корней, проводили выравнивание.

3 апреля 1977 года на станичный субботник пригласили взрослых мужчин для подготовки ям. До этого уже были в основном намечены трассы будущих аллей, расставлены колышки в местах посадки деревьев. Все большие саженцы успели посадить вовремя. А небольшие деревья и кустарники высаживали школьники.

Ещё с зимы в школьной теплице специально выделенные колхозницы выращивали большое число клумбовых цветов. Они украсили приготовленные клумбы.

За парком был постоянный уход: колхоз выделил агронома и нескольких женщин.

Уже к лету этого же года парк принял приличный вид. А благоустройство продолжалось: аллеи асфальтировали, обкладывали поребриком; поставили красивые напольные светильники. Через некоторое время на Ейском заводе аттракционов приобрели качели, карусели и другие аттракционы, доставлявшие местной детворе массу удовольствия.

Осенью 1981 года Привольная отмечала вековой юбилей. Парк был уже вполне современным по оформлению, подросли деревья и кустарники. Когда окончили строительство зданий Совета и Дома быта, на оставшейся площади высадили хвойные деревья. Ансамбль станичного центра завершила установка на территории парка памятника В.И. Ленину.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

О ГЕНЕРАЛЕ ХРЮКИНЕ

Родился он 21 июня 1910 года в городе Ейске. В годы гражданской войны судьба привела его с отцом в Привольную. Несколько лет будущий прославленный командарм прожил в нашей станице и навсегда оставил о себе самую добрую память.

О нём много написано, биография его, в общем-то, знакома привольненцам. Я расскажу только о том, как встречался с ним лично, приведу рассказы о нём ветеранов станицы, людей, с которыми он работал и воевал.

...Летом 1952 года по станице прошёл слух, что скоро в гости прилетит Хрюкин. После войны он приезжал сюда несколько раз и всегда его встречали с большим почётом.

Самолёты для станичников не были в новинку. В восточном конце улицы Московской находилась небольшая взлётно-посадочная площадка для малых самолётов. К ней из станичного рыбтреста на подводе, в корзинках с влажной травой, привозили раков, перегружали в самолёт, и тот увозил их то ли в Москву, то ли в Ростов. По этой причине площадку не распахивали, и в обычное время она служила для выпаса телят, гусят и прочей живности.

В один из летних дней я с одноклассниками играл в нашем дворе. Наш дом стоял недалеко от края станицы, по улице Московской. Мы услышали гул самолёта, потом увидели снижающийся небольшой биплан. Естественно, побежали к «аэродрому». Когда самолёт сел, из задней его кабины вышел человек в военной форме. Он снял шлемофон, положил в кабину и надел форменную фуражку.

Это был довольно высокий человек в брюках с широкими голубыми лампасами, в офицерской летней рубашке с двумя Золотыми Звёздами на груди. Он прошёлся, разминая ноги, под самолётом. Вокруг были уже пацаны, подростки и взрослые; женщины прибежали с поля. Одним словом, толпа набралась приличная.

В толпе Тимофей Тимофеевич узнал знакомых и подошёл к ним. Они здоровались, о чём-то говорили. Генерал Хрюкин сказал, что не будет ожидать машину и пешком пройдётся к станичному Совету. За ним следом пошли дети и свободные от работы взрослые.

Пошёл он по улице Московской. Иногда останавливался, о чём-то расспрашивая сопровождающих. Я дошёл до улицы Длинной и вернулся домой. Но потом слышал, что генерал ездил с друзьями в подсобное хозяйство рыбартели «Новая жизнь», отдыхал там. Потом съездил в Каневскую и улетел к месту службы. Это был его последний приезд в Привольную. Через год его не стало.

...В середине сентября 1963 года я окончил военно-авиационную школу механиков дальней авиации в Уфе. Закончил по первому разряду и имел право выбрать военный округ для прохождения дальнейшей службы. До этого я проходил стажировку в городе Бобруйске. Место это мне понравилось, поэтому я без колебаний выбрал ордена Красного Знамени Белорусский военный округ.

2 октября, уже на месте, я был назначен механиком по радиолокационным бомбовым прицелам самолётов в первую гвардейскую эскадрилью 203-го Орловского гвардейского полка. В первые же дни нас познакомили с его историей. Оказалось, это был прославленный полк, который в ночь с 9 на 10 августа 1941 года бомбил Берлин.

Через несколько дней нас, молодых специалистов, повели в Комнату боевой славы полка. Там, конечно, было, на что посмотреть, что прочитать. Поэтому секретарь парткома эскадрильи гвардии капитан Нестеров дал нам несколько минут для визуального ознакомления с экспаонатами. Среди множества документов я увидел фотографию, запечатлевшую участников войны с Японией, выполнявших интернациональный долг в Китае –

Героев Советского Союза Хрюкина, Кравченко и Грицевеца.

От неожиданности я несколько громче обычного сказал:

– О, Хрюкин!

За моей спиной сразу же возник гвардии старшина Войцехович:

– Вы знаете Хрюкина?

– Так точно. Встречал его.

– После экскурсии зайдите ко мне.

– Есть.

Николай Алексеевич внимательно меня выслушал, задал несколько вопросов и рассказал мне о своих встречах с генералом Хрюкиным.

...Он жил в Бобруйском районе Западной Белоруссии и уже в первые дни войны с отцом и двумя старшими братьями ушёл в партизаны. Частенько под видом сельского паренька ходил в разведку в город. За три года партизанской жизни облазил почти каждый кустик в окрестностях Бобруйска.

Летом 1944 года партизаны сошлись с передовыми частями Красной Армии. Провели парад и митинг, потом стариков, женщин, детей и некоторых специалистов отпустили по домам, а подлежащих призыву распределили по частям. Войцеховича и ещё нескольких подростков определили в какую-то часть, но в боевые действия не пускали – малы ещё.

Однажды в часть, где находились вчерашние партизаны, приехал офицер-авиатор и попросил назвать ему солдата, который бы хорошо знал Бобруйск и его окрестности. Все показали на Николая Войцеховича.

Офицер привёз его на городскую окраину. В большом доме находились и военные, и гражданские. Привёзший его сказал, что командарму Хрюкину нужен человек для сопровождения его в поездках по дивизиям и корпусам армии.

В поездки Николая брали не так часто; остальное время он находился в составе обслуги генерала: носил воду, рубил дрова, выполнял поручения Полины Дмитриевны, жены Хрюкина, иногда ходил гулять со старшими детьми.

Побыв около двух месяцев в этой должности, Войцехович был зачислен в войсковую часть. Прослужил в общей сложности 8 лет, потом остался на сверхсрочную. Он не много общался с самим Хрюкиным, но время, проведённое рядом с ним, запомнил надолго.

...В начале 1970-х годов в Каневской был создан общественный совет по сбору материалов по истории района и созданию историко-краеведческого музея. В него вошли Сергей Сергеевич Свинобой, Иван Спиридонович Сальников, Николай Фёдорович Гладких и другие, известные в районе ветераны. Они ездили по станицам, встречались с людьми, просили приносить и привозить старинные вещи, документы, записывать воспоминания ветеранов войны и труда.

В средней школе №13 был небольшой музей, собравший материалы по истории Привольной, о ветеранах войны, женщинах-воинах и так далее. Специально подготовленные школьники проводили экскурсии для учащихся. Там же проходили и встречи с интересными людьми.

В школьном музее побывали братья захороненного в нашей братской могиле Степана Марковича Чернышёва, бывший адъютант командарма Ковтюха Яков Емельянович Гладких и другие. Приехала однажды и Ефросинья Ивановна Гринько. Она рассказала школьникам о своих встречах с генералом Хрюкиным, посмотрела посвящённый ему стенд, а потом мы ещё долго говорили с ней о Хрюкине. Я попросил её записать воспоминания и передать в наш музей. Она выполнила мою просьбу.

...Активистка Фрося Гринько в 1929 году вступила в комсомол. Очень волновалась, не запомнила ни лица секретаря райкома, ни того, что он говорил в напутствие новым комсомольцам. Вскоре каневчанка уехала на учёбу. Окончила школу поваров, вышла замуж за офицера-пилота. Ездила с ним по гарнизонам и полевым аэродромам. Детей у них не было. Муж служил, а она работала вольнонаёмной в войсковых столовых.

В 1942 году мужа Ефросиньи Ивановны направили в Восьмую воздушную армию, которой командовал генерал Хрюкин. Его зачислили в один из полков, а жену определили в столовую для высшего комсостава. Когда кадровик-полковник проверял её документы, вошёл командарм. После доклада дежурного по штабу он подошёл к кадровику и спросил, что здесь делает эта женщина. Взял её документы, внимательно прочитал, но особое внимание уделил её комсомольскому билету. Спросил:

– А какой был секретарь райкома у вас в Каневской?

– Да рыженький какой-то.

На том и закончилось их знакомство.

Ефросинья Ивановна сама накрывала стол для генералов. Как-то генерал Хрюкин опять спросил её:

– Так какой у вас в Каневской был секретарь райкома?

Ответ последовал тот же:

– Да рыженький какой-то.

Так продолжалось много раз. Это заметили и другие и всегда ждали его вопроса. После ответа поварихи генерал становился немного мягче. А Фрося никак не могла понять, зачем ему нужен секретарь райкома комсомола из Каневской.

Через некоторое время в воздушном бою погиб муж Ефросиньи Ивановны. Дело было уже в Донбассе. Она ушла из армии, переехала к его родным, да там и осталась.

Прошло много лет. Женщина вышла на пенсию и к старости потянуло её на родину. Приехала в Каневскую, купила домик и зажила обычной жизнью обычной пенсионерки.

Несколько раз по местному радио она слышала обращение к жителям района с просьбой приносить в оргкомитет районного музея старинные вещи, документы, орудия труда и так далее. Взяла она свой комсомольский билет и пошла. Там встретила своих ровесников. Посмотрели её билет и обнаружили, что вручал его Ефросинье Ивановне секретарь райкома

комсомола – впоследствии прославленный командарм, дважды Герой Советского Союза – Тимофей Тимофеевич Хрюкин.

И только тогда поняла Ефросинья Ивановна Гринько, почему теплели глаза этого сурового человека, когда он спрашивал её о комсомольском секретаре. Для него, по-видимому, эти напоминания о годах юности были своеобразными отдушинами в круговерти страшной войны...

...Году в 1977-ом или в 1978-ом во время уборки в Каневской район приехали несколько краснодарских писателей. В колхоз имени Ленина направили Стрыгина Александра Васильевича. Он познакомился с руководством хозяйства, передовиками жатвы, ветеранами труда. Потом его заинтересовала история Привольной и люди, прославившие станицу своими делами. И очень хотел он как можно больше узнать о Хрюкине. По совету старожилов я познакомил его с Прокофием Владимировичем Спичаком.

...Примерно в 1927 году Спичак возвратился с так называемой кадровой службы в звании помощника командира взвода. А тут как раз подбирали человека для занятий с допризывниками. И выбор пал на него.

Среди допризывников оказался и Тимофей Хрюкин. Был он очень высоким, угловатым и не собранным. Надо было бы поставить этого юношу правофланговым, но у него плохо получалась ходьба в строю. Тем более, несмотря на позднюю осень, он был обут в очень большие сандалии, привязанные к ногам верёвочками, чтобы не потерялись. Доставалось Тимофею от Спичака частенько...

В 1929-ом Хрюкина избрали секретарём Каневского райкома комсомола и он переехал жить в райцентр. Вскоре Хрюкин женился на Александре Алексеевне Спичак – родственнице Прокофия Владимировича. Они иногда встречались в Привольной, но потом Хрюкин взмыл по армейской лестнице, воевал в Китае, Испании, на советско-финском фронте и в Привольной появлялся всё реже.

Прошли годы. Хроюкин уже был генералом, Героем Советского Союза, командовал Восьмой воздушной армией. А Прокофий Владимирович был призван на фронт и воевал в звании старшего сержанта, помощником командира взвода.

Как-то уже в Донбассе Прокофия Спичака вызвали в штаб дивизии, переодели в новое обмундирование, привели в образцовый вид и приказали ждать. Чего ждать – не сказали.

Через некоторое время ему приказали войти в большую комнату, где проходило совещание авиационного начальства с пехотой и артиллерией. Спичак сразу во главе стола увидел генерала Хрюкина, ему и доложил о своём прибытии. Генерал попросил его подойти поближе и очень строго спросил:

– Ты помнишь, Спичак, как ты меня в Привольной на площади носом в землю тыкал?

– Так точно, товарищ генерал.

Обращаясь к сидящим за столом генералам и полковникам, Хрюкин спросил:

– Ну, как, товарищи офицеры, хорошо старший сержант Спичак готовил нас к военной службе?

Со всех сторон посыпались одобряющие возгласы. Ещё бы, этот сержант воспитал такого генерала!

Хрюкин обратился к командиру дивизии, в которой воевал Прокофий Спичак, и попросил предоставить ему краткосрочный отпуск на родину. Тем более, что родина была почти рядом, а на фронте установилось кратковременное затишье.

Комдив предоставил Спичаку отпуск, а Хрюкин прислал за ним небольшой штабной самолёт, и уже через несколько часов счастливчик был в Привольной. Пилот предупредил, что через пять дней ждёт его на том же месте. Пробыв дома три дня, Спичак побоялся, что самолёт за ним прислать забудут, и сам уехал в часть. В назначенное время самолёт прилетел, но бравого старшего сержанта в станице уже не было.

...Как-то в школу приехали на автобусе несколько авиационных офицеров. Найдя меня, представились и сказали, что в средней школе №35 города Краснодара они, ветераны Восьмой воздушной армии, собираются организовать музей. В нашем школьном музее были дубликаты многих фотографий, некоторые документы. Мы передали их этим офицерам – однополчанам Хрюкина. Музей, по моим сведениям, был вскорости открыт.

Могила Тимофея Тимофеевича Хрюкина на Новодевичьем кладбище в Москве.

Художник Андрей Лях.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

СТАРИННЫЕ КАЗАЧЬИ ПЕСНИ

ПРО ШЕВЧЕНКА

На высокий дуже кручи,
Над самисинькым Днипром,
Спыть Шевченко в домовыни
Нэпробудным вичным сном.

Твоя слава ны пропала,
Всэ зробылы, шо бажав.
Над Днипром похоронылы,
Шоб там вично ты лыжав.

Шоб з могылы
Було выдно
Було выдно всэ кругом-
Выдно полэ, выдно морэ,
Ще й Вкраину за Днипром.

ОЙ, НЭ СВИТЭ МИСЯЧЕНЬКО

Ой, нэ свитэ мисяченько
Та на мий пэрэлаз.
Ой, нэ свитэ, мисяченько,
Та на мий пэрэлаз,
Прыйды, прыйды, мий мэлэнькый,
До мэнэ хоть на час.

Нэ прыйду я бильш до тэбэ
Ныхай хто другый йдэ,
Нэ прыйду я бильш до тэбэ
Ныхай хто другый йдэ
Бо вжэ мэнэ молодого
Друга дивчина ждэ.

Ой, якбы я крыла мала,
Та соловья очи,
Ой, якбы я крыла мала,
Та соловья очи,
Я б до тэбэ прылытила
В сэрэду впивночи.

Я б до тэбэ прылытила,
Коло тэбэ сила,
Я б до тэбэ прылытила,
Коло тэбэ сила,
Я б жэ тэбэ, мий мэлэнькый,
Навик полюбыла.

Ой, як мы з тобой любылысь
Сухи дубы цвилы.
Ой, як мы з тобой любылысь
Сухи дубы цвилы,
А як мы з тобой россталысь-
Зэлэни зацвилы.

Хай ти травы повсыхають,
Шо рано росцвилы.
Хай ти травы повсыхають,
Шо рано розцвилы,
Хай ти люды повмырають,
Шо нас розлучилы.

СХОВАЛОСЬ СОНЦЕ ЗА ГОРОЮ

Сховалось сонце за горою
Погасла ясная зоря.
И нич тэхэсэнько спустылась
На разни зэмли, та моря.

Спустылась ничка в сирий свыти
И сон у торби прынысла.
Заснуло все, шо есть на свити
Тикэ ростэ одна трава.

Умэр мий батько, вмэрла маты
И двир и хату продалы.
До мэнэ гроши нэпопалы
Мэнэ у наймы оддалы.

Служыв на хутори, в гамсэлив,
Служыв у ридних козакив
Любыв я дивчину Оксану
Та всэ задумчивый ходыв.

ОЖЫНЫВСЯ Я В ПЫТРИВКУ

Ожынывся я в Пытривку
Ой-ой-ой,
Узяв жинку як картынку
Ой, Боже мой.

Вона така знакомыта
Ой-ой-ой
Задрыпана ззади свыта
Ой, Боже мой.

Вона в сэбэ горбык мае
Ой-ой-ой,
А пид носом бульба грае
Ой, Божэ мой.

Послав йи на базарь
Ой-ой-ой,
Хлиба-солы купуваты
Ой, Божэ мой.

Хлиба-солы ны купыла
Ой-ой-ой,
На базари заблудылась
Ой, Божэ мой.

Ой, вы хлопци, вы молодци
Ой-ой-ой,
Ны бачилы моей жинкы
Ой, Божэ мой?

НА ГОРОДИ ВЭРБА РЯСНА

На городи вэрба рясна
Ну да, ну да.
А в городи дивка красна
Ну да, ну да.

Вона красна, ще й вродлыва
Ну да, ну да.
Тикэ доля ныщяслыва
Нуда, нуда.

Нэма щастя, нэма доли
Ну да, ну да.
Нэма парня для любови
Ну да, ну да.

Нэма його, та й нэ будэ
Ну да, ну да.
Розроялы його люды
Ну да, ну да.

Розроялы, розсудылы
Ну да, ну да.
Шоб мы в пари нэ ходылы
Ну да, ну да.

А мы в пари ходыть будым
Ну да, ну да.
И друг друга любыть будым
Ну да, ну да.

Запряжу я кошку в дрожкы
Ну да, ну да.
Та й пойиду до ворожкы
Ну да, ну да.

А ворожка хату маже
Ну да, ну да,
Вона мэни правду скаже
Ну да, ну да.

С кым мэлэнькый сёдня ляже
Ну да, ну да.
Чи з старою, чи з малою
Ну да, ну да.

Ны з старою, ны з малою
Ну да, ну да.
А зо мною молодою
Ну да, ну да.

КОСЭ ВАСЫЛЬ СИНО

Косэ Васыль сино
Шыроки покосы
А його дивчина
Дытыну прыносэ.

Васылю, Васылю,
Визьмы цю дытыну
Ны возьмыш дытыну,
На покоси кыну.

Бросыв Васыль косу
В лузи додолэньку,
А сам за дытыну –
Понис додомоньку.

Мамо, моя, мамо,
Случилась прычина –
В лузи, на покоси
Лыжала дытына.

Быры, сын, дытыну,
Нысы йи в хату,
Будэ пидростаты,
Будэ помогаты.

Ой, моя риднэнька,
Другая прычина
В синях за двырямы -
Молода дивчина.

Васылю, Васылю,
Выды йи в хату,
Будэ тоби жинка,
А дытыни маты.

ОЙ, ПЬЯНА Я ПЬЯНА

Ой, пьяна я, пьяна.
Ны було б Йивана
Ны була б я пьяна.
Я пиду до кума,
Кума ныма дома.
Дай , кума, горилкы,
Дай, кум, налывкы.
Дай мэни вына,
Шоб була пьяна.

Ны быйй мэнэ, муже,
Ны быйй мэнэ пьяну,
Выламай бэрэзу,
Быйй мэнэ твэрэзу.

Художник Андрей Лях.

Станица в лицах

Работы Ирины Вальченко.

Ирина МАТВИЕНКО

НЕ ОГРАНИЧЕННЫЙ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ТАЛАНТ

Тридцать лет назад акушерки каневского родильного дома приняли необычные роды. На свет появилась очаровательная светловолосая с большими зелёными глазами девочка. Но с одной особенностью: на её ручках не было... пальчиков.

Ирина Вальченко

Почему случилось так?! Этот вопрос мама новорождённой Ирочки задавала и медикам, и себе. Есть только одна версия: ещё не зная, что забеременела, молодая женщина проходила очередной профосмотр. Не исключено, что флюорографическое исследование стало роковым в самый важный период закладки органов плода.

Женщина не просто выдержала этот удар судьбы, но предприняла всё возможное для полноценной жизни дочери. Несколько операций по углублениям в кистях рук помогли с трудом, но держать игрушку, ложку, ручку. Уже с полутора лет девочка самостоятельно завязывала шнурки, а её настойчивость – «Я сама!» – просто поражала окружающих.

До семи лет Ирочка жила спокойно и счастливо. Она, конечно, понимала, что не совсем такая, как другие дети... Но рядом были любящие родители, их ласка и забота оберегали от окружающего мира. А вот в школе девочка сразу же получила порцию зла и жестокости. Издевательства со стороны ровесников, особенно из других классов, довели ребёнка до устойчивого, на долгие годы, комплекса неполноценности. Она замкнулась, стала стеснительной. Все посещали кружки, пели, танцевали, а Ира, наоборот, не хотела привлекать к себе внимание.

В третьем классе учитель рисования заметил её художественные способности и посоветовал маме развивать их. Девочка долго сопротивлялась, боялась ещё одно-

го детского коллектива. Но года через два всё-таки начала заниматься в художественной школе у Дины Андреевны Майгуровой. Больше всего любила рисовать лошадей. Причём, по памяти, ведь такая натура труднодоступна. Как-то ей повезло даже погладить коня, а вот покататься верхом она только мечтала.

Окончив одиннадцать классов, Ирина поступила в краснодарское художественное училище, где проучилась целых пять лет. К сожалению, никто не подсказал девушке, что с её аттестатом за те же годы она могла получить высшее образование, обучаясь на художественно-графическом факультете университета.

Вернулась в Каневскую. Но учителем рисования в школу идти не хотелось – хватило негатива от шестиклассников во время училищной практики...

Светом в окошке стал историко-краеведческий музей, регулярно проводивший конкурсы для людей с ограниченными возможностями. Первые же выставленные картины принесли успех и шикарный для художника приз – большой набор акварельных красок. После чаепития в уютной обстановке Ирину потянуло к коллективу; она охотно согласилась работать на полставки, несмотря на зарплату в 500 рублей.

Сегодня Ирина Владимировна Вальченко ни на что не жалуется. На работу всегда идёт с удовольствием. Оформляет выставки, из которых самые любимые, конечно, художественные, где она как профессионал может «развернуться».

...Во время общения пришла мысль: а ведь эта девушка только выглядит хрупкой! На самом деле у неё сильный характер, который поможет справиться с любой бедой. Говорят, Бог посылает трудную жизнь тому, кого хочет испытать. Так вот, глядя на талантливые, а главное, очень светлые работы Ирины, я вижу, что ей эти испытания – по силам.

Жизнь прекрасна и удивительна!

Мечта сбылась: Ирина – на лихом скакуне.

P.S. Узнав о мечте девушки, редакция газеты «Каневские зори» подарила ей приглашение на ипподром. С помощью предпринимателя Сергея Редкобородого, предоставившего транспорт, и руководителя каневского конного клуба «Виктория» Ивана Нелюбы. С погодой повезло: был безветренный солнечный день.

Ирине показали конюшню, построенную два года назад своими руками. Иван Иванович лично провёл экскурсию, с любовью рассказывая о питомцах, особенностях характера каждого из них, о том, в каких скачках животные участвуют. Познакомил с темпераментной Авророй, занявшей первое место в последних соревнованиях.

А тем временем для Ирины подобрали самого спокойного скакуна по кличке... Буян. И отпустили наслаждаться верховой ездой под наблюдением опытного инструктора.

Надо было видеть глаза девушки! Они лучше всяких слов говорили, что она счастлива.

Валентин ЦВЕТКОВ

Имя в истории

УЧИТЕЛЬ ПОКОЛЕНИЙ

Все, кто учился в школе, многие годы и десятилетия отчётливо помнят первых учителей, классных руководителей и директоров школ.

В педагогических коллективах это фигуры заметные, значимые. От их профессионализма, организаторских способностей и человеческих качеств зависит, станут ученики прилежными и образованными или прогульщиками и хулиганами.

Версия, конечно, общая. У неё имеется множество вариаций, зависящих от фоновой ситуации в стране, воспитания детей в семье, коммуникабельности учителя и разных других факторов...

...Анна Григорьевна Мошурова, 38 лет отдавшая педагогике, обучила основам наук и воспитала не одно поколение кубанцев, прославших Краснодарский край своими делами.

Анна Григорьевна Машурова (фото из семейного альбома).

Родилась она 22 декабря 1932 года в семье Серафимы Никитичны и Григория Никифоровича Тертышных в соседней станице Крыловской Сталинского района, некоторое время входившего в состав Каневского. В школу смогла пойти только в 42-ом. Вскоре после первого звонка занятия прервались из-за оккупации, но после освобождения возобновились и уже не прекращались никогда.

Аттестат зрелости Анна Тертышняя получила 12 июля 1952 года, уже почти в 20 лет. Единственная пятёрка – напротив предмета «Конституции СССР». На «хорошо» девушка сдала русский язык, литературу, алгебру, естествознание, историю СССР, всеобщую историю, иностранный язык и астрономию. Точные науки дались труднее. Поэтому, видимо, и изъявила она желание поступить в Краснодарский государственный педагогический институт имени 15-летия ВЛКСМ – для углублённого изучения немецкого.

Мечта осуществилась через год. А до этого в её жизни произошли два очень важных события. 1 сентября 1953 года она вошла в один из классов новоплатнировской школы в качестве учителя. А через два месяца стала женой лихого шофёра Крыловской МТС Виктора Мошурова.

Счастливые молодые люди, получив заряд дополнительной энергии, активно трудились каждый в своей отрасли и заочно учились. Он – в Анапском сельскохозяйственном техникуме на агронома-плодоовощевода, она – в Краснодаре на учителя немецкого языка.

Первое высшее образование Анна Григорьевна, судя по дате в дипломе, получила 25 июля 1958 года, а второе – преподавателя общеобразовательной школы по русскому языку и литературе – 17 января 1966-го.

Она всегда была старательной в работе. Сказал: «в работе», и засомневался... То, чем эта женщина занималась, точнее было бы охарактеризовать как призвание, смысл жизни. Станица Новоплатнировская, где Анна Мошурова начала педагогическую деятельность, и хутор Средние Челбасы, куда она переехала к мужу и где продолжила трудиться в местной семилетней школе, – небольшие населённые пункты. Каждый знает всех и всё обо всех, поэтому на виду у общества и уважаемые земляки, и немногие другие.

Через пять лет молодую учительницу хуторской школы №16 назначили завучем. 1 августа 1962 года, в связи с присоединением части Сталинского (Ленинградского) района к Каневскому, семилетнюю школу преобразовали в восьмилетнюю и присвоили ей новый номер – 40. Накануне 1968 – 1969 учебного года Анне Григорьевне доверили должность директора учебного заведения, с которой она успешно справлялась до ухода на заслуженный отдых в 1990 году.

Представителей интеллигенции в советское время наградами не баловали – больше поощряли рабочих и специалистов предпри-

ятий, производящих разнообразную продукцию (продовольственную, промышленную). Тем не менее, в семейном архиве сохранились почётные грамоты, которые Анна Григорьевна в разные годы получала «за долголетнюю плодотворную работу по обучению и коммунистическому воспитанию подрастающего поколения», медаль «Ветеран труда» и другие моральные стимулы.

Но главное не в них, а в светлой памяти о добрых делах учителя многих поколений хуторян. В альбоме Мошуровых бережно хранятся фотографии, запечатлевшие встречи выпускников, которые не без её помощи стали хорошими людьми и высококвалифицированными специалистами. А уж сколько молодых учителей прошли её школу!

На одном из снимков – Анна Григорьевна с коллегами и выпускниками 1988 года. Рядом с директором – недавние выпускницы вуза Светлана Ивановна Бондарь (Вдовина) и Алла Васильевна Овсяник. Первая сейчас работает завучем в каневской средней школе № 2, вторая – завучем в стародеревянковском аграрно-технологическом колледже. Свой путь в жизни нашли и их коллеги Н. Ковалёва, Э. Богданова и многие другие.

«Я хорошо знала Анну Григорьевну Мошурову, – пишет одна из её учениц Любовь Владимировна Боровая. – Мы росли и воспитывались под её присмотром. Никогда не слышали её повышенного голоса. «Брала» только любовью и лаской. Умела к каждому найти персональный подход. Если кому-то и делала замечание, то только так, чтобы никто другой не слышал – берегла человеческое достоинство. Мы каждое утро встречали её перед школой, а после занятий провожали домой, чтобы ещё хоть немножко побыть с любимым учителем, помочь нести нелёгкий портфель, поговорить в другой обстановке на свободные темы...»

А вот фрагмент другого письма: «В жизни каждого человека есть люди, оказавшие заметное, а подчас и решающее влияние на формирование характера и мировоззрения. Для выпускников 40-ой школы хутора Средние Челбасы таким человеком была Анна Григорьевна Мошурова – директор и учитель немецкого языка. У неё было всё, что должно быть присуще настоящему педагогу: талант, душевная теплота, внешняя привлекательность, ум, терпение и неиссякаемая энергия. Сам Бог вдохнул в неё дар, обладать которым тяжело и почётно – учить детей... Каждые мальчишка и девчонка любит своего учителя за «что-то». Одни – за хорошие оценки, другие – за похвалу перед классом. А мы любили Анну Григорьевну потому, что умела она превращать обычные уроки в весёлые игры и интересные путешествия...»

У супругов Мошуровых в 1953 и 1963 годах родились сыновья Николай и Александр. Оба пошли по стопам отца – окончили сельскохозяйственные техникумы и институты и посвятили себя сельскому хозяйству. А вот одна из внучек – Анна, дочь Александра – решила продолжить дело бабушки Ани. Окончила Ленинградский педагогический колледж, заочно учится на 4-ом курсе Армавирской педагогической академии, работая психологом в средней школе № 2 станицы Каневской.

Снимок на память с одним из выпускных классов.

Владимир САЯПИН

ПОЖАРНАЯ ОХРАНА В КАНЕВСКОМ РАЙОНЕ

Пожарные в рейтинге «А кем я буду, когда вырасту?» были вторыми после космонавтов. Пацаны моего детства были одержимы идеей стать именно пожарными. Золотая каска, ремни, красная громкая машина – что ещё нужно, чтобы почувствовать себя настоящим мужчиной? Мы выросли, приобрели другие специальности, но какое-то детское благоговение перед этой профессией осталось на всю жизнь.

У нас, каневских мальчишек, пожарные были кумирами. Мы знали их по именам. То, что эта профессия ещё и очень опасна, я понял в 1968 году, когда мы, пацаны, прибежали на пожар: горела мельница в Стародеревянковской. Пожар был ужасающей силы, пламя ревело, как в аду, но пожарные спокойно и размеренно делали своё дело. Я был поражён, поняв, что умение буднично, несуетливо исполнить опаснейшую работу и отличает профессию борца с огнём.

В Каневской первая пожарная команда была организована в 1930 году. Её возглавил кадровый офицер Макаренко Виктор Яковлевич. Пожарная часть располагалась в здании нынешней конторы парка культуры и отдыха 30-летия Победы.

На вооружении пожарных были 4 тачанки с установленными на них бочками с водой и ручными насосами РПН-100. Численность пожарных – 33 человека: дежурили в две смены, по 16 человек. В 1938 году сюда был направлен районный пожарный инспектор Чмакин Виктор Михайлович.

В 1941 году в связи с мобилизацией на фронт пожарная дружина района была распущена. И только в марте 1943 года, после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, на основании решения Крайисполкома от 13.03.1943 года (протокол №1. П 58) пожарные команды были воссозданы.

Колхозы выделяли людей и гужевой транспорт с противопожарным оборудованием (ручные насосы, бочки). В 1944-ом в районе для руководства противопожарной обороной в колхозах и МТС создали «районную тройку» в составе председателя Рудомахи, райпожинспектора Каневского РОНКВД Киричка, от РИКа – Насонкина.

В 1948 году при райотделе милиции ввели должность районного пожарного инспектора,

Первая команда районной пожарной охраны. 1947 год.

на которую был назначен Красников Дмитрий Иванович, руководивший пожарной охраной района до 1967 года. При нём организовали пожарную команду; финансирование – из местного бюджета. Районное пожарное депо в том месте, где мы его помним, построено при нём: по улице Горького у Дворца спорта.

В 1955 – 1965 годах под руководством Красникова созданы пожарные команды в Стародеревянковской, Челбасской, Привольной, Новоминской и Новодеревянковской, финансируемые сельсоветами. Помимо них образованы были добровольные пожарные дружины совхозов «Кубанская степь» и «Красногвардеец», Албашского элеватора, Новоминского и Каневского пенькозаводов. К этому времени на техническом вооружении были уже передвижные мотопомпы МП-1200, автомобили на базе ГАЗ-51 и ГАЗ-63 (ПМГ-19, ПМГ-6).

В 1967 году создана профессиональная пожарная часть №47, финансируемая уже из краевого бюджета. Начальником её назначили Горбачука Василия Григорьевича – человека, уважаемого за профессиональные и человеческие качества. При РОВД создали инспек-

Семинар добровольных пожарных дружин. 5 февраля 1944 года. Первый справа во втором ряду – Красников Д.И.

Красников Д.И.

Немков Г.А.

Слева направо – Немков Г.А., Красников Д.И. и Горбачук В.Г.

цию Государственного надзора; после ухода на пенсию Красникова Д.И. её возглавил Немков Геннадий Александрович, проработавший на этой должности до 1976 года. Обновились и личный состав, и техническое состояния части; поступил автомобиль АП-40 П30 ПМЗ.

В 1970-ом начальником пожарной части назначен Павлюк Николай Семёнович. при нём за счёт колхозов – имени Калинина и «Победы» – введены 18 единиц пожарных и 4 диспетчера, которые несли службу при ППЧ-47.

Шли годы. Росли техническая оснащённость и профессиональная подготовка личного состава. В 1974 году был создан межколхозный отряд, объединивший пожарные команды района и финансируемый долевыми взносами хозяйств и предприятий. Возросла численность пожарных команд.

Руководителем этого отряда был назначен Павлюк, начальником ППЧ-47 – Буряк Геннадий Ефимович; в 1977 году начальником ИГПН был назначен он же, а начальником межколхозного пожарного отряда – Селивёрстов Василий Михайлович.

11-й отряд профессиональной пожарной охраны, объединивший Приморско-Ахтарскую, Каневскую и Брюховецкую пожчасти, был организован в 1982 году, после ликвидации ИГПН. Начальником его назначен Галыга И.В., начальником ППЧ-47 – Крапп Н.П.

В 1987-ом район выделил земельный участок для строительства пожарного депо на улице Пролетарской (ныне Резникова). Депо заложили на 6 выездов, строительство завершили в 1990 году. В то же время часть получила новую технику: ЗИЛ-130, ЗИЛ-131, мехлестницу. Тогда же организовали ОГПС-22.

В 1991 году ОППО-11 реорганизовано в пожарно-спасательный отряд №12; отделение ГПН было выведено из подчинения ОВД, начальником назначен Буряк Г.Е.

Продолжение следует.

Принятие присяги пожарного Смирновым Н.П.

Горькая память войны

Мы продолжаем публикацию, начатую в предыдущих номерах.

Ноха СУЛТХАНОВ

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ...

Всякие войны питаются человеческими жизнями. Война убивает солдат без разбора, не щадит ни молодого, ни старого, ни мужчину, ни женщину, ни тех, кто пришел сражаться с врагом из многодетной семьи, ни тех, кто был единственной надеждой престарелых родителей.

Великая Отечественная война также предъявляла к людям страшный счёт. Он был более трагичен в семьях, отправивших на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками двух, трёх и более сынов или дочерей, и где ежеминутно ждали возвращения с победой каждого.

Сегодня мы обязаны вспомнить о них поимённо, назвать фамильные династии новоминчан, которые до последнего мужчины, способного носить оружие, ушли на фронт.

Склоним перед ними головы. Помянем добрым словом тех, кто не вернулся с полей войны. Вспомним о тех, кто возвратился в родные места с долгожданной победой, но с израненными телом и душой. Выразим сыновнюю благодарность родителям, которым пришлось оплакать одного, двух, трёх и более своих кровинушек.

Кобецкой Антон Васильевич.

Кобецкой Василий Васильевич.

Братья Кобицкие

Наш народ особенно торжественно отмечает каждую годовщину Великой Победы советского народа над фашистской Германией. Администрация Новоминского сельского поселения и Новоминской совет ветеранов Великой Отечественной войны заблаговременно ведут подготовку к этой знаменательной дате. В рамках данного события продолжаются поиски новоминчан, погибших или пропавших без вести на войне, проводятся встречи школьников и молодёжи с бывшими фронтовиками, записываются воспоминания солдат и офицеров Великой Отечественной…

В первые же дни войны Новоминской районный военкомат призвал на фронт четырёх братьев Кобицких: Ивана Васильевича (1912 года рождения), Василия Васильевича (1914), Михаила Васильевича (1918) и Антона Васильевича (1921). Престарелого отца – Василия Григорьевича, участника первой Мировой войны, – на фронт не взяли. Воевали братья на разных фронтах.

Первым умер от ран в московском госпитале младший – Антон. Он защищал столицу нашей Родины в знаменитой битве под Москвой (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.). Она охватывала огромную территорию восьми областей Российской Федерации, шириной около 1000 км. И глубиной более 350 км. На начальной стадии борьбы за Москву с обеих сторон участвовало 3 миллиона человек, до 22 тысяч орудий и миномётов, 2,7 тысяч танков и до 2 тысяч самолетов.

Немецкие войска потеряли более 500 тысяч солдат и офицеров, 1 300 танков, 2 500 орудий, более 15 000 автомашин и много другой техники.

На исходе февраля 1942 года новоминчанин, помощник командира стрелкового взвода Антон Кобицкой получил тяжёлое ранение и скончался от полученных ран в госпитале. Похоронен в Москве.

В середине 1943 года родители братьев получили сразу два извещения. В них сообщалось, что красноармеец Иван Кобицкой и красноармеец Василий Кобицкой, сражавшиеся в разных дивизиях, пропали без вести одновременно в апреле 1943 года. А через несколько месяцев… пришло письмо от Василия. Он написал, что был ранен, лечился в госпитале, снова вернулся на фронт добивать фашистскую нечисть. Но судьба не уберегла Василия Васильевича: к исходу войны, а точнее 6 мая 1945 года, в бою с недобитками фашистов и их приспешниками на белорусской земле он погиб смертью храбрых, до конца исполнив солдатский долг.

Четвёртый брат, Михаил Васильевич, неоднократно раненный на войне, вернулся до-

мой, но прожил после Победы чуть больше года.

После каждой похоронки мать Наталья Михайловна молилась, просила Бога смилостивиться, уберечь сынков от гибели:

– О, Боже, смилуйся, не забирай моих деток, спаси и сохрани их! Возьми меня, а их отпусти!

Каждый раз она умирала вместе со своими детьми. Какое материнское сердце вынесет такие боли и такие потери! Она и умерла в конце 1946 года, лишь на шесть месяцев пережив своего последнего сына.

Так не стало на земле четырёх прекрасных сынов Кубани, четырёх братьев Кобицких, сложивших головы за свободу и независимость нашей Родины.

Семья Дроздовых

В городе Кишинёве напечатана первая книга двухтомного издания «Они сражались против фашизма» (статьи, документы, списки, публикации) в 780 страниц под авторством писателя-публициста Н.Ф. Гуцула, посвящённая 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Книга издана при финансовой поддержке правительства и третьего президента Республики Молдова Владимира Воронина, администрации Волгоградской области и депутатов законодательного собрания Краснодарского края Российской Федерации.

В первом томе книги публикуются статьи и фотодокументы о подвигах советских пограничников, о мужестве и героизме воинов и командиров воинских соединений Красной Армии, антифашистской борьбе подпольщиков и партизан, участвовавших в боях с гитлеровскими захватчиками на молдавской земле.

В отдельной главе «Подпольно-партизанское движение» рассказывается о создании и боевой деятельности Первого Молдавского соединения партизанских отрядов, в котором комиссаром был уроженец Новоминской Всеволод Тимофеевич Дроздов.

Более века семья Дроздовых верно служит Отечеству. Глава семьи Дроздов Тимофей Петрович родился в 1876 году; его жена Наталия Косминична – в том же году в семье уважаемого казака.

Тимофей Петрович прошёл тяжёлый трудовой путь. До революции работал в Таганроге на заводах Русско-Бельгийского общества, в Екатеринодаре на заводе «Кубаноль». В Новоминской построил дом и кузницу, сделал самодельный токарный станок и обеспечивал проточку вальцов трёх механических мельниц станицы. Наталия Косминична была великой труженицей, вела большое домашнее хозяйство. Дроздовы вырастили и воспитали 5 сыновей и дочь, которые многое сделали для Родины.

В 1933 году на Кубань пришёл голод, и сын Всеволод увёз родителей в Ленинград, где он работал, и устроил отца слесарем в трамвайное депо. Глава семьи многие годы был на Доске Почёта как рационализатор. Умер голодной смертью в феврале 1942 года, похоронен

Дроздов Григорий Тимофеевич.

Дроздов Тимофей Петрович.

Дроздов Иван Тимофеевич.

Дроздов Кирил Тимофеевич.

в братской могиле на Серафимовском мемориальном кладбище в Петроградском районе. Там же нашла последний приют и супруга, Наталия Косминична.

Дочь Анисья Тимофеевна окончила в Екатеринодаре медицинское училище и работала фельдшером-акушером. Умерла в 1970 году и похоронена в Кишинёве.

Сын Григорий Тимофеевич, 1902 года рождения, учился в Ленинграде. Брал академический отпуск, приезжал в родную станицу и помогал семье. В 1926 году в Народном доме Новоминской он сделал стационарную киноустановку и многое другое. По окончании института работал инженером, был командирован в Воронеж, где налаживал производство на радиозаводе «Электросигнал».

Григорий Тимофеевич был директором завода в Ленинграде, а в 1939 году правительство назначило его начальником инженерного управления торгпредства СССР в Берлине. В войну руководил в Тегеране поставками через Иран товаров и вооружения. После войны работал торгпредом СССР в Австрии. Умер в 1968 году, похоронен в Москве.

Жена Григория Тимофеевича Мария Николаевна три года преподавала в школе 2-ой ступени станицы Новоминской.

Сын Григория Тимофеевича Вадим, уроженец Новоминской, в 1970 – 1980 годах был торгпредом в Аргентине, много сделал для нашей страны.

Сын Всеволод Тимофеевич, 1904 года рождения, работал с отцом в кузнице сельхозартели «Реконструктор». Один из первых комсомольцев в Новоминской, секретарь ячейки. В дальнейшем был на партийной работе в колхозе имени Кирова, в нашей станице, затем – на станции Шилка Читинской области. Перед Великой Отечественной войной работал заместителем начальника Белостокской железной дороги.

В войну Всеволод Тимофеевич был заброшен в тыл врага и являлся комиссаром Молдавского партизанского отряда, а затем и соединения, ведущего бои в содружестве с партизанскими отрядами Ковпака и Попудренко. После войны работал в аппарате ЦК КПСС Молдавии. Умер в 1971 году, похоронен в Кишинёве.

Сын Кирилл Тимофеевич, 1908 года рождения, работал с отцом в кузнице, играл на баритоне в станичном духовом оркестре. После службы в армии работал на заводе имени Калинина в Ленинграде; почётный ветеран этого предприятия. Воевал на Волховском фронте в районе Кириш миномётчиком. Умер в 1994 году и похоронен на Серафимовском мемориальном кладбище.

Сын Анатолий Тимофеевич, 1921 года рождения, с первых дней Великой Отечественной воевал механиком-водителем тяжёлых танков КВ в 1-ой Ленинградской танковой бригаде, а затем – в 36-ом Гдынском тяжёлом танковом полку прорыва. После третьего тяжёлого ранения (сквозное осколочное через грудь и лопатку) – инвалид. После Победы 30 лет отработал механиком в гаражах Ленинграда. Умер в 1991 году, похоронен на Ковалёва (кладбище инвалидов войны).

Сын Иван Тимофеевич, 1912 года рождения, опалён огнем Гражданской войны на Кубани. Свидетель жестоких боёв в Екатеринодаре, при осаде города генералом Корниловым в

Дроздов Анатолий Тимофеевич.

Дроздов Всеволод Тимофеевич.

1918 году, и в родной Новоминской.

Учился в Ольгинском училище (теперь школа №36); участвовал во всех школьных делах. В 1924 году ему доверили сделать доклад «О жизни и творчестве великого кобзаря Т.Г. Шевченко». Перейдя в школу 2-ой ступени, играл на гитаре в школьном струнном оркестре, участвовал в группе по акробатике, выступал на школьных вечерах.

В 1929 – 1930 годах работал в ремонтной мастерской коммуны «Реконструктор». В 1930-ом уехал к брату в Ленинград, где был принят в двухгодичное ФЗУ (фабрично-заводское училище) повышенного типа, которое окончил в 1932 году.

В 1931-ом был делегатом Всероссийской конференции фабрично-заводского ученичества во Дворце труда. Работая в опытном цехе завода ГОМЗ (теперь ЛОМО), изготовил первые советские индикаторы (приборы для определения физической величины звука), монополистом которых была немецкая фирма «Цейс». Об этом писала заводская газета «Советский объектив» в октябре 1933 года. Наставником Ивана Тимофеевича был начальник опытного цеха Соловьев А.Ф., который в войну стал директором завода.

В январе 1934 года Ивана Тимофеевича призвали в морскую пограничную охрану. Учился в машинной школе Балтфлота в Кронштадте. Как передовик учёбы командованием флота был направлен делегатом на слёт молодых ударников обороны, проходивший в историческом Таврическом дворце в феврале 1934 года.

1 мая 1934 года – участник первого и последнего парада моряков Балтийского флота на Дворцовой площади в Ленинграде.

Участник Финской и Великой Отечественной войн. Имел боевые награды. До выхода на пенсию трудился в городе Королёве Московской области, где и жил. Создал собственный домашний музей. Его документы использовали 20 музеев страны, в том числе и два центральных.

Старшая дочь Ивана Тимофеевича Лариса проработала 38 лет на космическом предприятии НПО «Энергия» инженером. Младшая Галина 33 года трудилась начальником бюро на космическом предприятии ЦНИИМАШ, а её муж Николаев Борис Николаевич возглавлял здесь же отдел.

Растут внуки и правнуки. Значит, продолжается жизнь, продолжается служение Отечеству династии Дроздовых.

Семья Кулько

Все 69 лет, отделяющие нас от Победы советского народа над фашистской Германией, не убывает память о немеркнущих событиях. Великая Отечественная война навсегда осталась в памяти человечества, умах и сердцах нынешних и будущих поколений. Они хранят и, уверен, всегда будут хранить память о победных салютах и горьких потерях, о живых и павших героях, о великом подвиге советского народа, спасшего весь мир от коричневой чумы – фашизма.

Отдав лучшие строки воспеванию подвига, мы ещё не сказали многого. Не обо всех героях написаны тёплые слова сыновней бла-

годарности, не полностью раскрыты истоки героизма советского воина в бою. Хотя мы знаем, что их поступками руководили освободительный характер войны, беспредельная верность фронтовиков и работников тыла Отчизне, ненависть к врагу. Они знали и понимали свою ответственность перед миром, перед нами, будущими гражданами страны, и поэтому шли в бой с твёрдой верой в своё правое дело. Потому и победили.

...Хочу рассказать о многодетной семье Кулько, дом которой стоял в Новоминской на территории 5-го квартала (улица Гоголя). Из пяти сынов этой дружной семьи к началу Великой Отечественной войны в живых осталось лишь два брата: Пётр и Иван. Старшие – Дмитрий, Фёдор и Федосей – погибли ещё в Первую мировую войну, защищая Россию от тех же проклятых немцев-захватчиков.

...19 июня 1942 года в разы превосходящие немецкие войска наступали на Севастополь в районе Воронцовой горы. В радиусе 30 км всё было разрушено артиллерией врага. Противник, несмотря на большие потери, продолжал атаку за атакой. Команды отступать не было, и советские части держали оборону до последнего снаряда и патрона, до последнего солдата.

Командир 287-го стрелкового полка 25-ой Чапаевской дивизии Приморской армии майор Чередниченко знал, что дать сигнал отойти на запасные позиции никто не посмеет. И никто из командиров не сделал этого: у них было право отойти, но солдатский и гражданский долг не позволяли уступить позиции врагу. Они подчинились долгу. И геройски погибли. Многие, если не все.

В том кровопролитном бою пал смертью храбрых и наш земляк, новоминчанин Кулько Пётр Терентьевич, 1903 года рождения. До войны работал в колхозе имени С.М. Кирова учётчиком, счетоводом; был членом правления. Ушёл на войну 18 августа 1941 года, участвовал в обороне Одессы. Затем, с той же частью, был направлен в Севастополь, где и воевал почти до последнего дня обороны. В тех боях и погиб. Похоронен на братском кладбище на 7-ом км Симферопольского шоссе, у посёлка Дергачи Нахимовского района.

Вместе с Петром Терентьевичем город русской славы защищал и другой наш земляк – Орлянский Яков Васильевич. Он остался жив и после Победы работал в нашем хозяйстве бухгалтером.

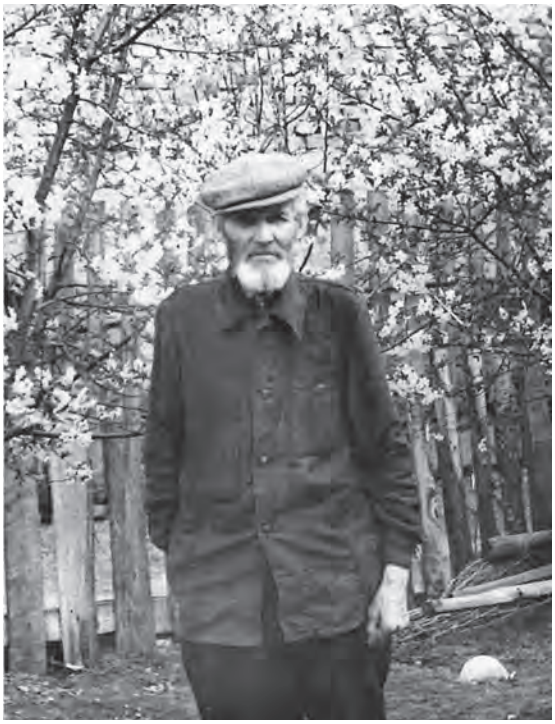
Добровольцем воевал с гитлеровцами и брат Петра Иван Терентьевич, который был младше на четыре года. Но и он, к сожалению, не уцелел: пропал без вести в мае 1943 года.

Через два месяца после этого бить врага попросился сын Петра Валентин, родившийся в 1926 году. Таких юнцов Родина на фронт не посылала, но Валентин Петрович, окончив школу командиров, добился своего: стал бить врага, мстить фашистам за убитых и увечных советских людей, за разрушенные города и сёла, за отца и дядю.

Кулько Петр Терентьевич.

Кулько Иван Терентьевич.

Полупанов Алексей Андреевич.



Полупанов Андрей Васильевич.

И бил храбро – домой вернулся, вместе с боевыми товарищами одержав Великую Победу, в орденах и медалях, преисполненный решимости и в дальнейшем служить Отчизне. Он и стал кадровым военным, артиллеристом, отдав лучшие годы жизни родной армии. Сегодня полковник в отставке профессор Кулько Валентин Петрович живёт и здравствует в Санкт-Петербурге.

На фронтах Великой Отечественной войны сражался с фашистами и Павел Дмитриевич Кулько; ему посчастливилось уцелеть. А Николай Фёдорович Кулько, 1918 года рождения, числится без вести пропавшим с мая 1943 -го.

Так сложилась нелёгкая судьба пяти братьев Кулько и их племянника, погибших за Родину, оплативших своей кровью наши свободу и независимость. Их подвиг, как и подвиги миллионов советских солдат и тружеников тыла, добывших для нас Победу, сегодня звучит как наказ: живите на свободной земле и берегите Отечество!

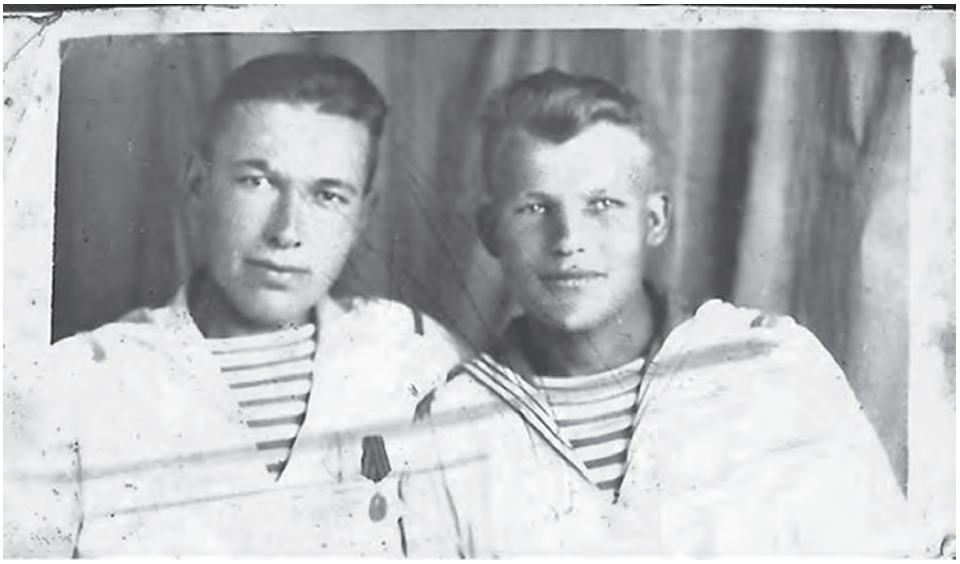
Семья Полупановых

В воскресный день, 22 июня 1941 года, новоминчанин Андрей Васильевич Полупанов со старшими сыновьями находился в степи, собирал скошенное на днях сено. Время продвигалось к полудню, когда прискакал на лошади восьмилетний сынишка Борис с известием: по радио сообщили о нападении Германии на Советский Союз. Этот день стал переломным в судьбе не только страны, но и многодетной (пятеро сыновей и три дочери) семьи Полупановых, которой целых четыре года придётся сражаться с ненавистным врагом.

Уже 25 июня из Новоминского райвоенкомата принесли повестку старшему сыну Василию, 1918 года рождения, учётчику колхоза имени С.М. Кирова. На сборный пункт вместе с ним пошёл и отец, заявив, что в такой ситуации и ему негоже сидеть на печи. Несмотря на возраст (50 лет) его уже через неделю отправили на учёбу, ещё через месяц старший из Полупановых принял свой первый бой. А первенец его Василий окончил лётную школу, стал штурманом бомбардировщика дальней авиации и громил фашистов с воздуха.

Сложная судьба выпала на долю Ивана Полупанова, 1920 года рождения. Он бил врага на море, стал старшиной первой статьи, был несколько раз ранен, но нашёл в себе силы победить врага. Вернувшись домой с Победой, прожил ещё два года, борясь с ранами, полученными на войне, доказав, что нет на земле ничего крепче духа русского солдата.

В 1942 году перед самой оккупацией Новоминского района фашистскими захватчиками ушёл воевать Николай Полупанов. Он успешно закончил школу разведчиков и долгие месяцы вместе с боевыми товарищами провёл в тылу врага, добывая сведения о расположении частей противника, приводя пленных солдат и офицеров. Его подвиги по достоинству оценены командованием орденами и медалями.



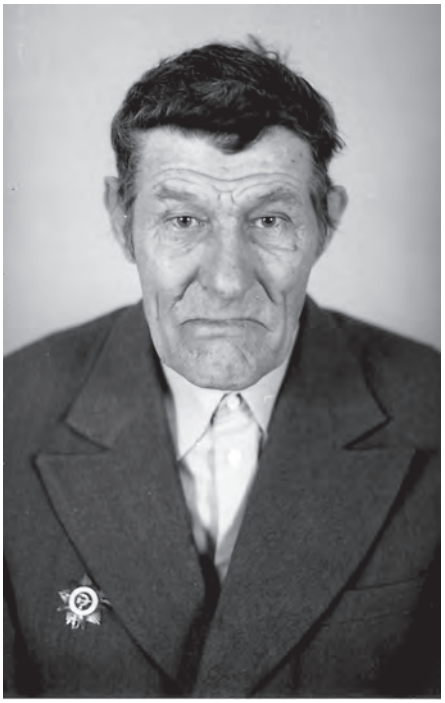
Полупанов Иван Андреевич (справа).

Последним из семьи Полупановых на войну пошёл Алексей, 1927 года рождения. Приписав себе год, он добился призыва и добровольно попал в действующую армию в конце 1944 года. Хороший шофёр, он стал любимцем в передовых частях, и вместе с ними добивал врага в его же логове – в Германии. Стал офицером.

После Победы с разницей в месяц, неделю, а то и день все пятеро Полупановых – отец и четыре сына – вернулись домой и, засучив рукава, начали работать в родном колхозе, восстанавливая разрушенную войной Новоминскую и строя на земле отцов светлое будущее для грядущих поколений.

Полупановы – единственная в станице семья, которой почтальон не принёс похоронку...

Полупанов Василий Андреевич.



Полупанов Николай Андреевич.

Николай ЛЕМИШ

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Пролог

На стене у меня висит пожелтевшая фотография в деревянной рамке довоенной работы. На ней – два солдата. Ладно скроенная форма с петлицами, яловые сапоги подчёркивают статус старослужащих. У одного из них – офицерская портупея. Оба уже побывали на финской войне, потому как на оборотной стороне снимка есть надпись: «Карело-Финская АССР, 1940 год». Один из них – мой родной дядя Никита Алексеевич Телятник. В семье известно, что он был ранен при взятии линии Маннергейма.

На мой вопрос, где находится Карелия, мама в 1955 году сказала:

– Это очень далеко, там такие снега…

А ещё добавила, что её подруга Поля была в 1943-ем в тех краях – ездила к мужу в немецкий концлагерь.

– А дядя Никита там погиб?

– Нет, в 1944-ом под Варшавой.

Когда я повзрослел, она рассказала эту удивительную историю, в центре которой – самоотверженный подвиг молодой женщины, сумевшей добраться в такую даль через порушенную войной страну, через линии фронта к своему мужу. На вражескую территорию.

I

Февраль 1943 года выдался на Кубани крайне суровым. Только прогнали немцев. Кругом царили разруха, холод и голод. Но потихоньку оживали коллективные хозяйства.

В один из вьюжных вечеров Полина, звеньевая полеводческого звена колхоза имени Ворошилова, решила заночевать в бригаде. Двое детей её остались на попечении свекрови, поэтому переживать за них не стоило. Ворочаясь на жёстком помосте, застеленном соломой, она долго не могла уснуть, а потом словно провалилась.

Снилось, что она с мужем Кириллом на Всесоюзной сельхозвыставке в Москве. Вокруг много людей, цветов, работают фонтаны, играет музыка. Легко и радостно. С огромной толпой они входят на выставочную территорию. Перед их глазами возникает величественная панорама, которой не видно ни конца, ни края. Огромные красивые здания, скульптуры – всё, как в сказке.

А потом – первомайский парад 1940 года. Букеты, транспаранты, огромные знамёна, строгие шеренги физкультурников. На стенах домов – портреты членов правительства и политбюро. И они с Кириллом стоят в толпе – далеко от правительственных трибун, но ощущая себя частицей великого действа. И не было предела гордости за страну, когда на площадь вышли парадные расчёты всех родов. А как Полине хотелось увидеть самого товарища Сталина – такого мудрого и строгого!

Одна картина сменилась другой, и они очутились на широкой степной дороге у пшеничного поля, за которым было маковое. Кирилл нёс на руках маленького сына, а она шла рядом, вцепившись в его локоть. Светило солнце, пели жаворонки. Внезапно небо потемнело, хлынул холодный дождь со страшным громом и молниями. Мужа и сына не стало, а она осталась одна на чёрной растерзанной земле. И вокруг – ни души, куда ни кинешь взор. От страха и отчаяния Полина хотела закричать, но из горла раздался только сдавленный хрип. Ей стало душно и она проснулась.

Подруга Галя трясла за плечо: «Тише, не кричи, все спят». До Полины стало доходить, где она и что с ней. Она окинула взглядом полутьму помещения, где вповалку спали люди,

и окончательно вернулась к реальности. Подумала о муже и о том, что последнее письмо от него пришло ещё до оккупации, в июне 1942 года. Супруг писал его между боями карандашом на тетрадном листке. Тон письма не предвещал ничего трагического: идут бои, немцы наступают, но победа будет за нами.

Несколько строк, очевидно, нарушавших секретность, вымараны высокой цензурой. Последняя фраза, как прощание: «Полечка, береги детей».

Встретив утро тяжёлыми думами, Полина не расставалась с ними и дальше. Сегодня они с Федотом Платоновичем, однoруким бригадиром, должны были ехать в станицу: он – в правление колхоза, она – в райзо, по сверке площадей. Бывая в станице, она уже дважды посетила военкомат, пытаясь навести справки о судьбе мужа.

В военкомате её уже знали. Капитан в форме ещё с петлицами, худой, с пожелтевшим лицом (наверное, недавно из госпиталя) молча показал рукой на расшатанный стул. Порывшись в бумагах, одну из них отдал Полине. У неё от ожидания, неизвестности помутилось в глазах, дышать стало нечем. Пытаясь расстегнуть ворот рубашки, она вырвала пуговицу с мясом. Буквы небольшого серого текста запрыгали перед глазами. Тяжело дыша, женщина попыталась вникнуть в его суть.

Виски сдавило, зарябило в глазах, но она поняла: это не похоронка. Сторонние звуки стали проникать в уши, как через вату, но она услышала вопрос офицера:

– Тебе плохо? На, выпей воды и успокойся. Он не погиб, пропал без вести. Поверь мне как фронтовику, на фронте всякое бывает… Знаю, что приходит похоронка, а следом – письмо из госпиталя: только ранен. И твой муж, может, жив. Возьми себя в руки и успокойся. У тебя ещё двое детей, жить надо ради них.

Покинув военкомат с ощущением мерцающей надежды, Полина направилась к почте, где её должен был ждать Платонович. Бедарка была на месте. Бригадир обронил:

– Була у военкомати?

– Ага.

После паузы:

– Шо, вбытый?

– Нет, без вести.

– Ну ны горюй. Може, вин и живый.

Молча подъехали к полевому стану. Бригадир, подогнав бедарку к конюшне, передал поводья конюху. Постояв, пошёл в бригадную конторку. А Полина направилась к пустому амбару, в котором её девчата наводили порядок. Никакой цели у неё не было, но нужно было что-то делать, чтобы отвлечься. Тут к ней подбежал разбитной мальчишка, работавший с группой таких же 13 – 14-летних подростков в бригаде. Запыхавшись, выпалил скороговоркой:

– Тётя Поля, тэбэ гукае у свий кибинет брыгадир Хвыдот Платонович. Каже, хай идэ нымэдля.

Понимая, что испытания сегодняшнего дня ещё не кончились, в тревоге она предстала перед бригадром. Указав ей на лавку, он обронил:

– Поля, подумав значалу, шо тоби ныдобрых вистэй на сёдня хватэ, а потом россудыв, шо хай вже всэ будэ разом. Тилькы ны лякайся. Ось на тоби письмо. Мабудь, от твого мужика. Тильки ны пойму, чого воно прыйшло в колхозну контору. Оцэ и маю думку, шо тоби за ёго сообщение.

С тем и подал замусоленный треугольник. Полине вновь стало нестерпимо жарко, трудно дышать, и она впервые ощутила слабую боль под сердцем. Буквы расплылись. Страшно боясь, что написанное добьёт окончательно, протянула раскрытое письмо бригадиру. Тот долго вглядывался в полустёртый карандашный текст, а затем медленно прочёл вслух.

Писал солдат, бывший с Полининым мужем в немецком плену где-то в Карелии. Они готовили побег, но Кирилл заболел, поэтому автору пришлось бежать одному. В письме был и адрес посёлка с каким-то необычным названием, где находится концентрационный лагерь. Охраняли его слабо, но давил мороз и лежали снега. Ослабленные и голодные беглецы гибли от холода. А ему повезло – спасли местные жители. В последних строках он передавал напутствие товарища по несчастью семье: «Прощай, моя дорогая, не знаю, свидимся ли мы, береги детей».

Постепенно успокоившись, Полина вчиталась в скупые строки. И даже не знала, плакать или радоваться – слишком много событий навалилось в этот злополучный день. Размышляя о случившемся, она представила, какой сложный путь прошло письмо, прежде чем попало к ней. А ещё неизвестный автор сделал мелкими буквами приписку внизу: «За плен меня определили в штрафную роту, завтра бой, и не знаю, жив ли буду, у меня в Курске семья, трое детей». Дата на письме отсутствовала, как и штемпель полевой почты.

Остаток дня прошёл, как в бреду. Нужно было что-то делать. Полина машинально покормила детей, уложила их спать и из остатков пшена сварила на завтра постный негустой суп. Она всё думала о муже, оставшемся в плену, голодном, больном и холодном. Что же это за посёлок и где находится? Платонович сказал, это там, где была финская война...

Вспоминая довольную и сытую довоенную жизнь, она отмечала, что они с Кириллом жили, в общем-то, неплохо. Оба работали: она – в колхозе, он – в МТС. Держали корову, небольшое хозяйство, растили сына и дочку. Кирилл ею очень дорожил и любил, как говорится, пылинки с неё сдувал. А как заботился о ней, когда ходила она «в тяжести»!

С работы муж приезжал порою поздно, но в доме всё сразу оживало, дети тянули к нему ручонки, а он ласкал их, доставая гостинцы. И всегда улыбался своей доброй улыбкой. Они так любили друг друга! И у Полины не было никого дороже, разве что дети. Разве они тогда думали, что разлучит их война?

Нередко Поля ловила завистливые взгляды девчат и молодых женщин, наблюдавших со стороны за ладом в молодой семье. Её не-

наглядный Кирилл – статный, высокий, со смоляным чубом и обворожительной улыбкой – сходу вводил в смятение лучшую часть женского общества, оставаясь при этом ортодоксальным однолюбом.

В 1938-ом он, не побоявшись, принял тракторную бригаду, отличавшуюся разнузданностью, бескультурьем и отсутствием трудового порыва, где до него сменились три бригадира. О молодёжном составе этой бригады колхозники говорили с юмором: «Цэ ны люды, а трахторысты». И Кирилл со своей улыбкой начал наводить порядок и подтягивать дисциплину. В результате через год бригада вышла в передовики. А когда Каневской район стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, они как руководители нижнего звена поехали на неё вдвоём в составе каневской делегации.

К утру у Полины созрело твёрдое решение: во что бы то ни стало, пусть даже с риском для жизни она поедет к мужу. Только бы увидеть, только бы застать его в живых. А может, даже и удастся выкупить его у немцев. Утром она озвучила в бригаде своё решение. Помощник бригадира Пётр Павлович, пожилой мужчина, воевавший ещё в японскую войну и прошедший несколько войн, выпустив из-под усов струю махорного дыма, произнёс:

– Похоже ты, молодыцю, ще соби ны прыдставляеш, куды тэбэ нэсэ. Цэ ж ны мырна жизнь, а война, и в ий сгорилы ны таки люды. Блызькый свит тоби топать аж у Хвинляндию. Тоби ишалон ныхто ны прыготовыв. И ждуть тэбэ нимци, а воны дужэ жистоки люды.

Потом добавил:

– Ны забувай, шо там зима, ще й яка.

А по окончании разговора резюмировал:

– Знаю, шо козачкы цэ ны прости жинкы, воны свого добьюцьця. Мабуть, ты з пид йих. Хай Господь тоби пособляе.

Платон Федотович посоветовал Полине поговорить с её подругой, моей мамой Еленой (все в бригаде звали её Елей). Мол, брат её Никита воевал в тех краях в финляндскую, как говорили тогда, войну. И посоветовал не откладывать разговор, так как Никита уже получил повестку на фронт – с него сняли «бронь» по причине нехватки солдат.

Никита рассказал примерный маршрут и предупредил, что финны ничем не лучше немцев, чтобы оставалась начеку в тех краях, и что Ленинград ещё в окружении. На карте из школьного учебника мамин брат проложил Полине примерный её маршрут. Пожелав ей удачи, он попросил передать привет землякам, оказавшимся в плену.

Следующая пара дней прошла в подготовке к отъезду. Половина колхоза участвовала в экипировке Полины и сборе продуктов в дорогу. Собрали сухарей, крупы, сала, пшена, сухофруктов, табака, немного сахара и спичек. В военное время со всем этим было негусто, но люди делились, кто чем мог. Клава подарила меховую душегрейку, нашлись и новая фуфайка, добротные кожаные сапоги с меховыми чулками внутри, шерстяные носки. По девчатам удалось насобирать немного денег.

Свекровь же неведомыми путями сохранила не только золотой крестик, но и обручальное кольцо, чтобы в этот час отдать их невестке. После раздумья она сказала:

– Диточка, мини нычого ны жалко, ты обрикаиш сэбэ на мукы ради мого сына. В тэбэ така страшна дорога. Бэры оцэ золото, а ось тоби ще золотый пятырык, я бырыгла його на чёрный дэнь. Бачу, вин вже прыйшов. Вин жэ сын у мэны одын…

II

Для «путешествия» требовались документы. У Полины, к счастью, имелся паспорт, полученный ещё до поездки на сельхозвыставку; сейчас получить его было бы просто нереально – колхозники считались «невыездными». Подруга, работавшая в сельсовете, выписала ей справку, что она едет на поиски мужа в Ленинградскую область. А свекровь передала старинный образок Богоматери.

И вот наступило то самое утро прощания с детьми, домом, установившимся бытом, колхозной работой. Заботу о внуках взяла на себя свекровь. Прощаясь, она благословила невестку святой иконой и, перекрестив, проводила до ворот. «Пусть Господь защитит тебя в трудной дороге, а я молю тебя – вернись живой», – таковы были её прощальные слова.

До Ростова Полина добиралась на перекладных. Особенно тяжело было идти с вещмешком, его лямки нестерпимо давили на плечи. Сесть в воинский эшелон у неё не получилось – он хорошо охранялся.

Наконец-то путница добралась до переправы через Дон, где взору её предстала удручающая картина. Часть моста была взорвана и оползла в реку. Остатки с берегом соединяла нешироkая железная балка, уже отполированная предыдущими путешественниками. Пришлось и Полине ползти по ней с мешком на спине. Не глядя вниз, на ледяную с промоинами поверхность реки, и читая про себя молитву, она всё же завершила передвижение по балке. Добравшись до полуразбитого вокзала, Полина села в товарный эшелон.

Передвигаясь, где на «товарняках», где и на воинских эшелонах, нередко на попутных машинах, она приближалась к заветной цели. Немало пришлось идти пешком, ночевать на полустанках, в посёлках и деревнях, иногда в скирдах.

Война сплачивала людей. Почти везде Полина находила сочувствие, поддержку. Продукты «таяли», и она не отказывалась, когда на ночлеге предлагали поесть. В дороге её не раз задерживали военные, попадала и в комендатуру. Но всякий раз, разобравшись, её отпускали. Военные поражались мужеству и стойкости женщины, а ещё больше тому, что она одна отправилась в такую даль. У неё уже осталось мало продуктов, и, когда она обращалась к солдатам, те помогали, чем могли. То дадут сухарей, то банку тушёнки, то пару пачек концентрата. Случалось и так, что на постое покормить её было нечем, тогда она доставала

свой мешочек с крупой…

То, что Поля видела в пути, было страшно. Сожжённые деревни и сёла, разрушенные и не восстановленные мосты с дорогами, брошенная разбитая немецкая техника... И кругом, куда дошли немцы, – разруха и запустение.

А как радовал в пути тусклый огонёк в чужом окне – человеческое жилище! Люди жили там, где, казалось бы, невозможно, даже в землянках. Её всё время поражали масштабы трагедии, имя которой – война. Ещё не встретившись с фашистами лицом к лицу, она видела последствия их пребывания на нашей земле. В первую очередь, разрушенное жильё: тысячи людей остались без крова. А вдовам и сиротам не было числа!

Да, на Кубани не было таких разрушений. Может быть, потому, что захватчики задержались в крае всего на полгода. Но и здесь они «прославились» насилием и массовыми убийствами ни в чём не повинных людей.

В Полине росла ненависть к тем, кто лишил миллионы соотечественников мирной жизни, разлучил её с мужем, погубил тысячи и тысячи молодых мужчин. В ней крепло желание увидеть этих нелюдей, смело посмотреть им в глаза, выказать презрение и ненависть. А если надо, – она постоит за себя. В школе её научили бросать гранаты и стрелять из винтовки. И, наконец, за голенищем её сапога – обоюдоострый нож из крепкой стали.

Стремясь самоотверженно вперёд, она уже даже не запоминала места, через которые пришлось пройти. Она много чего преодолела, но самые тяжкие испытания ожидали впереди, абсолютно не сравнимые с предыдущими мытарствами. На первом плане – переход линии фронта. Если останется жива, – путешествие по вражеской территории.

Все её справки в тылу врага не имеют никакой силы. Покинув советскую территорию, она автоматически переходит в разряд бесправных людей, за жизнь которых никто не даст и ломаного гроша. А ещё на этой территории хозяйничают финны – явно профашистской ориентации. Ведь недаром здесьрасположен лагерь военнопленных. Не для финнов, а для советских солдат.

По мере приближения к фронтовой полосе стали слышны отголоски артиллерийской канонады, знакомой ей со времён обороны Ростова. Тогда ей пришлось вместе с другими женщинами не только доставлять обороняющимся продукты, но и подносить артиллерийские снаряды.

Всё больше встречалось военных. Полине не раз пришлось рассказать свою историю, всегда вызывавшую сочувствие у собеседников. Иногда показывала справку и письмо из концлагеря.

Не обошлось и без происшествий: один из офицеров, с которым она поделилась своей бедой, оказался не только тыловиком, но и «особистом». Её миссию он воспринял крайне негативно, сказав, что следует разобраться, с какой целью она пытается попасть на вражескую территорию. Мол, это лишь прикрытие. И напомнил, что всякий сдавшийся в плен – предатель Родины. Даже спустя много лет Полина удивлялась, как ей удалось от него отцепиться и не попасть под арест. Может быть, потому, что в дороге она много молилась, а ещё ей помогали родительское благословение и образок Богоматери, взятый в дорогу.

Очередные встреченные в пути солдаты сообщили, что фронт уже недалеко. Это наглядно подтвердили машины со снарядами и другим военным грузом и бойцы с оружием. Останавливать Полину стали гораздо чаще. Сбившись со счёту дней, она чувствовала, что путешествие затянулось. И вот настал момент, когда она вышла на территорию, буквально кишащую войсками. И если раньше её отпускали с предостережениями, что дальше идти нельзя, то теперь говорили, что в лучшем случае она отделается арестом.

Как-то Полину привели под конвоем сначала к одному командиру, а затем к другому, рангом повыше. Последний, с воспалёнными от недосыпания глазами, вначале ничего не хотел слушать, требуя объяснить, как она, гражданский человек, попала в прифронтовую полосу. Снова пришлось рассказывать всё с самого начала. Узнав, откуда она родом, офицер сменил гнев на милость и признался, что сам с Кубани. Сообщил, что последний раз был дома, где у него остались три дочери, жена и мать, в 40-ом году, и спросил, прогнали ли фрицев.

– Мы тут долбасим немца с сорок первого года, – сказал командир. – Но скоро попрём его, перевес уже на нашей стороне.

О многом ещё поговорила Полина с тем майором. Словно Бог послал ей его за все муки. До последних дней вспоминала она его и просила Бога защитить от всяких бед. Он не только распорядился определить путницу на ночлег к связисткам, но и поделился с ней продуктами.

Вечером следующего дня женщина должна была с разведгруппой попасть на территорию, занятую врагом. Всё было просто: тихо и без выстрелов они оказались во вражеском тылу. Командир разведчиков подсказал Полине, в каком направлении безопаснее двигаться, и посоветовал избегать деревень, занятых немцами, а ещё – полицаев. Благодаря этим рекомендациям долгое время ей удавалось избегать неприятностей. И всё же она попала впросак, нарвавшись на старшего полицая в одном из посёлков.

Этот красномордый мерзавец, как назло, оказался в крайней хатке, куда она хотела попроситься на ночлег. Он собирался конвоировать Полину сначала в полицейский участок, а затем в немецкую комендатуру, чтобы сдать как партизанку. Но вдруг поставил условие – или она ему отдастся, или он её сдаст. Под дулом немецкого автомата он повёл арестантку в пустующий амбар. Она решила разыграть согласие.

Усыпив бдительность мордоворота, Полина стала медленно раздеваться, а потом, выхватив из-за голенища нож, полоснула негодяя по горлу. Упав, он захрипел. Из раны хлестала кровь. Бросив своё оружие, Поля схватила вещмешок и побежала. Откуда только взялись

силы?! Бежать! Прочь от этого места! В голове пульсировала мысль – она убила человека!

Дальше приходилось быть крайне осмотрительной. Появилась новая проблема – глубокий снег. Полина уже практически выбилась из сил, заканчивались продукты… И тут произошло то, что было не иначе как Божьим промыслом.

III

Полина старалась избегать людных мест, но в то утро решила пойти вдоль дороги. Будь что будет, всё равно силы почти на исходе, и вряд ли ей преодолеть этот путь. И тут её взору предстала невиданная картина: несколько собак тащили какие-то лёгкие, практически воздушные санки, на которых восседал мальчишка лет тринадцати. Экипаж двигался быстро даже по снежной целине. И она рискнула его остановить.

Ей показалось, парнишка даже не удивился. Его скуластое лицо, сильно обветренное, подсказывало, что он не совсем русский. Разговаривал парень с лёгким акцентом, как-то слишком правильно произнося русские слова. Полина расспрашивала про посёлок и нужный ей немецкий концлагерь. Мальчишка всё знал. В просьбе отвезти её туда Иннокентий, как звали аборигена, вначале отказал.

Полина, поправив образок на груди, читала про себя молитву: «Верую…». Выдержав паузу, она предложила ему советские деньги и две банки тушёнки, что дали ей военные. И, о чудо! Всё это возымело действие. Погонщик согласился, добавив только, что близко к лагерю он не подъедет, чтобы не попасть в лапы к немцам. Полина пообещала заплатить ему за обратный путь немецкими марками, только бы он её подождал.

Юный каюр оценивающе прикинул вес Полины и тощего вещмешка. А Полина отметила про себя, что за трудную дорогу порядком отощала и весу в ней осталось не больше трёх пудов. Иннокентий помог ей усесться правильно на нарты, и упряжка понеслась. Он управлял собакой, идущей впереди, с помощью какой-то длинной-предлинной лозины. Закрыв глаза и уцепившись за хрупкую конструкцию саней, Полина думала только об одном: как бы с них не слететь.

Ехали быстро, да так, что следом кружилась снежная пыль. Но не обошлось без приключений, которые её явно любили. Они нарвались на вооружённый патруль. Хотя женщина ещё не видела живых немцев, но поняла: это не они. Юный ездовой не растерялся, и крикнул: «Ложись!», взбодрив упряжку лохматых собак своей длинной палкой. Финны (скорее всего, это были они) остались позади. Догонять они особо не стремились, но несколько пуль всё же просвистели мимо.

Через пару часов остановились в лесочке. Пацан покормил собак мороженой рыбой и дал им отдохнуть, привязав по группам ременными поводками к небольшим деревцам. Остаток маршрута прошёл спокойно. За версту от лагеря каюр остановил упряжку и снова развёл собак, показав Полине, куда идти. Видимо, неразговорчивый по природе, Кешка, как звала его про себя Поля, скупо сказал:

– Иди. Недолго там. Будет солнце садиться, уеду.

Полина пошла в направлении, указанном каюром. Вскоре набрела на дорогу, которая и привела её к лагерю. Впереди замаячили строения, деревянные бараки, забор из колючей проволоки со сторожевыми вышками по углам. Она только намерилась броситься к лагерным воротам, как в морозном воздухе зазвенела песня, знакомая до боли. Хор, многие участники которого явно были простужены, пел: «Ты, Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь…»

Женщина оторопела. Как? Откуда? И тут на крыше низкого барака она увидела сидящих, как стая ворон, мужчин в солдатских шинелях и телогрейках. Пели они. Охранники на это не реагировали. Тут Поля обратила внимание, что на вышке заблестели огоньки. Прострекотала короткая пулемётная очередь, и несколько певцов медленно сползли с крыши. Остальные спрыгнули в снег (рассказывая мне об этом, мама всегда плакала…) Полина увидела, как оставшиеся в живых пленники скрылись в бараке.

Её поразило пение гимна Кубанского войска, запрещённого советской властью. Видать, и немцы его не жаловали. Когда оцепенение спало, она с опаской направилась к воротам. Медлить было нельзя.

Познания Полины в немецком языке ограничивались школой-семилеткой, оконченной с отличием. Немцы заметили нежданную гостью. Один из них пролаял что-то малопонятное и направил в её сторону автомат.

– Mein Mann ist Häftling. Kuban. Kasakendorf*, – обратилась она к охранникам на ломаном немецком.

Второй немец, кажется, что-то понял:

– Ja, Kasaken.

Не зная, как продолжить диалог, Полина несколько раз повторила по-русски:

– Позовите офицера, позовите офицера.

Фашист подошёл к ней совсем без признаков дружелюбия. Молодая женщина, не растерявшись, протянула ему золотое кольцо. Присмотревшись, она поняла, что не ошиблась – этот был унтер-офицером. Он взял «подарок» и тут же ушёл. Полина не знала, каковы будут результаты этой сделки, и очень боялась, что останется ни с чем. Но вскоре к ней вышел уже другой немец, в шинели с собачьим воротником, в пенсне и фуражке с наушниками и шибко важный с виду.

Попытавшись заговорить на ломаном немецком, она услышала в ответ такой же корявый русский. Офицер потребовал немецкий документ, удостоверяющий личность. Вместо аусвайса Полина протянула ему золотую монету. Немец осклабился и произнёс: «O, Golden!». Не дав ему опомниться, Поля назвала имя и фамилию мужа, вспомнив даже его лагерный номер, который осмотрительно указал в письме сбежавший товарищ. Немец тут же позвал унтер-офицера и дал ему задание, после чего оба удалились.

«Эти изверги не только не позовут Кирилла, но и меня пристрелят», – подумала Полина.

Но тут она увидела, что под конвоем автоматчиков к ней идёт наш худой и измождённый солдат в шинели, с пилоткой на голове, в ботинках с обмотками. Что-то до боли знакомое было в его облике. И, когда он подошёл ещё ближе, она узнала мужа.

Кирилл приблизился к месту у забора с проволокой пореже. Его шея была обмотана грязным полотенцем, а лица давно не касалась бритва. Приблизившись к ограде, он протянул руки через просветы «колючки» и обнял жену. Так они простояли с минуту. И тут Полина увидела слезу на сером лице любимого. Кирилл показал глазами на стоящего неподалёку солдата, и Поля сдержала рыдания. Они поняли друг друга без слов.

– Как там дети, небось, подросли? – спросил Кирилл, нарушив молчание. – С кем ты их оставила?

– Там мамо на хозяйстви, – ответила Полина.

Супруг смотрел ей в глаза и видел, как по щекам её скатываются слёзы страданий. Затем спросил:

– Как же сил у тебя хватило, радость моя? Как же ты сумела добраться сюда?!

И, не получив ответа, закивал головою. Теперь спрашивала Полина. Кирилл ответил, что воевал он во второй ударной армии, которую подло сдал врагу генерал Власов. Много фронтовых друзей остались лежать в Мясном Бору (это потом Поля поняла значение этого страшного места в Горьковской области).

После победы под Сталинградом немцы стали сдержанней относиться к пленным. Генерал-предатель Власов, согласившись на сотрудничество с фашистами, сформировал целую армию из советских военнопленных. В этом пересыльном лагере многие были из исконно казачьих областей Кубани, Дона и Терека. Немцы считали казаков храбрыми солдатами, поэтому и голодом, и холодом, и угрозой расстрела пытались склонить к предательству. Сдавшихся в этой борьбе уже ждал «белый» генерал Краснов, мечтавший собрать дивизию.

Кирилл рассказал Полине, что немцы не теряют надежды сделать из пленных своих пособников. Но кубанцы, которых в лагере было больше всех, не сдавались. И гимн своей малой родины, Кубани-матери, они пели все. С каждым днём их становилось всё меньше, но Родину казаки не продавали. Держались до последнего.

Беззвучно плача, Поля трясущимися руками развязывала вещмешок. Продуктов осталось мало: немного сухарей, кусок сала и галеты. Вместе с едой она передала тёплые носки, перчаки, шерстяной шарф, пару пачек махорки. Как бы извиняясь, произнесла:

– Кирюша, харчей было много, да не довезла, дорога-то дальняя…

Меж тем Кирилл, гладя её руки, говорил, чтобы берегла детей, а как вырастут, рассказала, что отец их погиб в бою с фашистами, и желал, чтобы внуки никогда не узнали войны. «А тэпэр, люба моя, иды з Богом обратно, та бырыжи сэбэ, тэбэ ждут диткы. Хай Боже тоби помогае. Прощай, моя люба! Нэ горюй, дорогая. Такова наша тут участь. Я погыбну со всимы…»

Не сдержавшись, не ощущая колючей проволоки, она прижалась к его щеке и заплакала навзрыд. Потом, оторвавшись и как бы пытаясь запомнить его на всю жизнь, смотрела через пелену слёз и, поцеловав, увидела, что немец явно злится.

– Иди, иди, Поля, – сказал Кирилл.

Что-то вспомнив, она передала ему в руки золотой крестик – последнее из сбережений матери. Перекрестив мужа троекратно, Полина развернулась и твёрдым шагом пошла к лесу, в котором её, возможно, ещё дожидался погонщик собачей упряжки. Оглянувшись, она увидела, как Кирилл вцепился в колючую проволоку, глядя ей вслед.

– Поля, умоляю, сбереги себя! – были его последние слова, скорее крик отчаяния. Сзади его уже толкал охранник. Набравшись сил, она помахала мужу рукой.

Слёзы всю дорогу застилали ей глаза. Каюр Кеша уже не находил себе места. Она не помнила, как села на нарты, и не слышала, что он говорил. Все её мысли были о любимом, оставшемся за колючей проволокой. Нужно было взять себя в руки. Впереди ещё предстояла обратная, но не менее опасная и полная испытаний дорога через войну.

Послесловие

На Кубани цвели жердёлы. Их чарующий аромат дурманил голову, кажется, заполнив всю станицу. Природа оживала с новой весной. Сильно исхудавшая Полина в донельзя изношенной одежде поднялась на крыльцо родного дома. Здесь её ждали дети – продолжение их с Кириллом. Ради них будет она жить, трудиться и приближать день победы над ненавистным врагом, убившим её мужа. На следующий день она вернулась в бригаду. Как раз в разгар полевых работ.

Не стало прежней улыбчивой, смешливой, дышащей красотой и молодостью Поли. Была много повидавшая, зрелая, умудрённая опытом женщина старше своих лет. В волосах её цвета вороньего крыла появилась броская седая прядь, подчеркнувшая эту зрелую красоту сильной женщины. Спустя три недели, как и договорились они с мужем при прощании, она заказала в церкви заупокойную службу о погибшем на поле брани рабе божьем Кирилле. С того времени косынка или платок чёрного цвета всегда покрывали её голову.

...После прощания с мужем у Полины стало часто болеть сердце. Но нигде и никогда она не подавала виду. Послевоенное звено, которое она возглавляла, стало передовым не только в колхозе. В 1944-ом её наградили орденом. Умерла она в 1949 году, оставив детей матери мужа. Потеряв сына и невестку, свекровь всю себя посвятила внукам, вырастив их до совершеннолетия. Потом не стало и её. Дети Полины и Кирилла выросли достойными людьми. У сына Кирилла отцовская улыбка. Всякий, встретившийся с ним, скажет: «Добрый человек».

---

* *Mein Mann ist Häftling. Kuban. Kasakendorf (нем.) – Мой муж пленный. Кубань. Казачья деревня.*

Иван Андреич и Ксения Ивановна НАБОК.

Степан ДЕРЕВЯНКО

Я ТЕПЕРЬ ВО СНЕ СЕЮ

(Очерк)

Ну, Андреич, ну, старый солдат! Не сидится ему, не лежится. Захожу во двор, спрашиваю у внучки, где дедушка, говорит – на огороде с пыреём воюет. В 87 лет? Не очень поверил и пошёл на грядки. Точно – согнутый, как знак вопроса, старичок, с волосами, похожими на пух одуванчика, бойко копает вилами край огорода, выдёргивает белые шпагатины корней и бросает на межу.

– Дядя Ваня, что ж ты, немца победил, а пырей никак?

– Та ныяк ёго проклятого ны вывыду, лизэ и лизэ через мыжу, як той хвашист....

– Значит, есть ще сыла у солдата?

– Трошкы есть, но вже ны багато. А чий ты будэшь, сынок? – спрашивает он меня, внимательно вглядываясь.

Я называюсь и наклоняюсь к старику ближе, зная, что у него видит один глаз. Прозевал ветеран, как и многие старики, свою глаукому. Дядя Ваня, поглядев на меня, говорит:

– Шось ны помню. Батька твого, вроди, знав.

– Зналы, дядь Вань. В юности бигалы ж до дивчат в сосидню станыцю?

– А як же! На конях, верхи!

– Значит, зналы. Ну, ходимтэ до двору.

И я беру под руку старика, в другую руку – поперечную пилу (дядя Ваня сам срезал сломанную ветром вишню), и мы с вилами и пилой идём по зеленой стёжке.

...Великая Отечественная для Ивана Набока началась в июне 1941-го, сразу после объявления войны Германии. В свои девятнадцать лет он попадает в первый призыв, и вот уже колонна новодеревянковцев по пыльному жаркому шляху направляется в станицу Новоминскую (тогдашний райцентр). Сзади скрипит фурманка с харчами и водой, над головой звенят жаворонки в ясном и пока ещё не опасном небе. А к ногам льнут созрева-

ющие колосья, будто спрашивают: «К жатве вернётесь, казаки?». Подступает от вида полей комок к горлу, но надо идти. Рубаха прилипла к спине, и над колонной плывёт запах потных мужских тел.

В Новоминской колонна удлинилась и, утерев слёзы прощания, направилась полевыми дорогами на сборный пункт станицы Ленинградской. Мужики постарше шли молча, молодёжь пыталась шутить, но шуток хватило не надолго. По пехотной норме в день солдату полагается пройти сорок километров, до сборного пункта было восемьдесят. Вот их и подгоняли военкоматовские, постоянно покрикивая:

– Шире шаг! Не отставать!

С непривычки у Ивана от усталости гудели ноги. А впереди была война.

Но это у народа, у страны была Великая война. А у каждого солдата она была своя, потому что свои были беды, свой голод и холод, своё горе и своя радость. Кому-то на войне повезло больше, кому-то меньше, кому-то не повезло совсем. Но если считают фронтовиками тех, кто призвался в конце войны и войны не видел, или тех, кто всю войну мордовал в лагерях безвинных соотечественников, то что говорить о таких трудягах, как Иван Набок, с начала и до конца войну ломавших...

Из Ленинградской колонну, теперь уже в несколько тысяч человек, повели в станицу Багаевскую, за Ростов. Пересыхало горло от жажды и висящей облаком над дорогой пыли. Стирались в разбитых чувяках ноги. Но никто не жаловался. Знали, что ответ будет один: «Привыкайте, война».

В Багаевской призывники получили приказ: копать противотанковые рвы от Таганрога до Ростова. Копать в своей одежде и обуви, дали только лопаты и носилки. Земляная работа всегда тяжёлая. Чтоб хорошо копать, нужен хороший харч, а его-то как раз и не было – кормили плохо. Отощали казаки. Обносились, оборвались, спали вповалку, пока было не холодно, там, где работали. Не мылись – негде было. Завшивели. Но не роптали: враг наступал, и спешили до холодов рвы закончить. Спас положение колхоз: из Новодеревянковской привёз для своих одёжу, обувку и рабочие рукавицы. Иначе бы пропали, не став солдатами.

К зиме земляные муки закончились, и Иван попал в Майкоп, в учебку. Там только он отмылся, выбили его вшей и одели в солдатскую форму. Там же он принял присягу и стал солдатом.

До весны их учили пехотной науке, а весной 1942-го всё подразделение перебросили в Новороссийск грузить боеприпасы на корабли, доставлявшие оружие в Крым. После этого рядовой Набок попадает в грузинский город Гори на формирование своей воинской части – 920-го стрелкового полка. И оттуда – на фронт, на Смоленское направление, на передовую.

Как воевал рядовой пехотинец Набок в свои неполные двадцать лет? Да как все, кто с ним был рядом в окопе, траншее, атаке. На передовой в окопе ничем не интересуешься. Голодно, холодно – сырая шинель от мороза колом стоит. Щи холодные привезут раз в несколько дней и хлеб мёрзлый. Хлеб порубаешь саперной лопаткой и ешь. Не думаешь, что будешь жить, и не страшно. Идёшь в бой, и всё равно, что с тобой будет. А места там, под Смоленском, такие были, что окоп не выкопаешь. «Сыдыш в той ямки, як сорока на гилляки». Это малая правда солдата о «своей» войне.

В тех боях его и ранило. Первый раз легко, в бедро, 26 августа 1942-го. А через несколько месяцев, в декабре, в атаке Ивана сразила разрывная пуля в... пах. Бой у деревни Жеребцовка был тяжёлый, в его роте многие полегли. Ивана спасло то, что он не потерял сознания и был молодой, сильный. Метров тридцать до своей траншеи он прополз на руках, грязный снег кровавя. Ноги не слушались. Когда полз, кто-то из товарищей просил: «Добей, браток...». В траншее Ивана перевязали, и, повезло опять, отправили на крытой машине к санитарному поезду. Два везенья в один день – судьба. И было это 17 декабря, в его двадцатый день рождения.

Санитарным поездом солдата довезли до Москвы, а оттуда отправили в эвако-госпиталь 3963 в Самарканд. И с 20 января по 31 августа 1943 года пробыл он на лечении после своего страшного ранения, про которое в бумагах сказано односложно – тяжёлое.

Я смотрю на пожелтевшее свидетельство о болезни рядового Набока, выданное комиссией эвакогоспиталя, в котором нормальным почерком (а не таким, как теперь пишут врачи – за один почерк гнать в шею балбесов нужно) написано: «В левой паховой области рубец 12 на 2 см, другой 2 см на 0,75 см – окрепший. В левой ягодице рубец окрепший со свищём в центре. Из свища грязно-гнойное выделение в умеренном количестве. Движение в левом тазобедренном суставе ограничено...» Ранение-то было сквозным. В таком состоянии госпиталь отправил Ивана на полгода долечиваться домой, с последующей перекомиссией.

Стучал поезд через пустыню из Самарканда на Красноводск, и был уже сентябрь 1943-го. Где-то гремела война, а рядовой Иван Набок смотрел из окна разболтанного вагона на безжизненные пески, безлюдные полустанки и тощих верблюдов, неизвестно чем кормящихся в этих местах. Он ехал домой на целых полгода, внешне выглядел неплохо, но радости не было.

С парохода в Баку он снова сел на поезд, приглянулся попутчице – молодой вдове ставропольчанке, и та стала его уговаривать провести отпуск у неё дома. «Я б, може, и согласывся – гарна була женщина, да куда мини: негожий...» Шесть лет Ивану после ранения не хотелось девчат, и аж в 1949-ом к нему вернётся мужская сила, и он сможет жениться. Но молодость пропадёт.

К моменту возвращения Ивана в Новодеревянковскую немца из станицы уже прогнали, налаживалась мирная жизнь, и в ней нашлось занятие фронтовику Набоку. Они с Ваней Бутом (тот остался с одним глазом) обучали военному делу допризывников 27-го года рождения.

Через полгода рядовой Набок прошёл медкомиссию, был признан с оговорками годным к военной службе, отправлен на переобучение, и служил потом до конца войны во втором эшелоне: охранял и чинил линии связи. Побывал со своим подразделением в Болгарии, Австрии, Сербии, Чехии, а закончил войну в Венгрии. Через два года после победы его демобилизовали в том же самом чине – рядовой. Особых наград за войну солдат не заслужил, но воевал честно, а что остался живой, но покалеченный, так и на том судьбе спасибо.

Дома Ваня Набок не стал пристраиваться к связи, а пошел учиться в станичную МТС на тракториста. Не очень ему желательно было идти на трактор – ранение дало рецидив, неприятную болезнь, с которой он вынужден воевать всю жизнь, но хотелось Ванюше быть трактористом. И он им стал. Мало того, он станет потом благодаря профессии известным и прославленным человеком.

А в 1949 году тракторист Ваня Набок завёл семью. Женился на станичной девушке Ксюше, с которой был знаком до войны. Ксюша тоже воевала в связи, была наблюдателем и оповещателем о налётах вражеских самолётов и дошла почти до Берлина. Демобилизовалась из Польши. Её подразделение было женским, и на память о войне комбат своим девчатам устроил маленькие подарки. Ксюше достались отрез на платье и набор симпатичных фужеров простого стекла. Из отреза она дома пошила платье и в нем вышла за Ваню Набока (дуже вин красыво танцював!). Фужеры тоже пригодились, и один остался «живым» до сего дня. Его мне показали. Действительно, симпатичный: на высокой ножке, с вишенками по бокам.

В 1950 году у Ивана Андреевича и Ксении Ивановны Набок родилась дочь Валя, и с её семьёй старики теперь живут. Больше детей у них не получилось. Но вместе они, два фронтовика – в этом году отметят 60-летие совместной жизни. И очень обижены старики, что не дали им обещанной президентом легковой машины. Тем более, что по медицинским показаниям она Ивану Андреевичу полагается. Другим, где в семье один ветеран, дали, а их двое – и обошли. Как же так?

Мы сидим с Иваном Андреевичем под его хатой на доске, покрытой старым половичком. Эту хату механизатор Набок построил в 70-х годах, когда получил большую по тем временам премию – три тысячи рублей, и купил на неё финский домик – комплект материалов для строительства. Премия ему выпала за наивысший урожай сахарной свёклы, которую вырастило звено, где он работал. Тогда же его наградили орденом «Трудовая слава». Я знаю, какой тогда был пропашной трактор, на котором работали свекловоды – «Т-38». На нём соблюдать прямолинейность было мукой. «Маркер пышэ, а рычагы дэржишь, аж плэчи вырыва», – говорит старый свекловод.

Но работу свою Иван Андреич любил. И бригаду первую колхоза «Дружба», где проработал до 67 лет, тоже любил. В последние годы перед перестройкой, уже будучи на пенсии, помогал в бригаде по хозяйству: то забор починит, то веников из орешины для тока наделает, то воду пололыщицам отвезёт. И его тоже любили за трудолюбие и доброту. А ещё за то, что никогда не унывал и умел радоваться жизни. Хотя с его здоровьем это было непросто.

Я всё-таки спрашиваю старого солдата про эту самую радость. Была ли она у него на войне? Дядя Ваня улыбается одними глазами и смотрит куда-то вдаль, будто перелистывает страницы своей жизненной книги, потом говорит:

– Яка може буть радость на войни, сынок? Може ото шо я в Венгрии научивсь на лисапети ездить... Венгры рызыну с колес позникалы, шоб мы не ездили, а мы биз рызыны по дороги стук-стук-стук. А воны бачуть и смиюця.

Потом он помолчал и добавил:

– А вообще там, дэ я був на войни, хороши булы люды, нэ обижалы нас, солдат. Оцэ, мабуть, главна радость.

– Хорошие люди, точно – радость,– соглашаюсь я и снова спрашиваю:

– А трактора Вам снятся, дядь Вань?

– Ой, сынок, снятся. У мэнэ ж тэпэр вмисто трактора в руках вылы та лопата, так я во сни сию и дуже пырыживаю, шоб ны наробыть огрихив. А як ты думаешь, сынок, колхоз нас погука в цём году на празник, на День Победы? Мы пырыживаем.

– Погука, дядь Вань. В «Дружбе» остался ваш председатель, Николай Иваныч Миренков, он фронтовиков помнит и позовёт.

– Иваныч – хороший чёловик. А шо будэ с колхозом, як ёго нэ станэ? – и старик в раздумье снова глядит вдаль. Туда, где за речкой Албаши зеленеют поля его родного хозяйства, в списках которого он останется навсегда, как Заслуженный колхозник.

Близится апрельский вечер. Мне пора. Прощаюсь с Ксенией Ивановной – она прилегла, а Иван Андреевич вызывается меня проводить.

– Забигай, сынок, може ще побачимся.

– Обязательно, дядь Вань. А Вы с пыриём бросайтэ воювать, вже ж важко.

– Ни, сынок, я ёго до Дня Победы изничтожу, як хвашиста!

И он машет мне левой рукой, опираясь правой на палку. Медали тихо позванивают.

Фото автора.
Станица Новодеревянковская.

Историко–
литературное
объединение
«Родник»

Владимир САЯПИН

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЧЕРЯ

Двадцать лет прошло с той тёплой, ранней осенней ночи начала 90-х – лихих, бесконвойных... Поры, когда одни, увлечённые романтикой и кажущейся свободой, бросились в возрождение казачества, другие набивали карманы шальными, дурными деньгами, сколачивая первый начальный капитал.

Меня же закружила романтика возрождения казачества. Всей своей истосковавшейся душой ринулся я в это движение, тогда ещё чистое, начатое людьми, далёкими от мыслей превратить и это святое дело в кормушку. Горячие головушки, буйные чубы – ехали казаки гибнуть за други своя, за христиан, в Приднестровье, Абхазию. Даже в Нагорном Карабахе и Югославии сражались ребята, считавшие своим долгом быть везде, где обижены единоверцы.

Даже не верится, как всё за 20 лет изменилось. Как всё сумели развалить не заинтересованные в возрождении России, выхолостить саму идею...

Стояла тёплая сентябрьская погода, похожая на добрую, ласковую куму-казачку лет 40 от роду, сумевшую сохранить красоту и молодость, но допустившую в свои огромные чёрные глаза первую печаль – грустинку по поводу грядущей зимы. Во главе делегации районного казачьего правления как районный атаман я выехал в одну из станиц на выборы станичного атамана и правления. Ехали на тачанке, запряжённой парой добрых коней, а шесть казаков в казачьей справе горячили своих жеребцов, вытанцовывая вокруг тачанки. Дорога была неблизкая, но эти 25 км проехали как-то незаметно, под добрые разговоры, песни под гармошку.

Надо сказать, что в те времена никто, как сейчас, не обзывал казаков ряженными. Машины с сигналами обгоняли нас, восторженно махали пассажиры, приветствуя важную делегацию.

Сход прошёл без неожиданностей, кандидатуру атамана казаки обсудили и одобрили давно, требовалось юридически всё провести и узаконить. Выбрали молодого внушительно-широкоплечего добродушного парня, спортсмена-борца, преданного до глубины души идее. Старейший из казаков по старинному обычаю трижды довольно неслабо приложился к оголённому торсу атамана ногайкой, – чтобы не зазнавался, не воровал и дорожил оказанной честью.

Основная масса казаков разошлась по домам. Мы быстро провели совместное заседание правлений. Смотрю, – казачки смущённо усмехаются и почёсывают в затылке. Всё ясно! Сегодня не только можно, но и нужно: не обмыть – по ветру пустить.

Стали обсуждать, где бы приютиться на ночлег, так как уже было часов 8 вечера. И тут Николай, так звали атамана, сказал мне: «Батько, я хочу, чтобы мы поехали до деда Нечипоренка. Это старый казак с Георгием, в тридцатых годах его со всей семьёй выслали в Сибирь, откуда он десять лет назад с бабушкой вернулся, сумел купить свою же хату, где после смерти жены живёт один. Григорьич (так звали старика) будет очень рад».

Как утверждал Николай, очень много он помог возрождающемуся казачьему движению рассказами, советами и консультациями. Любой рассказ его сводился в конце концов к воспоминаниям об атамане, уважение и почтение к которому старик не потерял с годами.

...Тихо позвякивала упряжь, постукивали копыта запряжённых и верховых лошадей. По берегу реки в темноте мы около получаса куда-то ехали. Выехали, наконец, на большую поляну – выпас с вербами по окраинам. У поляны приютилась хата с большим садом. Выплывшая на небо луна осветила тёмные окна. Я уже засомневался: верно ли мы поступаем, не давая отдыха старому человеку.

Симпатичный, похожий на лайку чёрно-белый пёс не лаял, а с интересом нас рассматривал, изумлённо склоняя то налево, то направо голову. Николай постучал в ставню хаты...

«Хто там?» – раздалось из глубины хаты, хорошо слышимое из-за открытого окна, затянутого от комаров марлей. «Казак Нэчипурэнко! – громко гаркнул Николай, – зустричай гостей, районного и станичного атаманив с горилкой и закуской!..»

Тишина в доме затянулась уже до нестерпимости. Мы в парадной форме стояли в лунном свете, как на сцене, ожидая реакции хозяина. Ждали чего угодно, но не этого. Медленно открылись двери хаты, и, на улицу вышел высокий, не по-стариковски стройный хозяин в полной казачьей справе; черкеске с кинжалом, сапогах и папахе. Зычным, срывающимся от волнения голосом, Григорьевич отрапортовал: «Господин атаман! Урядник Нечипорэнко...» И тут голос старика окончательно сорвался. Я подошёл и обнял его. Худенькие плечи вздрагивали в моих руках. Трудно было и мне сдержаться...

Стол под грушей был освещён лампочкой. У нас с собой всё было, но старик кате-

горически заявил, шо яешня з салом будэ, залез у скрыню и достал 3 бутылки ещё советской водки. Шустро, как юноша, бегал в дом – из дому и всё нёс что-то вкусное. Удивительно, он как будто ждал нас! На вопрос об этом он тихо ответил: «Ждал... шестьдесят лет».

Трудно описать чувство, с которым я воспринимал происходящее. Мы уютно сидели за столом, у лампочки кружились запоздалые мотыльки. Я понимал, что рядом со мной – уходящее ПРОШЛОЕ, и мне повезло хоть краешком, но коснуться его. Черкеска и кинжал на хозяине были ещё те, старинные. И лицо... Сейчас таких лиц нет. Спокойное, уверенное достоинство, уважение к присутствующим, но никоим образом не заигрывание. Чувствовалось, как глубоко это сидело в душе старика.

Мы буквально, наговориться не могли. Хмель не брал, песни, плавно переходя из одной в другую, плыли в ночной тишине, обволакивая всю округу щемящей грустью чего-то навсегда безвозвратно утерянного. «Гвоздём» вечера был танец Шамиля, исполненный Григорьевичем. Понимая, что танцует он его в жизни в последний раз, старик всю душу вложил в этот танец. Как он изгибался в талии!.. Как по-орлиному взлетали его руки в рукавах черкески!!!

«Сынок, ходим посыдим на лавочку», – позвал он меня. «Смалышь?» – спросил. «Нет», – ответил я. «Ну и гарно, а я цэ зилля нияк нэ брошу. Ну, в зэмлю нэ забэру», – замялся Григорьевич.

Мы полтора часа сидели с ним и негромко говорили. Что сказал мне этот великий человек, я открою, может, лишь сыну, да и то уходя. Эти слова прозвучали для меня как завещание их поколения – моему. Я услышал от него такое, что понял: восстановить казачество не удастся никогда – не дадут. Не для того было столько против него предпринято в 20-х годах и 1933... Он дал мне наказ, духовное завещание от всех тех, кто пережил историю послереволюционного казачества. И оно у меня лежит, как самое дорогое, на дне души моей и уйдёт со мной, если передать его будет некому.

Рассвет забрезжил над садом. Кони, проснувшись, стали позвякивать упряжью, переступая с ноги на ногу. Уже и «стременная» и «закурганная», и великое множество других чарок, названия которых Григорьевич знал чётко, было опрокинуто. Пора было прощаться. Почеломкавшись со всеми, Григорьевич подошёл ко мне, взял за плечи... Склонившись, его голова мелко подрагивала: «Сынок, прыидь ховать мэнэ, щоб усэ було, як трэба, и кинь, и бурка». Я не стал говорить неискренние слова: мы, мол, с тобой ещё... Я молча кивнул.

Крепко обнявшись, мы со старым казаком похлопали друг друга по спине. Черкеска у него пахла хорошим старым табаком (от моли) и чем-то ещё сладко-тревожным, как сон о безвозвратно ушедшем, но очень дорогом. Старик отдал нам честь, чётко повернулся и ушёл во двор; вошёл в дом, так и не оглянувшись...

Умер Григорьевич на Пасху, весной. Так, наверно, и должны умирать подобные люди, святые и в святой день. Всё, о чём он просил нас, мы с казаками «справили». За гробом, который несли на руках молодые казаки, шёл покрытый буркой конь. Старый казак лежал в гробу с умиротворённым выражением лица, какое бывает у людей, победивших нестерпимую боль или отдавших долг, давно тяготивший душу. Лёгкий ветерок срывал с веток вишнёвый и черешневый цвет, укутавший его родную станицу, и щедро, как последнее «Прости, браток!», бросал ему на черкеску.

Уходила безвозвратно ИСТОРИЯ: последнее, что осталось от былой гордости, достоинства и великого благородства, выращенного годами, поколениями старых казачьих родов. Все, кто шёл за гробом, в разной степени понимали это.

Вот и добавилась на станичном кладбище могила с последним казаком... Я долго сидел на лавочке возле свеженасыпанного холма и вспоминал его слова, сказанные мне в завещанье. С тех пор и живу я так, чтобы мне не было стыдно перед глядящими на меня с небес отцом и Григорьевичем.

Чтобы не было стыдно...

Художник Андрей Лях.

Владимир САЯПИН

* * *

Паутина летит, словно первая проседь,
Помертвела вода, холодны вечера.
На пороге – октябрь, и в душе моей – осень,
Нет, не осень души, просто осень-пора.

Осень мне так близка, словно детства подруга.
Терпкий воздух прошила хрустальная грусть,
И вонзаются ввысь журавли друг за другом,
Отходную по лету прочтя наизусть.

Грустный калейдоскоп красок, запахов, света,
Первый иней с утра на седой лебеде...
Поминальный псалом отошедшему лету
Вербы космами пишут по стылой воде.

Я люблю в это время бродить в старом парке,
Обрывая с деревьев багряную медь,
На песке, онемевшем под солнцем не жарким,
В полинявшем шезлонге на пляже сидеть.

Я могу в это время молчать по неделям,
Девальвируя слово как жёлтый металл;
Заплутавший мотив душу надвое делит –
Тот, что на танцплощадке всё лето звучал.

Здесь фонтан был живым лишь вчера ещё, вроде бы,
А сейчас мелкий дождь непрестанно идёт,
На скамейке, свернувшись клубком, спит породистый
Серый, с голубизной, черепаховый кот.

Онемел старый парк, словно резко состарясь,
И сюжет, к сожаленью, предельно не нов.
Но остывший гранит на прибрежном бульваре
Помнит стук торопливый твоих каблучков.

И полночный вокзал, и прощальное слово,
И роскошный букет из последних цветов...
Буду ждать я наивно письма из былого, –
Мне давно из былого не пишет никто.

Скоро будет зима, снег укроет тревоги,
А в душе, как рефреном: «И это пройдёт».
Кот, негромко урча, трётся мордой о ноги,
Кем-то брошенный тоже… Сиреневый кот.

* * *

Солнце подарит озёрам последнюю ласку.
Ели, как свечи, затеплит, чему-то молясь.
Осень про осень нашепчет мне грустную сказку.
И, остывая, вздохнёт еле слышно земля.

Воздух прозрачен, как будто душа покаянная,
И полыхает рябины костёр на ветру...
Сколько уж осеней прожито, но постоянно
Верится осенью мне в то, что я не умру.

Что георгины, рубиново-ало раскинувшись,
Будут и впредь для меня, как сейчас, пламенеть.
И паутина, звеня на ветру, будет славить жизнь,
И будут птицы вот так же за солнцем лететь.

С думами об увяданье смириться не просто так:
Осень с печалью своей так чиста и светла,
Кажется мне она кризисом среднего возраста –
Ах, как тепла она в этом году, как тепла!

Скоро засветит неярко остывшее солнце,
Иней на жухлой траве поутру прорастёт,
И перестанут берёзы швыряться червонцами –
Осень сметёт их в последний прощальный костёр.

Сбудется всё, как худое и злое пророчество:
Дым поплывёт над водой, вновь придут холода...
Как же не хочется осени поздней, не хочется!
Было и есть так, и будет всегда.

Чувствуешь осенью остро, что жизнь быстротечна;
Время течёт, как в задумчивой речке вода.
Нет ничего на Земле этой ласковой вечного,
Есть только небо, есть солнце и осень – всегда.

Скоро зима, до неё уже самая малость,
Зябко по листьям бродить, не покрыв головы.
Благословенна и свята седая усталость
Битой дождём и оплаканной ветром листвы.

Ольга СЕРГАНЬ

* * *

Переписать бы заново любовь...
Давно тетрадка начата – нет места.
Вот на полях, в виньетке золотой,
Подросток-девочка, вот девочка-невеста.

Переписать бы заново любовь,
Да всё заполнено. Спешу писать меж строчек.
Алло, откликнись! Назови пароль
И адреса своих возможных «точек».

Переписать бы заново мотив,
Да зачеркнуть оценки все и баллы…
Не отпустить звезду, что ты дарил
На ранней зорьке выпускного бала.

Переписать бы всё, да не могу:
Чернила кончились, теперь пишу я тушью…
На чистовик сама свою судьбу,
А звездочка твоя мне греет душу.

Нарисовать бы снова, всё подряд:
В ладонях – солнышко. В ромашковой короне
Русоволосый мальчик – синий взгляд…
А, я – принцесса, на волшебном троне…

* * *

Листали сентябрьские ветры полотна небес.
Качала волна заскучавшую лодку без вёсел,
Где твой силуэт за излучиной речки исчез,
Оставив следы и окурки на высохшем плёсе.

Оставив тепло и малиновый запах волос,
Оставив улыбку и голос, и строки пророка…
И этот заброшенный, нами потерянный плёс,
И желтый камыш над водой, где звенела протока.

Пусть летние грозы с захлёбом прорвут небеса,
А утром под дождик пусть сладко и радостно спится.
Я больше не плачу – последняя пала слеза,
И влагой наполнились высохших плёсов глазницы.

30 марта 2014 г.

* * *

Я к Тебе – по тяжёлым февральским снегам,
Я к Тебе – по октябрьскому тонкому льду,
Я Тебя никогда, никому не отдам.
Я к Тебе добегу, долечу, доплыву!

Я к Тебе – по нетронутым следом снегам,
По глубокой и тёмной студёной воде.
Я к Тебе – по безумно крутым берегам
Добегу, долечу, к одному лишь Тебе!

Я к Тебе – можжевеловым запахом в дом,
Переспевшим брусничником с сопок сорвусь.
Из черёмухи мною завитым венком
Ранним утром, на зорьке, с тобой обручусь!

Я к тебе – фиолетовой тропкой во снах,
Обережной молитвою в трав забытьё…
А в Твоих бирюзово-зелёных глазах
Помню тысячи «ДА!»... И дыханье Своё…

Я по палу к Тебе, по горящей стерне,
По безлюдным пустыням, смертельным ветрам.
Я на палубу въеду на белом коне
И Тебя ни за что, никому не отдам.

Я к Тебе по цветным покрывалам небес,
От лампады, затепленной в спальне свечой,
Я к Тебе – всем несчастиям наперерез –
Добегу, доплыву и подставлю плечо!

19 сентября 2013 год.

* * *

Остались недописанными
лучшие стихи.
Прижились не опознанные
ломаные чувства…
И смолкли не услышанные
робкие шаги,
Стихая ночью позднею
растеряно и грустно.

Оставил розы смятые,
в букете, под окном.
Погасла ночка тёмная
жалейкою охрипшей.
Как в праздник, хмелем с мятою
я выстелила дом,
Невестою не сватанной
в цвету молчала вишня.

На дно сердечка спрятано:
мне жаль его терять…
Колечек, не подаренных
не занятое место.
Букет шалфея с мятою
хочу тебе отдать
И платье не сосватанной,
не венчанной невесты.

6 апреля 2014 г.

Татьяна КУН

СЧАСТЬЕ

Солнце выкатилось шаром
Из-за синих-синих гор;
Полыхнув весёлым жаром,
Разбудило сонный бор.

Пусть скорей лучистым счастьем
Наполняет каждый дом,
Пусть рассеется ненастье
С первым солнечным лучом !

И тогда весь мир предстанет
В красках нежных, золотых,
И тогда светлее станет
От любви и чувств святых!

4.08.1971г.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ

Как сохранить любви пространство –
Всепобеждающей любви,
Где, изумляя постоянством,
Струится нежность, лишь зови?

Где мир без зависти и лести,
Без злобы и без суеты,
И тем прекрасней и чудесней,
Что в нём живем и я, и ты!

Где образ мыслей составляет
Основу жизни из основ.
Всевышний нас благословляет
На радость, счастье и любовь!

10.02.2004 г.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Вот снова стою у окна в тишине.
Сверчки напевают чуть слышно во тьме.

И где-то лягушки зазывно поют.
Спокойно сегодня мне спать не дают.

И где-то далёко, чуть слышно в ночи
Знакомого танго мотивчик звучит.

И тихо берёзка ветвями шумит,
Как будто со мною она говорит.

Притихла станица и спит в тишине,
И звёзды сияют опять в вышине;

Уставши от знойных полётов и грёз
Мне ветер ночную прохладу принёс.

Вдыхаю прохладу я вновь, не спеша.
Ах, летняя ночь, как же ты хороша!

23-25.08.1996 г.

БЕРЁЗКА

Берёзка золотая, о чём мечтаешь ты?
Скажи, о чём тоскуешь, что видишь с высоты?

Скажи, о чём ты плачешь, вниз ветки наклоня,
Иль твой наряд прощальный растрогал так меня?

Скажи мне всё, доверься – печаль твоя пройдёт,
И скоро лист последний на землю упадёт.

И снова ждать ты будешь весенний тёплый день,
Серёжки чтоб развесить и подарить нам тень.

Зелёные листочки зашепчут тихо вновь:
«Пусть миром правят Вера, Надежда и Любовь!»

28.10.1995 г.

ЛЮБОВЬ

Звенящая, чистая, нежная
Любовь бесконечно безбрежная

Приходит, как будто нечаянно,
То робко, то дерзко отчаянно.

Изменчивая, многоликая,
Возвышенная и великая,

Прекрасная и беспечная,
Чарующе долговечная,

Томима неясной надеждою,
Звенящая, чистая, нежная…

СОН

Как всё чарующе и странно –
Мне снятся удивительные сны:
Лечу средь облаков туманных
В таинственном сиянии луны.

Потоки звёзд меня встречают;
Смотрю на них, дыханье затая,
Но с удивленьем замечаю,
Что звёзды дивные не знаю я.

Лечу, как птица на просторе,
И в сказочно чудесной вышине
Купаюсь в ярком звёздном море
И наслаждаюсь в этой тишине.

Необозримо! Феерично!
Таинства полный звёздный океан...
И чрезвычайно фантастично! –
Неужто это зрительный обман ?

Простор галактик бесконечный
Несёт созвездий яркий звездопад,
Рассыпал звёзды в Путь там Млечный
Уж сотни тысяч лет тому назад.

Кружатся в танце звёзд потоки
И гимн любви поют – вновь торжество;
Несут космические токи
Невиданного счастья волшебство!

Приходит утро, как ни странно,
Уносит сладкий сон чудесный в ночь,
А для меня он был желанным,
И я не в силах это превозмочь!

1999 г.

ВДОХНОВЕНИЕ

Люблю побыть в уединенье,
Когда хочу побыть в тиши –
Тогда приходит вдохновенье,
И строчки вновь идут в стихи.

И этот дар я принимаю,
И миг волшебный я ловлю,
Одновременно понимаю,
Что на Земле я всё люблю !

И это небо надо мною,
И эти звёзды в вышине,
И это море с сединою,
Что катит волны в тишине!

А звёзды окунулись в море,
Мерцают в водной глубине,
И лунная дорожка вскоре
Бежит по глади, по волне.

Солёный запах мне приносит
Шуршащий ласковый прибой,
И мысли вдаль мои уносит,
Куда-то манит за собой…

Вновь метеор с небес скатился,
Печально вспыхнул и погас,
Как будто с нами он простился,
Предчувствуя последний час…

Как жаль, – опять своё желанье
Я не успела загадать.
Но может мир моих мечтаний
Сумеет всё же явью стать?

Таинственное звёзд мерцанье
Меня так манит и зовёт,
И дарит радость созерцанья,
Пьянит, как сказочный полёт.

И так прекрасен этот миг,
Что мне приносит вдохновенье...
Продлись, прошу ещё на миг,
Не улетай, как сновиденье !

ЦВЕТ ОСЕНИ

Постою у берёзки – просто так помолчу,
Просто так помечтаю, просто так погрущу…

Постою, полюбуюсь жёлтых листьев красой.
С ними я попрощаюсь вновь до встречи весной.

Ствол шершавый поглажу и, к тебе прислонясь,
В чувствах нежных признаюсь, никого не стыдясь.

Как стройна и прекрасна ты в убранстве таком:
Год прошел не напрасно – снова вся в золотом !

Вновь волшебница осень, щедро краски даря,
Нарядила в чудесный жёлтый цвет янтаря!

20.10.1996 г.

Ольга ЗОРИНА

МЯТЕЖНЫЙ МАЙ

С утра шёл дождь.
Всё небо было хмуро –
В нём тучи шли, одна другой черней;
И ветру бульденеж кивал понуро
Кипенным пенным бременем ветвей.

К обеду что ж? –
Развеялись невзгоды,
И солнце заплескалось в синеве;
Искристые осколки непогоды
Рассыпались в нетронутой траве.

Но острый нож
Листву пронзает – ветер
Никак не усмирит холодный гнев.
И шепчет ландыш: «То-то будет вечер...»,
И скрылись птицы, разом онемев.

Кровавой брошью
Первого пиона
Мятежный май украсил грудь земли,
И на ореховый маяк зелёный
Слетелись снова тучи-корабли.

ИЮНЬ

Снова спелою пшеницей
Тлеют ржавые поля,
Недоспавшею зарницей
Будит лето тополя.
Снова речка на закате
Растворилась в молоке,
И в туманной стекловате
Бродит месяц налегке.

Разноцветным ароматом
Воздух ноздри бередит,
Плещет полчищем крылатым,
И щебечет, и жужжит.
Запятнали нос веснушки,
Руки вычернил загар;
Нудно реет над макушкой
Истощившийся комар.

В полдень только кошка греет
Солнцепёком рыжий бок:
Беспощадно небо рдеет –
День неистов, день жесток.
Ночь прохладой выметает
Пересохший зной полей;
Ветер звёздами играет
В пирамидах тополей.

ЖУТКО РОМАНТИЧЕСКИЙ РАССВЕТ

Она писала дивные стихи...
Он обошёлся качественной прозой,
И таяла игривая мимоза
На дне окна. Лишь запахи реки
Тревожили растаявшее сердце,
Напоминая глубину тоски.
Но души вдруг осмелились раздеться...
Пока звучали души в унисон,
Дуэт их был воистину прекрасен.
Но вдруг ему приснился страшный сон,
Что их альянс отнюдь не безопасен,
А ей нежданная явилась мысль,
Что смысл отношений ей не ясен.
На этом их мотивы разошлись...

Мимоза в какофонии такой
Вовсю марала жёлтым подоконник.
Под утро псы завыли за рекой,
И стало ясно: их роман – покойник.
...Прошло с тех пор уже немало лет,
Но в памяти злопамятной не тонет
Тот жутко романтический рассвет...

ТЕАТР

Жмёт фрак, жмёт лиф, и резво рампа скачет.
Жмёт роль. И горько героиня плачет,
Герой-любовник вислый ус жуёт.
Вот так театр и дышит, и живёт.

Так в нём живём и мы – все лишь актёры,
Все учим роль, усердно точим шпоры
И завиваем парики,

А в зал шагнуть со сцены нету мочи:
Роль жмёт, но страх сердца теснит и точит.
На сцене – пленники тоски.

Ах, если б занавес упал однажды,
И режиссёр сказал бы мне: «Изволь,
Свободна – выбирай любую роль»,
Как в мир шагнула б я легко, отважно.

Но мрачен режиссёр, всё пишет, пишет...
На нас ворчит, гримёра гонит вон.
Оркестр гремит: всё шум, всё звон... И стон
Души моей никто здесь не услышит.

ЛЕТНИЙ БАЛ

Пью чай с дождём, и радостно мне это.
Усталость сбросив жаркой суеты, –
За каплей капля... – отмывает лето
Несбывшиеся душные мечты.

Весь мир отмыт. Он светел, чист и звонок,
Он пьёт из щедрой тучи грозовой.
И я внимаю каплям, как ребёнок, –
Открывшись миру сердцем и душой.

Под музыку дождя в молчанье птиц
Мне слышится прелюдия рассвета.
По лужам шлёпая, танцует лето
В софитах мокрых просветлённых лиц.

И занавес листвы ещё не пал –
Он свеж и зелен, влагой отягчённый.
Шумит дождём беспечный летний бал,
В сухую осень кануть обречённый.

* * *

С рожденья мой сжимался мир:
Вот папа с мамой стали ниже,
Вот небо стало как-то ближе...
Морщинки, седина и жир...

И вдруг – полжизни позади!
А дни короче и короче,
И силы тают ближе к ночи.
Ещё полжизни – впереди?..

Стремительно сжимает мир
Меня в безжалостной ладошке,
Мои детишки – уж не крошки...
Вот тема, тёртая до дыр!

Доколе нам достойно ныть
О том, что катимся к закату?
Вздохнём последний раз когда-то,
До той поры – достойно жить!

ЗАПЛУТАЛА ВЕСНА

...Заплутала весна, припозднилась:
Только в мае проклюнулось солнце,
Затяжными дождями умылось.
Дни накручены на веретёнце

В хрупких пальцах судьбы; в них надежда
Тонкой нитью искусно плетётся.
Всё иначе, и всё же, – как прежде:
Шаг неловкий – и нить оборвётся...

...Дети плещутся в солнечных лужах,
Стариков полдень греет и нежит,
А хозяйки готовят на ужин
Огородов проросшую свежесть.

И всё раньше колотит в оконце
Жизнь назойливо ярким рассветом.
Вдох неловкий – и сон оборвётся,
И взорвётся неистово лето.

Зоя СИЗОВА

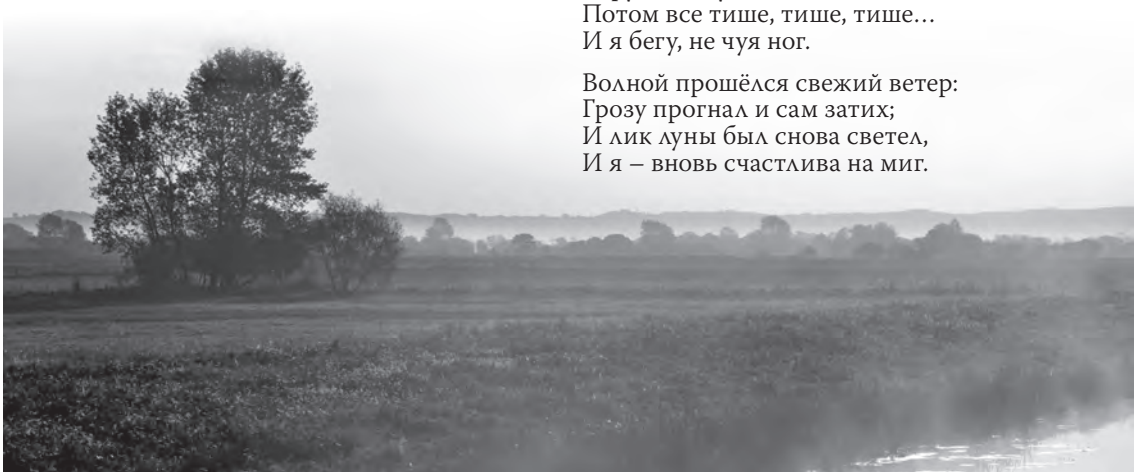
ПРЕДРАССВЕТНАЯ ПОРА

Резедой пахнуло, мятой
Из соседнего двора;
Небо стало розоватым –
Предрассветная пора…

Над землёй – тумана дымка,
В небе – месяц молодой.
Утро бисером тропинку
Разукрасило – росой.

Лёгкой дымкою тумана
Занавесилась река,
А по небу-океану
Проплывают облака.

Песню вывела зарянка,
Зачирикал воробей,
В небо взмыла спозаранку
Стая сизых голубей…



ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ

Июльский день был знойно сладок;
Утихла ночь, глаза смежив.
Царит в саду духмяный запах
От груш и яблок, спелых слив.

Луна купается в заливе,
Смущённо прячась в камышах,
А их метёлки, словно гривы,
Качает ветер на волнах.

Цикады звон и терпкий запах
Вьюнка разносятся в ночи;
К луне подкралась туча лапой,
Гроза за речкою урчит.

Блистают молнии стожаром,
И в васильковой вышине
Клубится пар молочным шаром,
Забыв о прежней тишине.

Раздался дробный стук по крыше,
Вдруг хлынул бешеный поток,
Потом все тише, тише, тише…
И я бегу, не чуя ног.

Волной прошёлся свежий ветер:
Грозу прогнал и сам затих;
И лик луны был снова светел,
И я – вновь счастлива на миг.

Василий МАКУХИН

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Продолжение.
Начало в предыдущем номере.

В крепости

Пётр и Терентий с небольшой партией казаков направлялись на Суворовский кордон, на Тамань. Шли почти по неезженым дорогам. Сквозь высокие травы смутно проступали следы просёлка. Переправились через Кубань и далее продвигались с осторожностью – в любую минуту можно было нарваться на отряд черкесов. Здесь проживали, в основном, миролюбивые племена, но иногда получались стычки, и стремительные черкесы на своих конях, налетев, выхватив из обоза что поценнее, тут же скрывались в многочисленных лесах и зарослях камыша вдоль протоков Кубани. Бог миловал, и отряд добрался до кордона благополучно. Дважды по дороге маячили вдали конники в бурках, но близко старались не подъезжать.

В крепости отряд встретили с радостью. Пришла замена многим казакам: они отслужили свой срок и теперь нетерпеливо ждали команды уехать домой.

Пётр с любопытством осматривал новое место.

Вновь прибывших построили на плацу, и комендант Каламара рассказал историю этой крепости.

...Указом Императрицы Екатерины II в 1792 году был назначен командующим войсками в Екатеринославской и Таврической области Александр Васильевич Суворов. Ему было поручено создать сеть инженерных сооружений для обороны Кубани, строительство которых началось ещё в 1777 году.

Для обороны правого фланга Черноморской кордонной Линии в 1793 году в двух верстах от станицы Тамани, куда в 1792 году переселились запорожские казаки, была заложена Фанагорийская Таманская крепость. В 1795 году в крепости обосновался первый гарнизон из двух батальонов Таврического егерского корпуса, а крепость стала называться Таманской крепостью. Некоторые по старинке звали её Суворовской.

Ещё к марту 1778 года по реке Кубани построили несколько укреплений, впоследствии образовавших Черноморскую кордонную Линию. Она прошла от Кизляра до Тамани, составив оборонительную Линию южных рубежей России от Каспийского до Чёрного моря. Эта пограничная Линия была в начале XIX века разделена на левый фланг, центр, правый фланг и Черноморскую кордонную Линию.

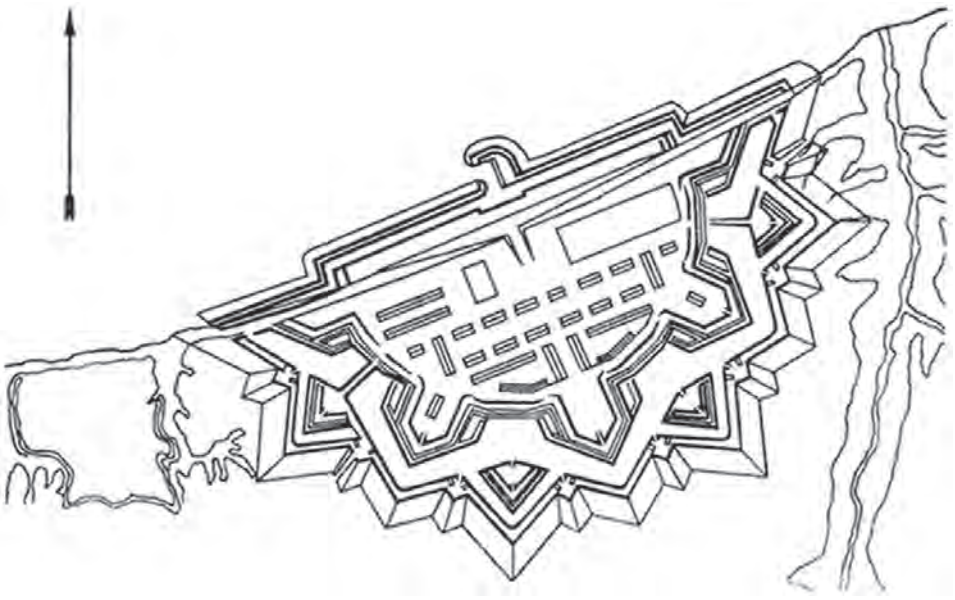
Фанагорийская, или Таманская крепость представляла собой систему фортификационных сооружений, называемых «бастионной системой укреплений». Бастион – пятиугольный выступ перед оборонительным валом, позволяющий вести огонь по противнику, наступавшему на валы (куртины) крепости. В проекции крепость имела коронообразную форму и отдалённо напоминала Петропавловскую крепость в Санкт-Петербурге. Фанагорийская Таманская крепость обращена была хордой к обрыву Таманского залива.

Протяжённость вала со стороны суши составляла 1200 метров, а вдоль моря – 680 метров. Три бастиона – Петра, Павла и Владимира – прикрывали крепость по суше, а бастионы Бориса и Глеба – со стороны моря. Артиллерийские батареи крепости состояли из 90 орудий.

В центре крепости находился плац, вокруг которого располагались казармы и дома офицеров, а также цейхгаузы – склады военного имущества, оружия и вооружения. У бастиона Павла находился дом коменданта крепости, в котором останавливался великий поэт Александр Сергеевич Пушкин в 1820 году, по приезду в Тамань во время поездки с Кавказа в Крым.

В период существования Таманской крепости все приезжающие «по казённой надобности» лица обязаны были непременно заехать в это укрепление, дабы получить отметку у коменданта.

...После построения Пётр и Терентий обменялись мнением, что стоит гордиться оказанной честью служить в таком месте. Вечером деревянковских казаков поселили в большую казарму, по соседству с Каневским куренём. Терентий и Пётр зашли проведать соседей и ужаснулись: в большом помещении находи-



Таманская крепость.

лось много больных казаков – вместе со здоровыми. Говорят, что комендант уже распорядился перевести всех раненых в гошпиталь в саму Тамань. В Деревянковском курене было гораздо меньше казаков, все были здоровы и готовы к службе.

В тот же вечер один из старожилов рассказал молодым о Пушкине, которого днём упоминал комендант. Наизусть прочитал несколько сказок, якобы сочинённых Пушкиным. Пётр подивился красоте слагаемых слов. Казалось, воочию видел остров Буян и царя Гвидона, который расспрашивал купцов о невиданных странах и чудесах. Старый казак сказал, что у коменданта есть книга Пушкина, и он иногда даёт унтер-офицеру при складе читать сказки вслух казакам – в память о великом поэте, побывавшем в крепости.

Самому Петру всё здесь казалось сказочным, всё поражало новизной. Через день молодых казаков распределили по командам, и каждый уже знал, чем будет заниматься. Первую половину дня работали на укреплении крепости. Разбирали старые развалины ханского дворца, что остался от старых времён. Иногда попадались красивые тёсаные камни с какими-то надписями; их по распоряжению урядника сносили в северную часть крепости и складывали в кучу. Говорили, что ещё в доисторические времена здесь жили древние греки, и называлось это место Тмутараканью.

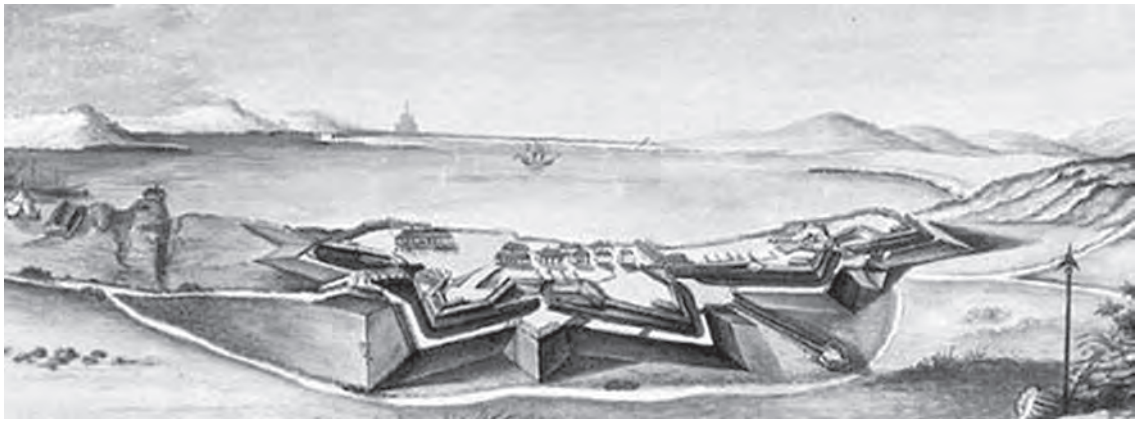
Тяжёлая работа с утра была не в диковинку. Силой и Пётр, и Терентий были наделены немалой, дома приходилось выполнять работы и потяжелее.

После обеда шли строевые занятия и приёмы рукопашного боя. Казаков-пластунов учили устраивать засады и маскироваться в разных местностях. Петру нравились такие занятия, они совсем не были похожи на то, что рассказывал ему отец о запорожских временах.

Пётр был очень любознательным и от природы способным. Прошло немного времени, и он стал учиться грамоте у соседа, старого деревянковского казака Ивана Кузуба, умеющего слагать буквы и считать. Вспомнились те науки, что получил ещё в детстве на Украине от дьяка. На какое-то время даже мало вспоминал о доме, о любимой Арине и маленьком сыне. Служба так захватила его, что Пётр только вечером перед сном молился и в молитвах поминал родных.

Через месяц из деревянковских казаков выбрали дюжину самых способных к службе и отправили в разъезд вдоль берега к другому редуту, к Сенной. Там служили, в основном, каневские казаки; и там располагался почтовый пункт. Старшие казаки надоумили Петра, что из Сенной можно послать весточку домой. Старый Иван Кузуб подсказал, как отправить письмо к родным в Деревянковский курень – а в курене уж поп или дьяк прочтут его родным.

Несколько дней провели пластуны в засадах и переходах к Сенной. Шли вдоль берега моря, под обрывами, часто уходили в камыши и по звериным тропам делали засады. Однажды, уже к ночи, вышли к татарским юртам. Татары из непонятной орды были осёдлыми и растили просо. К появлению казачьего отря-



Таманская крепость (старинный рисунок).

да отнеслись спокойно и на ломаном русском языке объяснили, что ни турок, ни черкесов давно здесь не было. Только одинокие охотники иногда приходили пополнить запасы проса, в обмен предлагая дичь, в основном, дроф и гусей. Охотники представлялись казаками-некрасовцами; жили они вдоль берега в небольших поселениях. Пришли некрасовцы когда-то в эти места с Дона, где участвовали в бунте против помещиков. Русские войска подавили восстание, часть казаков казнили, а часть ушли на турецкую территорию. После окончания русско-турецкой войны территория отошла во владения России, но некрасовцы остались; жили сдержано, зла не чинили, и их не трогали.

Поход к Сенной прошел успешно, все казаки были здоровы и мечтали быстрее вернуться в крепость. Пётр заметил, что крепость он воспринимает как свой дом, в котором надёжно и спокойно, вовремя накормят, и распорядок дня удобный. А в походе нужно быть всё время начеку, двигаться осторожно, с опаской.

В Сенной пробыли недолго, отдохнули пару дней, взяли припасы для ружей, сухарей да вяленого мяса и отправились назад.

По дороге наступила плохая погода, задули сырые, холодные ветры. Хотелось одного – спрятаться в укрытие от дождя пополам с крупой. Шли, торопились, почти не остерегаясь, и чуть не поплатились за это. Недалеко от крепости на маленький отряд напали конные ногаи и с улюлюканьем и криками пытались взять в плен казаков. Обучение не прошло без толку – казаки быстро залегли за камни и по команде выстрелами отогнали абреков. Ранило только двоих казаков и то легко, без повреждения костей. Из ногайцев были ранены четверо, и двоих особо лихих застрелили. Наступала ночь, и под покровом сумерек ногаи вытащили из зоны обстрела своих раненых и убитых.

Всю ночь казаки просидели настороже. Утром осмотрелись. Никого не было поблизости, и казаки быстро добрались до крепости. Раненых отправили в лазарет, остальные пошли в курень – отсыпаться. На следующий день был объявлен отдых. Ремонтировали порванную одежду, приводили в порядок снаряжение.

На хуторе

Прошло три месяца, как ушёл на службу Пётр, а Арине казалось, что прошла целая вечность. Каждый вечер перед сном она молилась Николаю Чудотворцу о здоровье и благополучии мужа. Управляясь по хозяйству, ухаживая за маленьким Якимом, Арина всё время думала о Петре. Все разговоры её сводились к тому, что вот, Петро сказал бы так, Петро сделал бы следующее. Степан и Олеся тоже тосковали по сыну, но иногда посмеивались над Ариной, как вся она заполонилась мыслями о муже. Наталка, в свою очередь, тоже молилась и за брата, и за любимого.

Дела в хозяйстве шли ладно. Работы было много, но предусмотрительность и трудолюбие Степана и Петра значительно облегчали подготовку к зиме. С верховьев балки постоянно дули ветры. Степан дополнительно подсыпал земли к стене хаты, что обращена была к началу балки. Да сверху дёрном обложил, чтобы зимой ветра студёные не остужали хату. На доливку, глиняный пол, постоянно стелили кошмы и шкуры убитых зверей. Зима не пугала хуторян. Запасы продуктов и дров были значительными, всего должно было хватить до весны.

Зима уже стояла на пороге. Частые дожди добавили воды в ручье, что тёк по дну балки. Чтобы не скользить по дорожке за водой, Степан из деревянных плах сделал ступени до самого ручья. Кроме этого, Степан сделал для скота длинный сарай, который также, как и хату, укрыл камышом; камышовыми матами утеплил стены сарая.

Изредка, по воскресеньям, всей семьёй ездили к родителям Терентия. Старики – Никита и Ефросинья Галка – радовались сватам. Долго беседовали о жизни, вспоминали Украину родную, радовались, что удачно устроились на новом месте. Женщины после чая, вспоминая Петра и Терентия, утирали невольные слёзы. Но такие праздники выпадали редко, всё время приходилось возиться по хозяйству, да и мало ли дел на хуторе у хорошего хозяина…

Однажды заглянул проезжавший мимо сосед Нечипоренко. Он был в Деревянковке и у писаря получил для передачи Обломиям письмо от Петра. Читать в семье никто не мог, и сосед попробовал сам прочесть письмо, благо написано оно было разборчиво. Пётр писал, что жив, здоров, службой доволен. Друг его Терентий находится с ним в одной команде, тоже передаёт пожелания и приветы всем, особо Наталке. Служат они в крепости, учатся воевать с неприятелем, но пока в больших сражениях не приходилось участвовать, поскольку крепость находится на расстоянии от враждебных племён.

Сначала Арина, а потом и Наталка просили Нечипоренко снова и снова читать письмо, пока не заучили его наизусть. По такому случаю Степан велел Олесе налить всем настойки из тёрна и сам с удовольствием пригубил штоф.

Нечипоренко жил своим хутором чуть дальше к северо-западу от Обломиевой балки, недалеко от Сладкого лимана. Степан стал расспрашивать соседа о погоде: будет ли много снега зимой, морозно ли, или наоборот, слякотно зимовать…

Нечипоренко с подробностями рассказал, что земли здесь богатые (да и сами Обломии уже это поняли по хорошему урожаю с малого участка пашни), зимы снежные, с ветрами и вьюгами. Зимой надо остерегаться волков, что сбегаются со всей степи ближе к жилью, и стеречь скотину, чтобы волки не загрызли. Весна приходит рано, и хлеба можно сеять чуть ли не в начале мая. Советовал вдоль обрыва посадить побольше конопли, которая хороша для изготовления налыгачей и канатов и пользуется спросом на базаре у заготовщиков пеньки.

Нечипоренко поселился в этих местах ещё лет семь назад и хорошо знал условия проживания в данной местности. У него было крепкое хозяйство: около трёх десятков лошадей, с десяток коров, четыре тягловых быка и отара овец. Возле лимана у него был хутор, где трудились наёмные сезонные работники. Перед холодами основную часть работников Нечипоренко увольнял, оставляя семью из троих крестьян, которые смотрели за скотом и прибирались в хате. Сам Нечипоренко с семьёй на зиму перебирался в Деревянковское поселение, в большую хату из трёх комнат.

Именно проверить хозяйство и перевезти часть урожая в станицу он и ехал в этот раз на хутор. По пути зашёл в канцелярию, и ему передали письмо для Обломиев. Так и возник повод познакомиться с соседями.

Хорошо посидели за настойкой, и Степан предложил Нечипоренку заночевать – не ехать же в потёмках через балки. До полуночи сидели у стола, говорили о разных новостях, делились планами на будущее.

Степан пожаловался, что мало у них скота, хотелось бы приобрести немного овец для развода. Нечипоренко подумал; размякнув душой, предложил пяток овец из своей отары – завтра можно будет перегнать их в новый сарай к Обломиям. По цене недолго торговались, остались довольны обе стороны.

Так как Нечипоренко учён был грамоте, решили написать ответ Петру в Тамань. Подробно описали все новости, даже то, что у нового соседа приобрели в завод овец. Наталка потом негромко нашептала отдельное письмо для Терентия.

Наутро Нечипоренко и Степан уехали на хутор выбирать овец. Часть денег Степан выплатил сразу, а часть по договору отдаст по весне, когда приедет со службы Пётр.

Несколько дней Обломии радостно обсуждали новости, письмо от Петра пересказывали по несколько раз наизусть, радовались, что прибавили хозяйство удачно, купив четырёх овечек и барана.

Прошло более полугода, как поселились Обломии в балке. Хата внутри уже была уютной и тёплой; каждый день пахло в ней свежим хлебом, пышками, сытостью. В коридорчике Степан занимался выделкой шкур, и потому стоял здесь кислый запах овчины. В первой комнате, в красном углу, напротив двери, висели иконы, украшенные расшитыми рушниками. Перед иконами всё время тускло горела лампадка синего стекла. Под иконами, возле окошка, располагался стол из дубовых досок. Во второй комнате было прохладнее, вдоль стены стояла кровать, рядом – два сундука, укреплённые железными полосками (в сундуках хранили одежду и ценные вещи). Под сволоками висели пучки лекарственных трав. В маленькой спаленке стояли кровать и ещё один сундук; в ней жили Пётр и Арина с Якимом. Вместо дверей между комнатами висели цветные занавеси.

Через несколько дней закружило, зашвыряло мелким снегом. Сразу вся степь покрылась белым покрывалом. Степан радовался, что запасли много сена на зиму, и не надо выгонять скот в степь – добывать под снегом корм. Несколько дней мело, пуржило. Потом как-то сразу метель закончилась, ударили морозы. Неузнаваемо изменилась балка, в которой стоял хутор Обломиев, и вся степь стала как будто чужой. По ночам совсем недалеко от хутора стали появляться волки. Тревожилась в сарае скотина, приходилось Степану несколько раз за ночь выходить на мороз, смотреть всё ли в порядке в хозяйстве

По свежему снегу несколько раз Степан выходил к небольшому лесочку в конце балки, пытался охотиться; всего-то добычи было – несколько зайцев да рыжая плутовка. Степан

умел выделывать пушнину, и из лисы приготовил отличную шкуру на воротник, отдал её Наталке на приданое.

Короткие световые дни не позволяли что-то делать в хате. При каганце много ли наделаешь: на столе ещё что-то видно, а по углам – темень. Намаявшись днём на морозе, рано ложились спать.

Маленького Якимку вынесли как-то на улицу. Стоял солнечный день. Впервые в жизни Яким вдохнул морозный воздух и задохнулся от неожиданности. Широко раскрытыми глазами смотрел малыш на искрящийся снег; видимо, понравилось ему это, и он засмеялся. Потом приморозил нос и стал хныкать. Арина с шутками занесла сына в хату, растёрла ему щеки и нос.

– От бы батько порадив тоби, такому червонощокому, усмыхнэному* – сказала Арина, любуясь на малыша.

Хорошая солнечная погода длилась недолго, через неделю началась оттепель, и снова подули сырые ветры, наметая сугробы с ледяной коркой.

От сырости и промозглых ветров Олеся простудилась. Видимо, напомнили о себе дополнительно и старые болячки, и Олеся слегла. По ночам её душил кашель, не хватало воздуха. Степан делал настои из трав, поил её этим питьём, на ночь растирал козьим жиром, но облегчение не приходило. Плакала украдкой Олеся, боялась умереть, не дождавшись любимого сына со службы. Всё основное хозяйство, уход за скотиной и уборка по дому достались Наталке и Арине. Так шли долгие дни зимы. На улице намело столько снега, что пришлось копать туннели к сараям.

Степан старался далеко не выходить из балки. Жизнь будто замерла в степи, только стаи голодных волков рыскали вокруг в надежде чем-нибудь поживиться.

Так дожили до Святок. Видимо, старания Степана не прошли даром – Олеся понемногу стала подыматься с лежанки. Ещё слабая, пыталась помочь в готовке на кухне. Наталка отговаривала мать, упрашивала полежать, набраться сил.

– Та шо ж я лыдаща яка, шо лэжать буду? – отмахивалась Олеся.

Степан заметил, что несколько капель терновой настойки вызывают аппетит у Олеси, и пичкал её три раза на дню этим снадобьем. Ещё горький перец заваривал кипятком и заставлял пить перед едой, предварительно добавив соль, чтобы не было горечи. Наталка варила картошку и давала матери дышать картофельным паром. Понемногу общими стараниями Олеся стала поправляться.

На Рождество Степан и Наталка решили съездить к старикам, родителям Терентия. Напекли куличей, прихватили отменный окорок, прикопчёный ещё осенью, и отправились к сватам верхом на лошадях. Застали они стариков если не в плачевном состоянии, то в больших трудностях. Продукты у них были припасены с прошлого года, да и вода недалеко от хаты, можно без труда натаскать для хозяйственных нужд, но с топливом было худо. Топили печку скудно, в хате было прохладно. Дров заготовили мало, перебивались соломой и бодылками кукурузы. Степан съездил несколько раз в ближний лесочек, набрал с помощью Наталки хворосту и большими связками дотащил к хате Никиты. Старики даже прослезились, увидев заботу сватов.

Наталка пересказала содержание письма, что получили осенью от Петра, и где была приписка для родителей от Терентия. Ещё раз погоревали о нелёгкой судьбе, о сынах, что далеко от семей несут суровую службу.

Уже поздно вечером отправились Степан и Наталка домой. Почти перед их хутором выскочили из-за сугробов три волка и молча понеслись на всадников. Степан выхватил из-за плеча ружьё и выстрелил им навстречу. Перезаряжать времени не было, и всадники неслись, что есть мочи, под уклон. Степан скакал сзади, с правой руки снял рукавицу и вытащил саблю. На крайний случай будет, чем отбиться. Один раз, видимо, вожак, бросился сбоку на лошадь Степана, но тот ловко ударил серого по голове и волк, кувыркаясь, отлетел в сторону. Остальные чуть умерили свой пыл.

Волки отстали только у самого плетня. Разнуздав лошадей, успокоив, Степан завёл их в сарай, в тёплый угол. Перезарядил ружьё и вышел за плетень осмотреться. И хотя волков поблизости уже не было, ещё раз выстрелил в воздух.

Письмо из крепости

Пётр в крепости уже обвыкся, служба давалась ему легко. Досаждали только студёные ветры, что иногда просто сбивали с ног. Снега было мало, иногда по несколько дней шёл снег пополам с дождём, тут же превращаясь в ледяные наросты. Приходилось постоянно расчищать плац и постройки от ледяных покрывал. В засады пластунов почти не водили, ограничивались объездом окрестностей небольшими конными отрядами. Следы на снегу хорошо видны, и этого было достаточно, чтобы узнать, есть ли неприятель в опасной близости.

Пётр ещё больше подружился с Терентием. Они не только были соседями по дому и будущими родичами, но и смотрели на жизнь, понимали её, как братья, близкие по духу. Разные задания и работы они выполняли вместе. Вспоминали часто родных. Пётр тревожился, как там маленький сын, как любимая жена и родители. Живы ли, здоровы? Терентий, в свою очередь, переживал о стариках родителях, что остались на хуторе без присмотра и надёжной опоры. Ещё осенью они получили письмо от родителей Петра с подробным описанием всех новостей; наизусть пересказывали друг другу отдельные строки.

Решили написать ещё одно письмо родным и при оказии передать в Сенную – оттуда, через каневских казаков, что служили на почте, письмо попадёт в Деревянковку.

Пётр подружился так же и с Иваном Кузубом, казаком из Деревянковки. Чем-то он напоминал Петру его отца. Тоже когда-то служил в Сечи, воевал с турками, татарами и с польскими панами. Много чего порассказал Иван молодым казакам. Учёный грамоте, он читал книги, которые брал у унтер-офицера (это были в основном сказки Пушкина), и потом пересказывал их Петру и Терентию.

Служба шла своим чередом, монотонность и трудность немного угнетали привыкших к вольной жизни казаков. Но близилась весна, многие надеялись, что придёт им смена, и они смогут вернуться к родным. Войны не предвиделось, боевых действий недалеко от Тамани не случалось, если не считать нескольких случаев, когда абреки пытались угнать скот или нападали на мирных татар, живущих оседло.

Где-то там, в далекой Кабарде, долгие годы шла жестокая война. Русский генерал Ермолов в 1822 году усмирил мятежников, расчленил Кабарду на небольшие карантинные районы, и всё успокоилось. Эти события почти не отразились на размеренной жизни Таманской крепости.

Уже после Нового года в крепость заехал купец, чтобы сделать отметку о проезде через территорию, охраняемую казаками. Он вёз различные товары из Ейска в Екатеринодар, в том числе и небольшие красочные книжки. Среди них нашлись и сказки Пушкина. С красивыми картинками, с крупными буквами, они покорили сердце Петра, он купил одну книжку. Кроме этого, купил Арине платок, весь расписной, с кистями, и сыну – небольшую игрушку в виде коника. Родителям тоже приготовил подарки: отцу – турецкую трубку с узорами, а маме – шаль из козьего пуха. Шаль была дорогая, воздушная, очень тёплая. Сестре Наталке купил колечко с бирюзой. На это ушло почти всё жалованье, что Пётр получил перед Новым годом. Он не жалел о потраченных деньгах, поскольку очень скучал по родным и хотел им доставить радость своими подарками.

Наступила весна. В Тамани сырые промозглые ветры сменились тёплой погодой. В воздухе ощутимо пахло землёй и первыми травами. Пётр и Терентий с нетерпением ждали смену. Гадали, успеют ли к весенним полевым работам. Волновались, как там родные, успеют ли что-то посеять…

С приходом оттепели увеличилось количество работ по укреплению крепости. Ломали камень в старых развалинах, усиливали бастионы. Из лозы плели высокие корзины и устанавливали их по внешнему контуру стен, где появились разрушения за зиму. Засыпали корзины землей, таким образом увеличивая высоту стен.

Чаще ходили в дозоры в лес и вдоль берега моря, смотрели, чтобы неприятель не пробрался к крепости. Табун отощавших лошадей выгоняли из крепости на свежую травку, и это было искушением для абреков. Почти каждый день видели небольшие черкесские отряды в окрестностях крепости. Пётр и Терентий каждую неделю на два – три дня попадали в дозор. Постоянное напряжение выматывало, чувство опасности не проходило даже в те дни, когда работали в крепости.

Терентий на ломке камня поранил правую руку и уже несколько дней находился внутри крепости, помогая по возможности фельдшеру ухаживать за больными в лазарете.

Арина

Арина с приходом весны расцвела, стала ещё красивее. Смуглая по природе, на весеннем солнце загорела ещё больше. Правильный нос с небольшой горбинкой украсили конопушки, отчего она расстраивалась, мазалась сметаной, пыталась укрывать платком почти всё лицо. Арина не понимала, что эти веснушки делали её внешность настолько привлекательной, что её красота могла свести с ума любого молодца. На нижней губе виднелось небольшое белое родимое пятнышко, будто пушинка пристала. Родинка в уголке губ придавала особую прелесть. Округлившаяся после родов фигура приняла ещё более привлекательную форму. Из худощавой, похожей на подростка, Арина превратилась в красавицу, налилась той красотой, которой славятся все малороссийские женщины.

Степан и Олеся замечали, как расцвела невестка, и радовались за сына. Ко всему Арина была очень трудолюбива, послушна и уважительна к старшим. Часто с любовью вспоминала Петра и ждала его с душевным трепетом.

С наступлением тепла приезжал к Обломиям несколько раз их дальний сосед Нечипоренко. Он привозил новости, рассказывал, что творится в Деревянковке, о чём говорят люди в поселении. Рассказал, что готовится новая партия молодых казаков на смену ушедшим осенью. Так появилась надежда, что скоро вернутся домой Пётр и Терентий.

Помог Нечипоренко и посевным материалом, поделился картошкой для посадки и семенами капусты.

Заметили Степан и Олеся, что неравнодушен Нечипоренко к их невестке, постоянно засматривается, как Арина работает, а то и скажет что-нибудь приятное о её красоте. Сама Арина тоже заметила повышенный интерес соседа, и ей это не понравилось. При его приездах она старалась уйти в сарай к скотине, либо помогала Олесе в хате.

Однажды Арина не выдержала комплиментов Нечипоренко, смущаясь и краснея, выпалила, что у неё есть любимый муж, он скоро должен прибыть со службы, и она не желала бы дурных пересудов по поводу неприятных ухаживаний. Нечипоренко извинился, помрачнев лицом, и старался больше не показывать интереса к ней.

Арина ждала мужа, с замиранием сердца вспоминая, как встретились, как любились, как провожала Петра на службу. Сын уже подрос, неуклюже бегал по хате. На улицу его не выпускали – земля ещё не прогрелась. Присматривала за внуком Олеся. Она хоть и оправилась от зимней болезни, но чувствовала себя слабой. Сказывались возраст и болезни, что преследовали её всю жизнь, – тяжёлая работа на панов ещё в детстве подорвала здоровье.

Степан ходил за плугом, Наталка помогала водить быков по пашне. А Арина сажала на огороде картошку. Вдоль ручья посадила бураки и фасоль, рассаду капусты и сладкого перца. На ближних делянках высадила лук и чеснок. Посадила немного репы и брюквы.

Быстро пролетело время весенних работ в поле и на огороде. На степном просторе среди трав всякая живность копошилась, стрекотала, чирикала. Иногда Арина и Наталка выбирались на большой курган в верховьях балки и смотрели в сторону Деревянковки – а вдруг покажутся казаки долгожданные.

Чуть затихли хлопоты по распашке и севу пшеницы и кукурузы, Степан стал готовиться к поездке в Деревянковку – перед Троицей должна быть ярмарка в поселении. Заготовил глины пластичной и стал крутить на круге свои глечики и макитры. Наталка и Арина, словно балуясь, слепили десятка два глиняных свистулек. После обжига раскрасили их и попросили Степана попробовать продать на ярмарке.

Через неделю Степан погрузил горшки в телегу, запряг лошадей и выехал в Деревянковский курень. По пути на несколько минут заглянул к соседям, проведал Никиту и Ефросинью. Старики приветили его радушно, видно было, что очень рады свату. Попив у них чаю, Степан к вечеру был в поселении. Занял место на площади, разложил горшки по рядам и заночевал под телегой. Набросал соломы, которой были переложены горшки, а сверху попону застелил. Ночи были ещё прохладные, но всё обошлось, так как из дому Степан захватил длинный овчиный кожух.

Наутро с рассветом стали подходить покупатели. Быстро распродал Степан свой товар, и свистульки тоже разошлись по копейке за штуку. Довольный Степан зашёл в канцелярию, чтобы узнать, как там казаки служивые, скоро ли приедут домой. Тыждневой у входа объяснил, что ждут из Тамани казаков со дня на день. Уже и нарочный прибыл, привёз жалованье, которое будут выдавать отслужившим. Не успел Степан отъехать с площади, как запела труба, забегали люди и вдали показался небольшой отряд верховых казаков, следом на двух телегах ехали пластуны.

Степан с замиранием сердца вглядывался в тех, кто ехал на подводах. Вот мелькнула знакомая белая папаха, а вот и сам Пётр соскочил с повозки и бегом бросился к отцу, издалека узнав своих лошадей. Обнялись сильно сын и отец, даже слезу смахнули украдкой. Вроде, и не так долго были в разлуке, а вот забилось сердце при встрече. Подошёл тут и Терентий, обнялся со Степаном. Первым делом спросил о родителях, живы ли, здоровы. Степан, улыбаясь, сказал:

– Та шо з ными станэ? Ще повоюють. Чэрэз пивдня будэм на хуторе у Никиты.

Пётр и Терентий сделали необходимые дела, получили жалованье, выслушали похвальную речь атамана. Степан услышал, что ещё должен батюшка прочитать проповедь, и остался послушать. Давно не ходил он в церковь, оттого чувствовал себя несколько смущённо. После проповеди отправились домой. Пётр и Терентий расспрашивали Степана,

как прошёл весенний сев, что нового на хуторах. В разговорах быстро доехали до речки Мигуты, чуть не на руках перенесли телегу через брод, и до хутора Галки осталось всего ничего, несколько вёрст.

Вот уже видна камышовая крыша хаты Терентия. Он не вытерпел, соскочил с телеги и побежал. На улице как раз возился старый Никита. Терентий подбежал, обнял отца. На шум вышла Ефросинья. Увидев сына, обмерла и села на завалинку без сил. Терентий подошёл к матери и долго целовал морщинистое мокрое от слёз родное лицо. Подъехали Степан с Петром на телеге.

– Бачишь якый подарунок привиз вам с ярмаркы, – сказал, радуясь со стариками, Степан.

Никита полез в неглубокий погреб, что притулился рядом с хаткой, вынес оттуда бутыль тёмного стекла с терновкой и в большой деревянной чашке – квашеной капусты.

– Сватики, дороги, давайтэ хоть по трохи пригубым сладенькой горылочки, за сынив наших…

– Так шо ж нэ пригубыть, – улыбнулся в ответ Степан. Расправил усы и со вздохом облегчения выпил до дна поднесённую стопку.

Всего несколько минут побыли Степан и Пётр на дворе у Никиты, потом отправились к себе в балку. Ещё издалека увидел остроглазый Пётр две женские фигурки на кургане. Это Наталка и Арина вышли встречать Степана с ярмарки. Увидали, что в телеге едут двое, сорвались с кургана и бегом бросились навстречу. Арина бежала впереди Наталки. У неё будто крылья выросли за плечами. Казалось, что она летит над луговой травой. Широко раскрытыми глазами она смотрела на мужа, а добежав, смутилась и прильнула к нему, как под крыло залетела. Наталка расспрашивала у отца, приехал ли Терентий.

– Приихав, приихав, твий красавэц – улыбался в ответ Степан – Жды, можэ и сегодня прискачэ…

Пётр оторвался от мокрого раскрасневшегося лица Арины и обнял сестру.

– Терентий скоро прийдэ – шепнул он Наталке на ухо. – Храброго вояку ты выбрала, гарный казак, тэпэр вин мий друг, а ще скоро и родичем будэ…

Добрались до хаты. Пётр расцеловался с матерью и прижал к груди сына.

– Добрий у мэнэ сыну, настоящий казак будэ.

И сел в красный угол, одной рукой обнимая жену, другой – сына.

Наталка и Олеся принялись хлопотать у печи, жарили мясо, из погреба достали окорок, мочёные яблоки ещё прошлого урожая.

– Пирожкив напэчэм завтра, а зараз на скору руку поснидаем, – приговаривала Олеся.

Степан нацедил в графинчик терновой настойки, а для женщин в кувшин набрал вишнёвой наливки. Он тоже разволновался, увлечённый суетой и улыбками, смехом, звучавшим в хате всё время.

Арина не могла оторваться от мужа: встанет, подаст что-либо на стол и снова то боком прижмётся, то рукой по голове проведёт. Пётр любовался дивной красотой жены и тоже не мог сидеть спокойно. Обнимая сына, посматривая всё время на Арину, принялся рассказывать, как служилось в далёкой Тамани. Вдруг спохватился, вскочил и принёс из телеги сундучок, обитый полосами блестящего железа. Открыл крышку и стал доставать подарки. Сначала вытащил шаль и накинул на плечи матери. Та закуталась, и только вздрагивающие плечи выдавали, что она плачет.

Потом подарил отцу трубку, Наталке протянул бусы, Якимке вручил деревянную игрушку в виде лошади. И только после этого достал со дна красивый, с узорами, платок и накинул на плечи жене. Арина – счастливая, в ярком платке – казалась распустившимся цветком. Смуглое лицо её будто светилось внутренним светом. Она прижалась к Петру и замерла. Все довольные, радостные, уселись, наконец, за стол. Выпили за приезд казака по стопке, и потом Пётр снова рассказывал о диковинном море, о разных людях, которых пришлось повидать за время службы. Рассказал об обычаях татар-крымчаков и черкесских абреках, что коварны и злы в набегах и грабежах.

Рассказал, что купил книгу со сказками Пушкина, великого поэта, известного во многих странах. Достал книгу – посмотреть картинки, а сам наизусть стал читать сказки не только записанные в книге, но и те, которые им рассказывал старый казак Иван Кузуб. Дивились родные всему, о чём говорил Пётр, радовались его подаркам и вниманию.

На другой день Пётр и Степан поехали к Сладкому лиману, чтобы наловить свежей рыбы и приготовиться к Троице, которая должна была быть через день. Решили позвать в гости семейства Галок и Нечипоренко.

К вечеру вернулись домой с десятком сомов, полной телегой сулы и тарани, поймали даже несколько осетров. Знатная будет щерба! Женщины тем временем готовили пироги, знаменитый борщ из первых овощей. Наталка нарвала зелёных веток в лесочке, украсила хату. Красный угол, где стояли иконы на полочке, выложила цветами и берёзовыми веточками, будто венок получился. После приезда с рыбалки Пётр в степи накосил душистых трав и застелил всю доливку в хате. В окошках поменяли вощёную бумагу на стекло.

С утра приехали Терентий с родителями, и чуть погодя со своего хутора прибыли на тарантасе Нечипоренко с сыном. Жена его давно умерла, и он жил на хуторе один; иногда к нему из поселения приезжали сыновья и дочь.

Наталка увлекла Терентия на огород, вроде для помощи, и только через час вернулись они – смущённые и без зелени, за которой ходили.

Столы накрыли во дворе, погода стояла чудесная. Хозяюшки наготовили столько снеди, что, казалось, за стол сядет целая сотня казаков. Здесь были окорока, соления, копчения, рыба жареная, пироги с рыбой, юшка из осетров, по другому – щерба, варёная молодая

картошка, политая маслом, посыпанная мелко порезанным зелёным луком и укропчиком. Посредине стола высилась на блюде горка жареных перепелов, которых настрелял Степан на зорьке. И конечно, над всем этим возвышались тёмные бутыли с наливкой и терновой настойкой. Не сказать, что казаки любили выпить, но пригубить по поводу светлого праздника и возвращения казаков со службы – не грех.

Чинно расселись за столом. Так получилось, что Наталка оказалась рядом с Терентием. Постоянно вскакивая из-за стола, она будто нечаянно прижималась к любимому, и сердца их бились учащённо, улыбки не сходили с лиц.

Степан встал. Прочитав молитву в честь приезда воинов, перекрестил всех и предложил отобедать, чем Бог послал.

Через время, размякнув и немного насытившись, старики раскурили трубки, а женщины запели песни, которые пели их матери и бабушки, ожидая своих воинов из похода. Жалостливые, протяжные, они навевали грусть, и у многих на глазах засверкали слезы.

Потом, по очереди, дополняя друг друга, Пётр и Терентий ещё раз вспомнили о днях, проведённых в крепости и в засадах. О перестрелках с абреками, о походе в Сенной и обратно, когда на них налетела банда ногаев и чуть не перестреляла всех. Наталка и Арина охали от страха и, широко раскрыв глаза, прикрывали лицо руками. По просьбе Арины Пётр рассказал несколько сказок Пушкина. Диковинные картины представлялись во время рассказа. Хуторяне жили в ограниченном мире, новостей всегда было мало, и сказки казались ярким развлечением, тем более, рассказанные с выражением, с интонациями.

Вечером провожали гостей. Терентий объявил, что они с Наталкой решили венчаться осенью, после уборки урожая. Ещё Терентий сказал, что построит хату в Деревянковке, чтобы жить с большими удобствами, а на хутор будет приезжать только летом, заниматься хлебопашеством. Скота у них нет, кроме быков и нескольких лошадей, необходимых для обработки земли.

Потянулись хлопоты по хозяйству. Лето выдалось жарким, с суховеями, с горячими ветрами. Изредка набегут чёрные тучи, разродятся дождём, громом, молниями, и снова марево струится над степью.

Терентий стал теперь частым гостем в балке у Обломиев. Чуть выдастся минутка, он спешит к Наталке. Очень полюбилась ему чернобровая весёлая казачка. И песни она пела такие, что душа, будто маслом смазанная, становилась мягкой, нежной.

Несмотря на жаркое лето, урожай выдался хороший. Вишни собрали много, арбузы по полю катались наливные, кукуруза вымахала выше человеческого роста, по несколько початков на стебле. Земля кубанская, действительно, была плодородная. Даже некоторые колья, вкопанные для плетня, и те проросли, дали корни, пустили ветки по весне. Степан радовался этому. Подрезал немного ветки, чтобы не кустились акации, – всё же плетень эти редкие деревца держали крепко. Помимо вишен, Степан сажал ещё дичку яблоню, потом привил на неё черенки, добытые у Нечипоренко из его культурного сада.

Посадили дополнительно по периметру изгороди 30 штук акаций – в расчёте на то, что подрастёт Яким и надо будет строить ему хату. Прочные и прямые стволы акаций лет через двадцать пойдут на стропила, остальные станут опорой для стен, и на них будет крепиться крыша. Так акацию использовали с давних времён на Украине.

Весь скот летом выгоняли в степь. Недалеко от хаты сделали загородку из жердей на несколько десятин, там паслись коровы и овцы. Они сами вечером приходили во двор, где могли безопасно ночевать в загоне. Коровы давали много молока. Олеся собирала сметану, колотила масло, делала сыры. Благо Степан по случаю купил в Деревянковке сепаратор, и это было большим облегчением в переработке молока. Весной две коровы дали приплод, и теперь в стаде бегали телочка и бычок. Это тоже радовало Степана.

Он всеми силами старался хоть немного разбогатеть, приумножить хозяйство. По-прежнему в любое свободное время лепил горшки на продажу. Пётр из липы наловчился резать ложки и тарелки. Наталка с Ариной разрисовывали посуду красками, и получались просто красивые вещи. Да и сама хата у них была, как картинка. Весной, после прихода Петра, хату и сараи побелили извёсткой, Наталка вокруг окон сделала рисунки красной и синей охрой. Печь внутри хаты она тоже разрисовала, и казалось всё праздничным и уютным.

Арбузы, тыквы вымахали на диво большие. В обед доставали из копани с родниковой водой огромный арбуз: чуть прикоснёшься ножом, он с треском лопался, будто молнии пронеслись зигзагами. Степан выбирал удачные крупные сорта, семечки из них подсушивал и складывал в тряпочки – на развод следующего урожая.

Сена в этом году заготовили очень много в расчёте на прибавления стада. Многие соседи-хуторяне заготовкой сена не заморачивались, считая, что скотина сама зимой найдёт под снегом корм. Но Степан был дальновиднее и болел за своё хозяйство всей душой. Заготовленное сено складывали пока в степи, в копнах. Не забывали о заготовке дров. Помня снежные заносы прошлой зимы, свозили хворост и целые деревья поближе к хутору.

Забот было столько, что с ранней зарёй вставали, и только когда ночь опускалась на землю, успокаивались во дворе за столом. Вечеряли, и тут же сон накрывал их своим покрывалом. И так изо дня в день. В семье не было лентяев, все по мере сил трудились на общее благо.

Изредка на полдня Степан выскакивал на Сладкий лиман, ремонтировал коты. Через день Пётр с Терентием ездили на лиман за

рыбой – привозили к концу дня полные телеги. В основном это были белорыбица, сула, сазаны, чебаки. Попадались часто осетры. По мешку привозили отборных раков. Степан в нескольких котах оставлял для них приманку из кусков крупной рыбы, и набивалось клещеногих тогда в эти ловушки очень много. Разделывали рыбу, в основном, на месте, а коптили и солили уже дома, на хуторах. Благо недостатка в соли не испытывали: почти рядом с их хуторами пролегала дорога, по которой чумаки возили соль на Ейск и в Аксай, где продавали её на пристанях купцам.

Часть рыбы продавали или меняли на соль, часть заготавливали на зиму, остатки Степан откладывал на ярмарку, что должна была состояться в Деревянковке. Возить товар в Крыловской или Каневской курени Степан не хотел: во-первых, дорога дальняя, а во-вторых, там иногда в камышах скрывались бродяги и нападали на одиноких путников. Дорога на Деревянковку шла вдоль хуторов, и разбойных людей здесь пока не замечали.

Несколько раз приезжали на хутор землемеры, делали замеры земли под распашку. В итоге оказалось, что Обломии могут занять ещё до 12 десятин под свой хутор. Под осень привезли бумагу на владения землёй и объявили, что теперь через три года будут производить новые замеры, чтобы упорядочить владения землёй согласно «Порядку общей пользы», принятому в Екатеринодаре в 1794 году. Закон этот был введён для регулирования управления, расселения и землепользования в Черноморском казачьем войске.

Обломиева балка

Степан нашел в низовьях балки, в большом дупле, рой пчёл и загорелся желанием добыть мёду. Вместе с Петром смастерили лестницу, взяли трухлявый пень, раздули угли в глиняном горшке, чтобы шёл дым, и Пётр, обвязав башлыком голову, вымазав руки глиной, полез на дерево, обкурил дупло дымом. Пчёлы сначала гудели, а потом затихли. Пётр кинжалом вырезал внутренности улья, все соты собрал в холщевый мешок себе за спину. Быстро слез с дерева, ещё раз напустил побольше дыму в мешок, и стали они со Степаном перекладывать соты в глиняный горшок. Будет, чем побаловать женщин и маленького Якимку.

После сладкого улова Степан размечтался приобрести несколько колод с ульями. Ведь вокруг столько разнотравья, мёду будет много, да и времени пчёлы почти не занимают.

Постепенно хозяйство Обломиев расширялось, крепло, и всё благодаря трудолюбию и настойчивости хозяев. Практически всё время Степан и Пётр трудились на поле, пытаясь расширить пашню, занимались заготовкой сена и дров на зиму. Помимо этого, часто ездили на Сладкий лиман, ловили рыбу для пропитания и на продажу. Степан в свободные минуты занимался изготовлением горшков, макитр и глиняных чашек. Пётр по вечерам делал деревянные миски и ложки. Арина с Наталкой расписывали деревянную посуду красками. Вся семья готовилась к осенней ярмарке. Степан хотел купить немного овец и ещё одну корову для расширения хозяйства. Пока есть силы и возможности, Степан старался укреплять трудом благосостояние семьи.

Арина не могла насытиться любовью к Петру; они оба, будто только обвенчались, радовались друг другу, а ночью любились, будто в первый раз. В конце лета Арина шепнула мужу, смущаясь и краснея:

– Петро, я мабуть важка стала.

Петр не понял сначала, потом чуть не задушил любимую в объятиях. Целовал её глаза, шею, губы, шептал, что он самый счастливый на этом свете. Хотелось ему, чтобы в семье было три сына, три казака, красивых и сильных. Арина от его слов пьянела и тоже обнимала мужа. Но, видимо, счастье не всегда бывает бесконечным, иногда оно ходит рядом с бедой.

Война на Кавказе

На Кавказе снова шла война, и на хутор к Обломиям прискакал тыждневой: сообщил, что Петра вызывают в канцелярию, быть там надо через три дня с утра. Ещё он сообщил, что идёт война с кабардинскими князьями.

Вскоре на хутор прискакал Терентий. Ему тоже сообщили, что надо быть в куренном правлении. В глазах Наталки стояли слёзы: нежданно-негаданно предстояла разлука с любимым. Пётр и Терентий вышли на улицу, чтобы поговорить без женщин. Не хотелось им поднимать лишнюю тревогу.

Терентий рассказал, что был недавно в Деревянковке и слышал, что кабардинские и дагестанские князья подняли восстание против русского царя, совершают набеги на казачьи заставы и хутора, угоняют скот, людей, сжигают хаты и посевы. Горские народы почти всегда жили за счёт набегов и грабежей. А после русско-турецкой войны горцы получали помощь из Ирана и Турции и, подстрекаемые правителями из-за границы, собирали силы против Российской империи. Предстояла война длинная, кровопролитная, опасная.

Захлопотали на хуторе, собирая Петра в дальнюю дорогу. Олеся пекла пышки, выбирала вяленое мясо. Степан говорил, что в пути казаков должны кормить из казённого котла, но Олеся всё равно готовила продукты – скорее всего, чтобы отвлечься от свалившейся беды.

Арина проверяла походную одежду мужа, что-то подшивала, что-то шила заново. Слёзы всё время стояли у неё в глазах. Нет-нет, а оторвётся от работы, прильнёт к мужу и замирает так на время. Сердце Петра разрывалось от жалости к жене, родителям. Неизвестно, что будет с ним. Как они тут, выдюжат ли?

Подошло время расставания. Степан ещё затемно запряг пару лошадей в телегу. Вся се-

мья вышла проводить Петра. Он шёл вверх по склону балки, держа сына на руках и обнимая Арину. Сзади – Олеся и Наталка, стараясь плакать тихо, не рвать сердце Петра. Дошли до кургана, когда солнце чуть показалось на горизонте. Холодная роса покрыла травы и одежду. Лица, будто омытые росой, у всех были влажными. Пётр поднял сына высоко над головой, показал первые лучики солнца и, крепко поцеловав, отдал Наталке. Обнялся с мамой и прижал к груди Арину. Он представлял, как ей будет трудно без него. Живот Арины был уже заметен, лицом она немного подурнела, но для Петра не было на свете краше любимой. У него самого глаза были на мокром месте. Постояв несколько минут, Пётр резко оторвал Арину от себя и решительно зашагал вслед за телегой, которой правил Степан. Наталка догнала Петра и пошла вместе с ним. Через несколько метров он оглянулся: женщины стояли, обнявшись, будто поддерживая друг друга.

Быстро добрались до хутора Галки. Терентий был уже собран, стоял на околице. Наталка побежала навстречу – она хоть немного хотела побыть с Терентием наедине. Обнялись, не таясь. Пётр зашёл во двор к старикам, простился с Никитой и Ефросиньей. Сказал, что будет присматривать за Терентием.

Наталка сняла с себя крестик из серебра и отдала его жениху. В карман ему сунула кисет из бархата, расшитый узорами. Ещё раз расцеловался Терентий с Наталкой, и пошли казаки в Деревянковку. Шли рядом, вслед за телегой. Со спины казалось, идут два брата-близнеца: оба высокие, широкоплечие, почти в одинаковых одеждах. На расстоянии трудно было их различить. Наталка стояла рядом со стариками и крестила уходящих, молилась, чтобы вернулись они живыми и здоровыми.

Терентий перед уходом просил стариков не оставлять Наталку без внимания. Так и не успел он перевезти родителей в Деревянковку, где было бы им не так одиноко. Надеялся Терентий только на соседей Обломиев, что не забудут, будут проведывать, не оставят в случае чего в беде.

Добрались в поселение вовремя. На площади казаки уже собирались строиться. Вышел атаман, осмотрел нестройные ряды и крикнул, чтобы подровнялись. Постепенно шум над площадью затих.

– Браты козакы, чорни вороны нэ дають нам жыты спокийно. Нападають на хуторы, спалюють их, грабують, жэнуть у рабство нашых жинок и дитэй, грозяться захопыты всю Кубань. Нам далы землю, щоб мы захыщалы Росию вид ворога. Якщо мы нэ дамо видсич закубанськым хыжакам, то воны прыйдуть и сюды и захоплять наши земли, будуть измываться над нашымы дружынамы и старымы. Нэ щадячы жывота свого повынни видстояты рубежи и захыстыты своы зэмли.

Шум пошёл по рядам казаков. Из толпы раздались крики женщин:

– Нэ допустить лыха в нашы хаты!

– Шоб воны там юшкой умылысь!

– Хлопци, накажить ворога, шоб ны зарывся на нашу зэмлю!

Атаман и полковой есаул Демьян Скакун обошли шеренги пластунов, осмотрели, про-

верили готовность к походу. Новых, подросших по возрасту, было мало, но они загодя проходили подготовку в казачьих лагерях на реке Челбас, выше по течению от Каневского куреня. Там молодые казаки учились устраивать засады и выслеживать противника, стрелять и отбивать атаки конных врагов.

Пётр и Терентий простились со Степаном, и их повели в сторону Екатеринодара. Верховые казаки ещё раньше выдвинулись из поселения.

Степан дождался, когда колонна скроется за камышами, и пошёл в корчму. Горько на душе было, хотелось побыть среди людей. Ушли на опасную войну единственный сын и будущий зять, ещё не успевший обвенчаться с Наталкой.

Поздно вечером вернулся Степан домой. Тихо стало в хате, даже маленький Яким не хныкал и не возился в люльке. Неизвестность, расставание с родными людьми подействовали на всех угнетающе. Нет-нет, да и всхлипнут Арина или Олеся. Наталка тоже ходила хмурая, сосредоточенная.

Степан включился в хозяйственные работы, будто перед ним был враг, которого надо одолеть. Постепенно через труд, через хлопоты немного успокоились, жизнь вошла в размеренный привычный ритм.

Степан с Наталкой иногда выбирались на хутор Галки. Поддерживали морально и старались помочь, если требовалось.

Сведений от сынов не было. Не знали даже, куда их отправили служить. Только осенью Степан выведал в канцелярии, что Пётр с Терентием попали на Ново-Екатериновский кордон, где три года назад шли большие бои с черкесами и полегло много казаков. Неутешительные вести пришли и сейчас. Закубанские горцы постоянно делали набеги, намереваясь прорваться вглубь территории и нанести наибольший урон Черноморскому войску. На кордоне часто вспыхивали эпидемии малярии и тифа, кося ряды казаков не хуже горцев.

Уже после Святок пришло письмо от Петра. На сером клочке бумаги он писал, что пока жив, здоров, также и побратим его Терентий, но из их полка многие заболели и умерли, есть раненые и убитые. Горцев тоже полегло много, в основном, от болезней. Все болезни идут с их стороны. И хоть полковой фельдшер даёт всем в качестве профилактики настои из трав и хину, но Пётр несколько месяцев болел лихоманкой. С наступлением зимы, вроде, легче стало, но иногда наступает слабость, мешает нести службу. Пётр беспокоился об Арине, как она себя чувствует, как родители? Передавал привет от Терентия.

Письмо Степан получил в канцелярии, когда ездил в поселение продавать рыбу и неизменные горшки. Денег выручил немного, но главная радость – известие от Петра. Там же, в канцелярии, письмо Степану прочитали несколько раз, и он, запомнив почти дословно, рассказал всё сначала у сватов на хуторе Галки, потом дома. Погоревали, поплакали женщины, но главное узнали – что их родные живы. Беспокоило здоровье Петра, оправится ли к весне?

Арина уже потяжелела, домашние старались помогать ей во всем, не давали поднимать тяжести и работать на холоде. На днях она должна была родить и готовила постепенно приданое для малыша, хотя и не знала, кто родится.

На Линии

На Кавказе на какое-то время затихли боевые действия со стороны горцев, потому что снег и холод делали невозможными набеги. Но по куреням и хуторам всё время ходили слухи, что горцы готовят большие силы для нападения на русские пределы с целью сжечь и уничтожить казачьи поселения. Перед ними стоял выбор – покориться русскому царю или покинуть свои земли и уйти за Кубань, в горы. По всей равнине ездили гонцы кабардинских князей, призывая к священной войне против неверных – газавату. Планы у князей были большие: освободить от русских Большую Кабарду, а потом разгромить всю Линию.

Турецкий паша в Анапе помогал черкесам готовиться к войне, обещая помощь оружием и деньгами. Турецкое золото поднимало большие силы против России. Над Линией готова была разразиться жестокая военная гроза. Предстояло воевать не с отдельными шайками абреков или мятежными аулами, нападающими мелкими группами в надежде поживиться имуществом казаков; готовился к войне весь мусульманский народ Кавказа: на востоке – Дагестан, на западе – силы разных племён черкесов.

На счастье русских, у разных народов не было единого вожака. Среди многих племён существовали внутренние раздоры. Возглавивший восстание кабардинский князь Таусон Атажуков был неожиданно убит своим двоюродным братом, князем Магометом Атажуковым, горячим сторонником России. Вмешалась в дело и давняя вражда между родными братьями Джембулатом и Мисостом Айтековыми. Ко всему присоединились неудачи, полученные черкесами во время разных боёв с казаками. Очень часто, несмотря на численное преимущество, они получали поражения из-за неумения вести масштабные боевые действия. Ко всему у русских было преимущество в артиллерии.

Но все эти обстоятельства только отодвигали нападение на российскую сторону. В любой момент мог появиться грамотный предводитель и двинуть орду горцев на русские просторы, заливая кровью курени, хутора и кордоны.

Действительно, с наступлением весны отдохнувшая от набегов Линия почувствовала щупальца неприятеля. Собирались на границе большие силы; то тут, то там вспыхивали перестрелки, небольшие отряды пытались проникнуть для разведки на русскую территорию. Так, 1 апреля под вечер восемь чер-

кесов, пробравшись берегом реки Енкули, выехали на Большую Ставропольскую дорогу перед деревней Бешпагир. Здесь вольным выпасом ходили табуны Темнолесской станицы. В один миг отсеяв часть табуна от общей массы, абреки погнали их на свою сторону. Но осторожничавшее население не застигли врасплох: из станицы вылетел отряд из четырёх малолеток и одним стариком под командованием урядника Косякина, кинулся в погоню. Шестеро казаков бросились на восьмерых горцев и отбили табун.

Этот случай по своему героизму дошёл даже до самого царя. Тот, ценя мужество, с которым Косякин бросился на «хищников», приказал произвести его в хорунжии и выдать единовременно 300 рублей, а пяти казакам – по 100 рублей.

Ермолов, командовавший в то время Линией, умевший ценить заслуги, но не разбрасывавший наград, умерил значение, приданое подвигу Косякина. «Подобные случаи на Кавказской Линии, – писал он начальнику Главного штаба, – бывают часто, и я до сего гораздо превосходнейшие действия награждал из выручennой барантковой (трофейной) суммы. Полагаю достаточно урядника Косякина наградить чином зауряд-хорунжия, а казакам выдать по 50 рублей. Прочие же деньги обратить для употребления на награды в подобных же случаях».

Казаки-пластуны постоянно доносили, что за Кубанью готовятся большие силы для прорыва на русскую территорию. В начале апреля нападение свершилось в районе хуторов Темижбекской станицы. Напав ночью, горцы сожгли все хутора, захватили много пленных и другой добычи и к утру убрались на свою территорию. По тревоге подняли все посты и кордоны на Линии. Урядник Кавказского полка и урядник Кубанского полка Аверин с отрядами бросились в погоню по свежим следам. Верстах в двух от берега Кубани развернулась следующая картина: за большим отрядом горцев мчались в погоне немногочисленные казаки. Наперерез погоне неспешно двигалась большая партия конных черкесов с намерением взять казаков в окружение.

На выручку казакам бросился майор Пирятинский с небольшим отрядом, что оказался под рукой. Черкесы увидели его отряд и бросились с двух сторон на Аверина. Урядник потерял присутствие духа, запаниковал и его отряд попал под удары шашек засады черкесов. Постыдная трусость Аверина повлияла на многих казаков и из команды Пирятинского. Храбрые офицеры, Пирятинский и сотник Найдёнов, загородили дорогу, угрожая рубить бегущих. Человек двадцать опомнились и, обступив офицеров, стали биться из последних сил.

Оставив бегущих, сотни черкесов бросились на маленький отряд Пирятинского. Целый час кружили они вокруг железной, сплочённой кучки казаков; три раза бросались в шашки и три раза скакали назад, увозя убитых и раненых. С каждой минутой росли нравственные силы казаков, никто не думал уже о жизни, а только о том, чтобы продать её дорогой ценой; все бесстрашно смотрели в глаза смерти. Напрасно черкесы предлагали казакам сдаться – они были непоколебимы.

В этой страшной борьбе черкесам удалось выбить несколько лошадей из казачьего круга, но эти лошади стоили им десятков убитых и раненых товарищей.

В последней атаке шапсугский старшина бей-Султан, весь закованный в железо, один врезался в кучку храбрых казаков и кинулся на самого Пирятинского. Мгновение – и тот был бы изрублен. По счастью, удар пришёлся по лошади, она упала. Сотник Найдёнов , сам уже раненый, кинулся защищать Пирятинского и схватился с шапсугом. В эту минуту кубанский казак Якимов выстрелил из пистолета, и, поражённый пулей в грудь, шапсуг едва успел выскочить из окружения казаков, тут же упав замертво. Черкесы подхватили его тело и вывезли из боя.

Потеря вождя охладила пыл горцев. Между тем на помощь казакам прискакало несколько отрядов помощи. Горцы бросились в отступ, а казаки снова в погоню.

Дорого достался русским этот кровавый день. Пирятинский был дважды ранен в руку, Найдёнов был ранен пулей навылет в ногу. Казаков убито пятнадцать, ранено тридцать, пропало без вести двое. Большинство казаков погибли по своей оплошности, во время панического бегства. Из тех, кто прикрывал Пирятинского, убиты и ранены были всего семь человек.

Весной по всей Линии многочисленные отряды горцев прорывались вглубь территории и жгли, грабили хутора, убивали и брали в плен мирных жителей.

Приходилось участвовать в боях и стычках и казакам Ново-Екатериновского кордона, где служили Пётр и Терентий. Постоянное состояние тревоги и напряжения выматывало. Обоим пока везло, ни один не был даже слегка ранен, только ушибы и ссадины покрывали их тела.

Ночью отряд подняли по тревоге. Где-то ниже по течению Кубани переправилась большая группа черкесов. Конным порядком быстро пронув вглубь русской территории, они напали на небольшой хутор. Пока отряд пластунов выдвинулся в сторону зарева, там было всё кончено. Первыми на место трагедии прискакали егеря из Хоперского полка. Они отбили у горцев часть скота и двоих детей, захваченных в полон. Прибыв на хутор, пластуны увидели страшную картину: среди хат лежали убитые казаки и женщины, даже стариков абреки не пощадили – отрубали им головы либо четвертовали. Везде летал пух от перин и подушек. По дороге растянулось цепочкой зерно. Видимо, прохудился мешок и всё просыпалось на землю. Ожесточённые увиденным зверством горцев, пластуны от бессилия только молчали, сжимая карабины.

Вернулись на кордон утром. И тут же получили приказ – перейти Кубань в составе

тридцати казаков и преследовать неприятеля, по возможности нанести удар и разбить горцев, в любом месте, будь то даже аул, или просто в поле.

Скрываясь по возможности в камышах и высоких травах, пластуны осторожно пробирались по следу. Через три версты от переправы передовое охранение заметило остановившихся на привал абреков. Видимо, они не предполагали погони и спокойно расположились на опушке леса, не выставив даже дозора. Пётр и Терентий как раз шли в первых рядах разведки. Затаившись очень близко от расположения неприятеля, они пристально наблюдали, что творится на опушке. Среди горцев было несколько раненых, трое убиты. Тела их были приторочены поперек сёдел. Человек пять пленных сидели, связанные, в стороне. Среди них были три женщины и двое молодых парней. Головы у пленных казаков окровавлены, видимо их схватили и связали в жестокой драке. Черкесы захватили также десятка два лошадей. Они были связаны по три на одну верёвку, а между тройками – на длинный аркан. На некоторых были навьючены узлы с награбленным добром.

Всего черкесов было около трёх десятков, и казаки решили напасть, отбить пленных и лошадей. Медленно, по договорённости, пластуны, скрываясь в кустах и высоких бурьянах, стали окружать беспечно расположившихся черкесов. Когда увидели, что горцы собираются двигаться дальше, с трёх сторон выстрелили в толпу и бросились с шашками и кинжалами в атаку. Застигнутые врасплох, черкесы бросились врассыпную, несколько человек упали замертво, с десяток получили ранения. Казаки без потерь захватили табун, да ещё и черкесских лошадей прихватили. Освободив пленных, верхом быстро поскакали к реке, пока неприятель не очухался. Успешно переправившись через Кубань в самом широком и потому мелководном месте, вернулись на кордон.

Возглавлял отряд хорунжий Киреев. По прибытию в крепость он послал нарочного в соседние кордоны с известием, что было нападение, нужно быть осмотрительными и в боевой готовности. Такая дерзкая атака пластунов могла разозлить черкесов. Можно было предположить, что они не успокоятся, попробуют отомстить за убитых.

Теперь пластуны имели на кордоне лошадей. Возвратить их прежним хозяевам было невозможно – почти все хуторяне убиты.

Терентий выбрал себе черкесскую лошадь под дорогим седлом. В перемётных сумках – несколько пистолетов и запас провизии на неделю. Видимо, лошадь принадлежала предводителю черкесского отряда. К седлу прикреплено богато украшенное серебром ружьё. Кроме этой лошади, Терентий взял лошадь убитого хуторяна. По праву всё это принадлежало теперь Терентию.

Пётр выбрал пару молодых трёхлеток. Он сразу задумал отправить лошадей с оказией к себе на хутор, благо прошёл слух, что двое раненых пластунов из Деревянковского куреня собираются на излечение домой. Одному покалечило руку во время рукопашной схватки, а второй пострадал в перестрелке – картечью развернуло бедро правой ноги; к службе оба теперь не пригодны.

По общему договору с хорунжим Киреевым этим раненым казакам дали по трофейной лошади, как бы в возмещение урона, полученного в боях.

На второй день Пётр сел в затишке и долго писал. Очень переживал душой, кто родился у него, сын или дочь… Беспокоился о здоровье родных. В конце письма по привычке написал со слов Терентия приписку для его родителей и для Наталки.

Пригорюнились казаки, неизвестно сколько продлится эта война, дождутся ли их родные…

– Як жэ божается подывыться, шо там на хутори… – с дрожью в голосе произнёс Терентий. – Шо там з Наталочкой? Можэ вжэ и ны помнэ мынэ…

Пётр только вздохнул в ответ: сам находился в раздумьях о доме постоянно. Иногда хотелось голубем обернуться, как в той сказке, и полететь хоть на минутку – посмотреть, что там, живы ли?.. Если всё в порядке, можно дальше и воевать спокойно.

Он постоянно вспоминал красивое родное лицо жены Арины, её веснушки на носу, губы, чуть тронутые улыбкой, ласковые глаза, наполненные любовью. На сердце наваливалась тоска, будто огнём горело внутри, так хотелось почувствовать, увидать хоть на секунду любимую. О сыне вспоминал, о сестре и родителях, но более всего в сердце всплывало щемящее чувство разлуки с той самой любимой и желанной, что подарила ему ещё одного ребёнка. Пётр надеялся, что всё обошлось нормально, все живы и здоровы.

Никто не говорил казакам, сколько придётся служить им на этом кордоне. И так было понятно, что, пока горцы не прекратят свои набеги, никто домой их не отпустит. Тем более что в Войске существовал трёхочередной порядок отбытия кордонной службы: один год на границе, последующих два года – на льготе. Смена очереди обычно была приурочена к 15 мая, но Пётра и Терентия вызвали внеочередным порядком, поскольку вспыхнуло восстание в Кабарде, и по всей Линии случились набеги и нападения горцев; обычными линейными силами эти волнения нельзя было сдержать. И теперь непонятно, когда придёт смена деревянковским казакам.

С самого начала переселения казаков на Кубань ярких сражений и войн между черкесами и линейцами не случалось. Казаки часто становились кунаками мирных черкесов. Несколько раз на правой стороне Кубани проводили совместные меновые ярмарки: черкесы менялись товарами с купцами русской стороны. Даже войсковые праздники посещали целые аулы. Но как только случались где-то стычки на Линии, местные черкесы, подстрекаемые турецкими эмиссарами и своими

князьями, встревали в перестрелки и делали набеги на правобережные территории, причиняя урон и беспокойство вчерашним кунакам.

Отправились в Деревянковку раненые казаки, увозя трофеи и письмо Петра и Терентия. Друзья провожали их до почтовой дороги, долго смотрели вслед, представляя, что скоро уезжающие встретятся с их родными.

На границе получилось временное затишье, но успокаиваться не приходилось. В любой момент горцы могли прорваться вглубь территории с целью поживиться в богатых станицах, расположенных недалеко от Линии.

Рождение сына

В повседневных заботах по хозяйству прошли зимние месяцы на хуторе Обломиев.

В начале февраля Арина удачно родила сына. Ребёнок появился на свет крепеньким, здоровым. Олеся сама приняла роды и была довольна, что не случилось осложнений. Уже через пару дней Арина потихоньку помогала по хате, хотя и Олеся, и Наталка старались беречь невестку. Степан сам управлялся во дворе со скотом. Урожая, собранного ещё при Петре, должно было хватить с избытком, и потому на душе было спокойно.

Домовитый, хозяйственный Степан старался предусмотреть любые неприятности и не допустить урона в хозяйстве. К весне три из четырёх овечек принесли приплод, родились двое телят. Скотина вся была здорова, вовремя накормлена, напоена, ухожена.

Степан был доволен порядком на хуторе, беспокоила только мысль о сыне. Ходили слухи, что Пётр попал в самую гущу боевых действий, на Линии часто происходили горячие стычки с горцами. Успокаивало, что в поселение, хоть иногда, приходили слухи с Линии, но плохих вестей о Петре и Терентии никто не сообщал.

Дважды после Святок Степан с Наталкой выбирались на хутор Галки – посмотреть, как идут дела и помочь при необходимости. Ефросинья прибаливала: зимние месяцы совсем подкосили её здоровье. Сказывались возраст и неизвестность, тревога о любимом сыне.

Наталка проводила время с будущей свекровью, помогала прибраться в хате, постирать и проветрить вещи. Степан привозил дрова и хворост для отопления; улучшил дорогу к ручью, откуда Никита носил воду для готовки и питья. Из самодельных досок смастерил жёлоб, по которому вода из ручья попадала во двор возле хаты; перед этим из столбиков и хвороста сделал запруду на ручье, чтобы поднять уровень воды для стекания по жёлобу. Никита и Ефросинья со слезами на глазах благодарили сватов за заботу.

Уже весной из поселения приехал посыльный, привёл в поводу лошадей на хутора Галок и Обломиев. Порадовал письмом от Петра. Посыльный прочитал письмо сначала Никите с Ефросиньей, а потом в хате у Степана. Арина и Наталка, будто на крыльях летая по хате, старались повкуснее угостить казака, привёзшего новости, да ещё и лошадей в хозяйство. Посыльный уехал с поручением на дальние хутора, пообещав на обратном пути заехать, чтобы составить ответное письмо.

Всей семьёй сидели вечером у лампы и обсуждали, что надо рассказать Петру и Терентию. Решили, что с посыльным поедут на хутор Галки и там вместе продиктуют письмо. Так и получилось. Через день появился казак, направлявшийся в обратный путь. Наталка, Олеся и Степан на телеге поехали с ним к Никите. Там, будто предчувствуя, что приедут сваты, с утра наготовили жареной зайчатины (накануне Никита недалеко от хутора подстрелил парочку жирных ушастиков). Угощаясь дичиной и терновой настойкой, писать письмо. Долго перечисляли пожелания благополучия и здоровья сынам – от всех, кто присутствовал. Обстоятельно написали, что родился у Петра сын – имя пока не дали, ждали его ответа или приезда. Передали всё, что просила написать Арина для Петра. Потом Степан рассказал, как зимовали, какая прибыль получилась от продажи горшков и рыбы. На письмо ушли часа три и несколько листов бумаги, которой поделился посыльный из казённых запасов.

Уехал казак с письмом, а хуторяне, молясь о здравии и благополучии казаков, стали жить дальше. Те же хозяйственные заботы заполняли всё время от утренней зари до заката. Уставали так, что по вечерам хватало сил только повечерять, и тут же ложились спать. Якимка не доставлял хлопот, рос смышлёным здоровым ребенком, а новорожденный часто плакал, иногда по несколько часов подряд. По ночам не давал спать Арине, она брала малыша к себе и видела, что его что-то мучает. По ночам у младенца случались судороги – ножки будто скручивало неведомой силой. Олеся говорила, что надо везти его в Деревянковку и окрестить. Да и знахарку какую найти, показать ей малыша, если сможет – поможет.

Арина извелась от непонятной хворости сына. Степан пообещал, что в ближайшее время попробует выбраться в Деревянковку – как только потеплеет так, что будет безопасно отправляться в путь; к тому времени заготовит горшков на продажу. Степан сдавал часть непроданных горшков в лавку к купцу. Конечно, тот почти половину стоимости забирал себе, но выхода иного не было.

Степан пару раз ездил на Сладкий лиман, ремонтировал коты и привозил домой полную телегу рыбы. По весне в рыбе было очень много икры, и Степан приспособился солить её и делать запасы для питания семьи, так же и на продажу. Особенно вкусной была икра осетровых. Да не только вкусной, но и полезной. После долгой зимы или болезни этим лакомством восстанавливали силы.

Выдались тёплые солнечные дни. Степан загрузил в пароконную телегу горшки, приготовленную к продаже рыбу и даже остатки

солонины. Арина с малышом и Наталка, ей в помощь, тоже собрались в дальнюю дорогу. На хозяйстве с маленьким Якимом осталась Олеся. Степан обещал ей вернуться на следующий день. Часам к восьми утра доехали до хутора Галки. Старики, слава Богу, были здоровы. Выпив у них чаю с лепёшками, отправились дальше. Перед обедом были на месте.

Пока Степан расставлял товар вокруг телеги, Наталка и Арина узнали у людей, где живёт знахарка и пошли её разыскивать в лабиринте кривых улочек. Почти на берегу Челбаса, в маленькой хатке, их приняла совсем ещё не старая Параскева. Спросив, крещён ли младенец, она покачала осуждающе головой и стала осматривать малыша. Задавала вопросы, сказала, что непременно надо окрестить в церкви ребёнка и, определив на нем порчу, сказала, что попробует вылить через воск болячку. Растопила воск в ковшике, долго молилась на тусклые иконы, плевалась в разные стороны, и, наконец, держа над головой ребёнка чашу с водой, вылила туда воск. Что-то увидев в причудливо застывших формах, Параскева дала Арине два пучка разных трав, объяснила, как заваривать их и сколько, в какое время пить отвар, посоветовала сегодня же пойти в церковь, окрестить ребенка и дать ему имя. Арина выложила знахарке узелок с десятком яиц и мешочек пшена. Наталка и Арина решили сегодня же пойти в церковь и, если получится, уговорить батюшку на крестины. Наталка вызвалась быть крёстной, а крёстным отцом решили взять заочно Терентия.

Небольшая деревянная церковь, построенная на средства жителей, выглядела довольно опрятно. Дверь была открыта, и Наталка с Ариной зашли внутрь. Им повезло, в углу возился батюшка в старой рясе. Арина спросила можно ли окрестить сейчас ребёнка.

Батюшка был слегка навеселе и легко согласился совершить обряд за пять копеек. Арина распеленала ребёнка, объяснила, что крестной будет присутствующая здесь золовка, а крёстным будет казак Терентий, ныне он на войне. Можно ли так поступить? Батюшка сказал, что всё соответствует закону, и приступил к Таинству Крещения. Спросил, какое имя хотят дать, потом сам посмотрел в православный календарь, спросил, какого числа родился ребёнок, и сказал, что крестится раб Божий Михаил.

После Крещения женщины поставили свечи Николаю Угоднику о благополучии и сохранении здравия своим близким.

После церкви Арина и Наталка нашли Степана в канцелярии, где он расспрашивал, какие события идут на Линии. Никто ничего толком не мог пояснить, сведений из Ново-Екатериновского кордона не было с тех пор, как прибыли оттуда два покалеченных казака с весточкой и лошадьми от Петра и Терентия. Ходили слухи, что по всей Линии идут стычки с горцами. А подробностей никаких. Тешила мысль, что, если что печальное случится, известили бы родителей.

Были случаи, когда погибал кто-либо из деревянковцев; тогда с нарочным, с самой Линии, доставляли лошадь казака и все вещи, что сохранились. Если пропадал без известия кто, с кордона писали письмо в канцелярию с известием и уведомлением.

Дело было уже под вечер; решили заночевать у знакомых переселенцев, соседей из Левобережной Украины. Земляка звали Вовк Иван Семёнов. Семья его была небольшая, достаток позволял приютить соседей в просторной хате. Вечером Степан делился планами на этот год: что ожидает от урожая, чем хочет промышлять для пропитания. Иван заинтересовался рыболовством, как Степан это делает, не имея громоздких сетей и вентерей. Даже попросился в следующий раз самому попробовать ловлю через коты. Договорились через неделю встретиться на хуторе и на пару дней выехать на лиман.

– Можэ я с сынамы, Карпом и Васылем прыиду, ны шуганэшь нас? Можэ усю рыбу словым… – пошутил Иван.

– Рыбы богато, на всих хватэ, тильки потрошыть и коптыть надо на мисти, шоб ны пропала.

Утром Степан выехал ещё ненадолго на площадь, продал остатки горшков, а рыбу сдал по сходной цене перекупщикам. К его телеге подходили ребятня и взрослые, спрашивали:

– Дядько, Вы якось прывозылы свыстульки таки голосисьти, можэ ще маетэ?

– Да ни, сегодня ныма, можэ в другый раз будуть.

Наталка и Арина с улыбкой переглянулись. Вот и ещё одна забота – свистульки лепить.

С обеда выехали домой. Лошади, не обременённые тяжёлым грузом, резво бежали рысью. Привезли на хутор Галки гостинцев – конфет из патоки и микстуру от кашля для Ефросиньи (накануне та жаловалась на заложенность в груди). Арина порадовала стариков, что Терентий теперь крестный её сына.

На хуторе у Олеси и Якимки всё было благополучно, вышли радостные навстречу телеге. Арина порадовала сына леденцом на палочке. Степан сказал, что леденец этот имено Якимке передал зайчик по дороге.

Всю неделю Степан возился в поле, корчевал от терновника новые площадки, готовил под пашню почти три десятины. Очень хотелось посадить пшено, мешок которого прислал ему с лошадьми Пётр с Линии. В письме сын написал, что просо – это основная зерновая культура у черкесов; даёт большие урожаи, и из него получается вкусная каша.

Через неделю приехал на хутор земляк Иван Вовк с сыновьями. Накануне, помня уговор, Степан верхом на лошади побывал на лимане и поправил коты. Кроме старых, сделал в подходящем месте еще три коты. Очень прибыльно оказалось продавать вяленую рыбу перекупщикам: затрат времени мало – выпотрошил, солью засыпал, в нужное время прополоскал и вывесил на сквозняке для вяления. Как всегда, часть

рыбы коптили в самодельной коптильне на хуторе.

С раннего утра выехали тремя телегами к Сладкому лиману. Только приехали, сразу вытащили из ловушек большое количество крупной рыбы. Мелочь просто тут же выпускали в воду.

Пока потрошили и солили в тени раскидистой вербы, солнце перекатилось на вторую половину дня. Быстро сварили тройную щербу из разных видов рыбы. С удовольствием поели и прилегли немного отдохнуть. Уже перед закатом снова обошли ловушки и снова набрали большое количество крупной белорыбицы. Решили выпотрошить и засолить эту партию, а наутро отобрать крупные экземпляры для копчения.

Так и сделали, но наутро в ловушки зашло столько разной рыбы, что пришлось задержаться, чтобы выпотрошить и чуть просолить свежий улов.

Вернулись на хутор, когда смеркалось. Провозились с копчением почти до утра. Поделили утром всю рыбу пополам, и довольный Иван с сыновьями уехал в Деревянковку.

Радовался Степан удачной рыбалке и строил планы на будущее. Что прикупит ещё немного скота и скоро сможет сам торговать и сырами, и окороками, и живой скотиной, полученной от приплода. Степан недаром часто расспрашивал знающих людей, как готовить окорока, чтобы были неповторимо вкусными. Мало просто провялить или прокоптить окорок, нужно ещё и травами душистыми и кореньями нашпиговать, чтобы от запаха и вкуса слюнки катились.

Случайно в нижней части балки он обнаружил в дуплах рои диких пчёл. Кажется, стала осуществляться его мечта – иметь свою пасеку. Долго возился Степан со спилом этих деревьев, – чтобы не спугнуть рой и перевезти спилы с ульями поближе к хутору, под большие дубы на склоне балки. Степан накрыл плотными холстами ульи, чтобы пчёлы успокоились. Через время установил поилки со сладкой водой возле каждого улья, помазал этой водой и сами летки, и пчёлы постепенно привыкли к новому месту. Через неделю обрадованный Степан заметил, что пчёлы летают в луга и возвращаются к ульям с полными взятками.

Любую свободную минуту Степан вдвоём с Наталкой ходил в степь и заготавливал сено на зиму. В хозяйстве прибавилось скота, и хотелось, чтобы коровы и овцы не голодали. Лошади могут и сами добыть корм из-под снега, но на всякий случай делали запасы побольше. Рядом с хатой Степан из жердей выстроил большую просторную клуню для сена, с таким расчётом, что она будет защищать хату и сарай для скота от ветров.

Так и прошло лето в хлопотах, заготовках дров и сена. Уборка хлеба порадовала семью: и пшеница, и кукуруза, даже просо уродились на славу. Обработанное зерно не помещалось в большой склад в склоне балки, и часть урожая пришлось продать с условием, что купцы приедут на хутор сами. Это снизило цену, но Степан был рад сделке. Все удивлялись, почему в балке у Степана урожаи гораздо больше, чем у других хуторян. Но Степан давно приметил, что в широкой балке ночные росы гуще, и ветра не так изнуряют зноем посевы, как наверху, на просторе.

Степан с Наталкой уже несколько раз посещали сватов на соседнем хуторе. Дела там шли не ахти. Посевы хлеба – маленькие. Никите тяжело ходить за плугом, а нанимать пришлых работников – нет лишних денег. Наталка хлопотала по хозяйству, помогала Ефросинье прибраться в хате, стирала, чинила одежду. Она уже чувствовала себя здесь хозяйкой. Ждала Терентия и делала всё, что подобает невестке.

Степан помогал чинить камышовую крышу хаты, поправлял изгородь из камыша, что порушилась местами. Тут же по вечерам они с Наталкой ходили на охоту, стреляли дроф и фазанов: заготавливали на зиму вяленое мясо и коптили, по возможности.

Наталка довольно сносно научилась стрелять из ружья и иногда столько дичи добывала, что Степан дивился. В таких случаях Наталка звала отца на помощь, будучи не в силах дотащить добычу.

Дичь делили пополам. Свою долю отвозили телегой на свой хутор, а вторую подвешивали под сводом погреба у Никиты.

Между тем, то ли знахарка помогла ворожбой, то ли отвары из трав, что давала Арина Мишке, но ребёнок стал спокойнее. Уже не было по ночам судорожных приступов. Арина каждый день молилась за сына, и здоровье его действительно улучшалось.

В Деревянковке

Уже под осень пришла обнадёживающая весть: на Линии устоялись тихие дни, набеги горцев уменьшились, а часть аулов совсем отселилась вглубь гор. Может, скоро приедут домой казаки, отслужившие год на границе…

На площади поселения урядник каждый день занимался с молодыми казачатами фехтованием на шашках. Несколько часов занятий – пешим порядком, потом – на лошадях; владение шашкой, рубка лозы и сбивание пикой кабаков, нанизанных на пруты.

На занятия казачат собирали всех, от малых до старых. Любой промах или удачный приём обсуждали тут же. Более всех отличался молодой казак Семён Головко. То свалится с лошади, то не попадет по пучку лозы. Да и походка у него была неуклюжая, будто медведь переваливается с боку на бок. Прозвали Семёна Колобком. Когда Семён шёл пешком домой, под ноги ему бросали хворостину, и неловкий парубок, как правило, спотыкался и падал. Дома отец жалел Семёна, пробовал с ним заниматься чем-то похожим на гимнастику, но эта наука давалась Колобку с трудом.

Единственное, чему научился Семён, – быстро реагировать на любые выпады в его сторону. Позже, когда он попал на кордон в пластунский отряд, в одной из засад на вражеской тропе его быстрая реакция спасла всех от гибели превосходящего отряда абреков. Он очень быстро владел кинжалом и в рукопашной сразил сразу троих. Со стороны Семён был, действительно, похож на колобка, который, не выпрямляясь во весь рост, боком откатывается от одного черкеса к другому, быстро нанося смертельные удары. Черкесы испугались стремительности пластуна и его неуязвимости, отступили и больше по этой тропе не ходили.

На кордоне

Пётр и Терентий, по-прежнему, несли службу на Ново-Екатериновском кордоне. Часто их отряд ходил в разведку за Кубань. За рекой они проводили много времени. Оба могли очень хорошо маскироваться, понимали язык птиц и зверей. Казалось, они – часть природы. Одежда их специально была изготовлена так, чтобы не выделяться в камышах и бурьянах. Оружие маскировали лохмотьями, и только когда вынимали клинок из ножен, казалось, что сверкнула молния, но это сверкание не всегда могли заметить враги.

Несколько раз отряд захватывал пленных. Приводили их на кордон, и офицеры пытались дознаться, какие козни готовят предводители горцев. Однажды пластунам попался богатый черкес, сопровождаемый пятью слугами. Пётр сразу определил, что нужно уничтожить слуг и взять князя в плен. Долго бились на узкой тропе. Черкесы не хотели отступать, и казаки стояли упорно. Терентий изловчился и накинул аркан на князя. Сдёрнул горца с коня, и казаки быстро его связали. Собрав лошадей и трофеи на поле боя, спешно отправились на кордон.

Князь оказался важным лицом. После долгих переговоров решили отправить его под усиленной охраной в Екатеринодар. Трофеи казаки поделили между собой. Княжеского коня отдали уряднику, а остальных распределили между собой. При князе было много золотых монет; по распоряжению урядника половину казаки поделили между собой. Это не считалось зазорным. Добытые в честном бою трофеи всегда делили среди победителей.

Возвращение домой

Уже на Покрова пришёл приказ деревянковским казакам ехать домой. Все пришедшие год назад на кордон деревянковцы были живы, легко раненых было двое, но они даже в лазарет не обращались. Довольные, на лошадях, с богатыми трофеями казаки ехали домой. Оружие не прятали: в степи иногда шатались небольшие разбойничьи банды абреков. И только на второй день, приближаясь к реке Челбас, где располагались Каневской и Деревянковский курени, казаки немного успокоились.

Вот уже и хутора окрестностей Каневского куреня. Пётр и Терентий с волнением пустили лошадей рысью. Оба знали, что в семьях могут быть изменения: у Петра родился ребёнок, у Терентия родители были очень старыми, и он боялся не застать их в живых. Переправились через Челбас недалеко от Казачьих лагерей поздно вечером. Решили заночевать в Деревянковке, потому что срывалась позёмка, и в степи уже рыскали стаи волков. Вдвоём было рискованно скакать через степь. Остановились у одного из служивших с ними казака. И удачно: родители казака хорошо знали Степана, отца Петра. Недавно на ярмарке они разговаривали и знали многие новости, как о семье Петра, так и про стариков Терентия. Немного успокоенные, казаки уснули в предвкушении близкой встречи с родными.

Утром Олеся проснулась в предчувствии чего-то радостного, торжественного. Она готовила на стол и напевала:

Не сходило вранци сонэчко
Хтось постукав у виконычко,
Виконычко видчинялося –
Я молода дивувалася.

Прылытила дрибна пташэчка.
Чи то пташэчка щебэтушэчка,
Чи то пташэчка щебэтушэчка,
Чи казаченькова душечка.

– Ой, шось мамо чуе гарни вести, – пошутила Наталка, – мабуть надо пироги в грубки готовить.

– Да, шо цэ ты распивалась? – удивился и Степан.

А Олеся только улыбалась в ответ. Она сама не могла понять, что с ней происходит. Её настроение передалось постепенно всей семье. Быстро поели и разошлись, каждый по своим делам. Степан с утра настроился пойти на охоту. Рано утром, управившись со скотиной, он, довольный, оглядел двор и пространство вокруг хутора – везде был порядок, всё прибрано, аккуратно расставлено. Лёгкая пороша была даже на руку охотнику. Все звери сидят себе по укромным местам, а если кто и пробежит в поисках корма, то недалеко, и следом укажет, где притаился. Хотелось добыть Степану пару лисиц, да зайчатины к обеду. Собирает охотничьи припасы в сумку и слышит, что теперь Наталка со двора задушевно запела:

В зэлэн-гаю зозуля кувала,
Дэ я квитку кохання шукала,
Дэ я долю дэвочью гукала,
Бо чи любыш мэнэ я ны знала.

Ой ты долэнько, дэ ж ты буваеш?
Чи в зэлэному лиси блукаеш?
Чи у поли для мэнэ збираеш
Травы, росы в вэсильный винок?

– Шо цэ с бабами робыться? – удивился Степан.

Вышел к кургану – он накануне видел в том краю рыжую лисоньку, – но ветер дул прямо в лицо, и повернул Степан вниз к балке, к лесочку. Вдруг слышит – издали будто выстрел… Присмотрелся против летящего навстречу снега, – вроде всадник мчится к нему. Остановился, присматриваясь. Да это же Пётр, сын дорогой, на лошади скачет и из пистолета вверх стреляет!

Вмиг доскакал до Степана, на ходу соскочил с лошади и обнял отца, чуть не придушил.

– Усэ, батько! Я до дому приихав, пишлы в хату.

– Так ось чого матэ твоя распивалась з ранку, – улыбнулся Степан.

Спустились по склону в балку, навстречу уже бежали расхристанные Арина и Наталка. Налетели на Петра, чуть с ног не сбили. И плача, и смеясь, вели его под руки в хату. Степан тем временем разнуздал лошадь, завел её в теплый сарай и наложил в ясли сена.

Поспешил сам в хату, боясь, что это сон, радуясь всем сердцем.

В хате Пётр, чуть согрев руки, подбрасывал к потолку сыновей, по очереди целуя и щекоча усами. Малыши дичились, вырывались из рук.

Степан с удивлением рассматривал одежду Петра. За полгода до возвращения домой в крепости многие казаки стали носить одежды черкесов. Они были удобно скроены, красиво выглядели на казаках. Черкеска, а сверху бурка придавали особый молодцеватый вид казаку. На поясе, украшенном серебряными бляшками, висел красивый кинжал, перешедший от дедов по наследству. Выглядел кинжал совсем по-другому – изящнее, красивее, чем засунутый за кушак. Газыри черкески, где прятались патроны, оторочены серебряными поясками. В общем, Пётр имел вид настоящего красивого молодцеватого рыцаря. Чёрные усы его свисали до подбородка. На голове, по обычаю запорожцев, был чуб, оселедец.

Наталка, Олеся и особенно Арина глаз не могли оторвать от красивого стройного Петра.

– Шо таку форму дають казакам? – спросил Степан, ни разу не видевший черкесов.

– Та ни, цэ мы займалы у черкесив, так зручнишэ.

Олеся уже хлопотала у плиты. Шкварчало мясо. Наталка тут же, возле печки, общипывала гуся. Степан пошёл в большой склад, что в склоне горы, отрезал добрый шмат окорока, нацедил в графин терновой настойки и, прихватив пару колец домашней колбасы, отнёс всё это в хату. Только появился на пороге, а Олеся его послала снова за мочёными яблоками и капустой.

Пётр сидел в красном углу под иконами, держал на коленях сыновей и время от времени целовал их в маковки. Арина, красная, как роза, носилась по хате, ставя на стол разные припасы. Когда она успела переодеться, Пётр даже не заметил. Атласное красное пла-

тье туго охватывало её фигуру, подчеркивая высокую грудь и румянец на щеках. Пётр не мог оторвать глаз от красавицы жены. Наталка расспрашивала его о Терентии: как он? Тоже вернулся, жив, здоров ли? Пётр сказал, что Терентий с родителями обещал приехать завтра к обеду.

– Так шо готовься, Наталка! Будэмо тэбэ за Терентия отдавать. Хватэ ему холостому блукаты.

Наталка от слов Петра смущалась и радовалась в предвкушении скорой встречи с суженым.

За столом, по обычаю, Степан встал, держа в правой руке стопочку с терновкой, и сказал, как молитву, как пожелание:

– Господы Божэ, спасыби за тэ, що даеш нам сылы и здоров'я на справы благи! Спасиби Мыколи Догидныку, що сын прыйшов з вийны жывой и здоровый! Спасыби за тэ, що Рид наш продовжуеться и господарство мицние. Будуть сылы, мы будэмо намагатыся жыты так, щоб диты наши и онукы пам'яталы нас добрым словом! Аминь!

Выпили все, даже Арина пригубила наливочки немного и тут же прижалась к Петру. Спрятала лицо своё у него под рукой.

Пётр расспрашивал, как тут жили, что нового на хуторе и у соседей. Его интересовало буквально всё. Видно было, что очень соскучился казак по мирному труду. Обсуждали с отцом, что нужно сделать в ближайшее время по хозяйству.

Но родных тоже интересовала жизнь на Линии, чем занимался там Пётр, да и Наталка, всё время смущаясь, спрашивала про Терентия, как там он воевал.

– Ось завтра всэ сам скажэ твий коханый, – с улыбкой отвечал Наталке Пётр.

Долго Пётр рассказывал, что пришлось пережить в дальнем краю. И про засады, и про то, как бились с неприятелем, и про геройство наших казаков.

Наутро стали готовиться к приезду гостей. Предполагали, что прибудут они на санях к обеду. Пётр и Степан решили пораньше пробежать вдоль балки, поохотиться, свежатинки-дичинки к столу добыть. За пару часов, действительно, добыли трёх зайцев и одну лису. Лису, как и предполагал Степан, подняли возле кургана и, обойдя с двух сторон то место, где она притаилась, ловко подстрелили. Будет Наталке воротник на приданое.

Когда вернулись в хату, женщины крутились, как белки в колесе. Жарили, варили, готовили новую посуду на стол (Степан летом нарезал тарелок, чашек и ложек из липы, что росла внизу балки, Наталка их разрисовала узорами, и получилось очень празднично). Пётр смотрел на красивые чашки и ложки и удивлялся талантам сестры и отца.

Ему тоже иногда хотелось взять уголёк и нарисовать то, что привлекало его внимание, будь то цветок или кто-то из его товарищей. Даже несколько раз он на кордоне делал рисунки-портреты урядника и пленного черкеса, так сильно поразили они Петра своим обликом. Урядник лицом был бы красив, если бы не огромный шрам, шедший наискось от правого виска через нос к подбородку. От этого становилось немного жутко – черты лица как бы застыли, две половинки смотрелись отдельно друг от друга. Черкеса рисовал на одном дыхании. Несмотря на многочисленные раны, полученные в бою, тот сохранял невозмутимость; окровавленные лохмотья пленника как бы подчёркивали его мужество. Но в душе Пётр стеснялся своих рисунков, он считал это похожим на детское баловство.

Кроме семейства Галки, приехал дальний сосед Нечипоренко, прознавший о приезде казаков с войны. Он привёз в подарок шкуру волка. Одиночество донимало Нечипоренка, жил он бобылём и был рад развеяться в гостях.

Когда Терентий разделся, оказалось, что на нём тоже красивый наряд: черкеска, кинжал на поясе, алая рубашка в вырезе черкески. Наталка глаз не могла отвести от красавца жениха. Терентий смутился от её восхищённого взгляда, при всех приобнял и поцеловал Наталку. Все радостно заулыбались, видя такую картину.

По распоряжению Олеси расселись на указанные места: старики – в красном углу, Пётр и Терентий – по обе стороны от них, Нечипоренко посадили на противоположном краю стола. Женщины подавали на стол, но Арина и Наталка время от времени садились рядом со своими любимыми и не могли нарадоваться их возвращению. Олеся и Степан на правах хозяев ухаживали за всеми. Наконец-то расселись, и Степан, стоя в красном углу, попросил поднять стопочки за радость, пришедшую в дом, за воинов, оборонявших от злых ворогов нашу землю. Недолго гости вкушали угощения. Чуть осмелев от наливочки, Олеся и Наталка запели украинскую песню о доле женской, зависящей от казака-воина, постоянно пропадающего в походах. Жалостливая протяжная песня так растрогала всех, что даже Никита и Степан украдкой вытерли по слезинке.

– Шось журбу спиваетэ, – не выдержал Нечипоренко, – заспивайтэ таку писню, шоб ногы нэ стоялы.

Наталка встрепенулась и запела, искоса посматривая на Терентия:

Якбы в лиси грибы нэ родылы
Якбы дивкы гулять нэ ходылы?
А я чорнява, гарна, кучерява
Грибы нэ збырала, с козаком гуляла.

Якбы в поли нэ цвила калына,
Якбы в батьках нэ росла дивчина?
А я чорнява, гарна, кучерява
Росла-выростала, парубкам моргала.

Якбы дивкы вэчорами шилы
На вулыцю гулять нэ ходылы?
А я чорнява, гарна, кучерява
Шила, вышывала, хлопцив чарувала.

З того часу нэ маю покою
Бо за мною – хлопци чэрэдою
А я чорнява, гарна, кучерява
Работяща, брава, хлопцям отвичала:

Ой, вы хлопци, нэ робить морокы –
Е у мэнэ хлопыц чорноокий
А я чорнява, гарна, кучерява,
Його цыловала, рушником вязала.

Смутилась в конце и опять прильнула к Терентию. Радостно было смотреть на красивую пару и Степану с Олесей, и Никите с Ефросиньей. Сердца их наполнялись любовью к детям и надеждой на близкую свадьбу.

Вновь отдали должное кулинарному искусству Олеси и Наталки. Жареная зайчатина сменилась сочным, чуть прикопчённым окороком. Немного перекусили, и Олеся каждому налила в глубокую миску отливающую янтарём щербу. Приготовленная из рыбьих голов, молок и икры уха была настолько вкусна, что многие глазами ещё ели бы, да живот не принимал.

Вышли на улицу проветриться. Нечипоренко попросил Степана показать приплод от овечек. Гурьбой мужчины пошли смотреть скотину, а женщины тем временем прибрали немного на столе, выставили узвар из дички груши, медовые коржи да орехи с мёдом. На большом блюде порезали солёные арбузы. Уродило их немного, но Олеся смогла с десяток засолить в бочках с капустой. Очень кстати пришлись эти сладкие, немного хрумкающие под зубами, как игристое вино, шибающие в нос кавуны. Наталка с Ариной сварили накануне сбитень из мёда и сейчас, охлаждённый, он был соперником узвару.

Пришли с мороза казаки, с усов отёрли сосульки и подивились богатству сладкого стола.

– Ну шо, можэ хватэ дывыться на пырогы, давайтэ хлопци ще по стопочки тэрновки, да чаю покуштуемо, – пригласил к столу Степан.

Короток осенний день, вроде, недолго и сидели в гостях, а пора разъезжаться. Терентий запряг отдохнувших сытых лошадей и теперь, пока старики усаживались в сани, стоял, о чём-то шептался с Наталкой. Ещё в хате за столом сваты решили справить свадьбу молодым к новому году.

Нечипоренко верхом на лошади ускакал, уехал и Терентий с родителями. Степан пошёл в сарай – управляться со скотиной, а женщины убирались в хате. День прошел действительно в праздничном весёлом настрое.

Дети уже спали, когда взрослые сели ещё раз выпить чаю. Впечатлений было много, не хотелось сразу укладываться спать. Тянуло поговорить, обсудить новости.

Продолжение следует.

Наш гость

Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ

Полёт души... Лето

Там, где грозди ягод винных,
Зреет пламенный кизил,
Кипарис своей вершиной
Небо синее пронзил.

Где гуляет вольный ветер
Меж вершин высоких гор,
Небосвод высок и светел
И безудержный простор...

Там душа, расправив крылья,
Пролетает над землёй,
Обретая в этой шири
Очищенье и покой!

Мозаика осенних листьев

На мокром зеркале асфальта
Опавших листьев полотно
Лежит блестящей пёстрой смальтой,
Как мозаичное панно.

Художник-осень над картиной
Работает и день и ночь,
А серый дождь и ветер синий
Стремятся осени помочь.

Богатая палитра листьев
К себе притягивает взгляд.
Ещё чуть-чуть и все «мониста»
До долу тихо облетят.

Душа природы замирает
В предверье зимних холодов,
И мягко землю устилает
Богатый лиственный покров.

Зима раскрасит бледной кистью
Природы мертвенный покой...
Мозаику осенних листьев
Сметают дворницкой метлой.

Беззаветная любовь

Май бушует за окном,
Хорошо с тобой вдвоём
Согревает нас любимый,
Нами выстроенный дом.

Снова птицы прилетят
В наш чудесный майский сад,
И черёмух разольётся
По округе аромат.

А ещё совсем немножко,
И помчатся по дорожкам
Наших деток долгожданных,
Резво-радостные ножки.

И в дальнейшей жизни нашей
Станет лучше, станет краше,
И в житейском этом море
Никакой нам шторм не страшен.

Воплощеньем чудных снов
Служит нам без лишних слов
Согревающая душу
Беззаветная любовь!

Ожидание

По вечерам печальный звон
Плывёт над сонною рекой.
В моей душе рождает он
Невообразимый непокой.

Сжимает грудь мою тоска,
В разбитом сердце – боль и грусть,
И вновь – поднятая рука,
Чтоб снова на часы взглянуть.

Так обостряется мой слух,
Что в предвечерней тишине
Я слышу, как роняет пух
Наш старый тополь во дворе.

Тебя я вечно ждать готов
Назло разлучнице-судьбе
Среди невзгод, среди ветров
И поминать в моей мольбе:

«А ты меня не обмани,
Тебя прошу я, будь добра,
Ведь ожиданием полны
Мои больные вечера!»

Виолетта

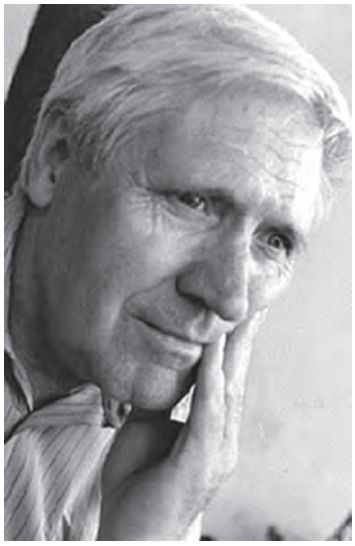
Тихий, светлый, августовский вечер.
День последний лета уходящего.
Ты стоишь, обняв себя за плечи,
Стройная, красивая, манящая.

В платье фиолетового шёлка
Ты пришла сюда со мной проститься.
Из-под фиолетовой заколки
Водопад волос твоих струится.

Скоро осень сменит краски лета.
Листья разбросает по крыльцу.
Летом очень моден фиолетовый,
И тебе, конечно, он к лицу.

Жаркий свет багряного заката,
Слившийся с небесной синевой.
Ранит сердце близкая утрата
Связи между мною и тобой.

Мне с тобой расстаться очень жалко,
Долго буду помнить это лето
И тебя, красавицу-фиалку,
Ту, что носит имя Виолетта.



Наш гость

Геннадий Григорьевич Пошагаев родился 14 августа 1941 года в Краснодаре. После войны воспитывался в детдоме. Окончил Таганрогское училище. Работал на авиационном заводе сборщиком-клепальщиком, после службы в армии – грузчиком, экспедитором, сукновалом, прессовщиком, стропальщиком на Урале в леспромхозе, фельдъегерем спецсвязи, кочегаром. Играл в эстрадном оркестре на трубе. Член Союза писателей России с 1992 года. Автор восьми книг. Произведения Пошагаева включены в учебное пособие «Литература Кубани» – хрестоматия для 5-х и 10-х классов. Награждён памятной медалью «За труды в просвещении».

Геннадий ПОШАГАЕВ

ЧЕЛОВЕК-ЧУДАК

– Друзья! Я приветствую… Рад всех вас видеть, – сказал Шапочкин и оглядел вспотевших чумазых механизаторов, только что отобедавших, сидевших в тени под деревом за длинным стволом. Сам гость – литератор из Барнаула, щупленький, с растрёпанными волосами и уже давно немолодой. Но с каким неудержимым задором спешил обратиться к присутствующим:

– Дорогие земляки!..

– Ну-ну, – хрипло откликнулся на другом конце стола ездовой Митрофаныч, – шо скажешь, дорогой браток? Не робей, мы слухаем!

Услышав смешки, управляющий отделением вытянулся и пригрозил развозчику кухни кулаком: дескать, выискался комментатор!

Шапочкин не придал значения реплике ездового, понимающе улыбнулся и, вынув из симпатичной папки книжечку, красиво оформленную, подождал, когда люди успокоятся, и не без гордости заметил, что в этих местах, где они убирают хлеб, в этом же селе прошло его раннее детство.

– Ну так и шо, шо здесь вырос?! – не удивился Митрофаныч. – И мы здешние, сельские…

На старика зашикали.

Не обижаясь на говоруна, Шапочкин вкратце поведал о содержании своих сочинений. В них, объяснил он хлеборобам, рассказывается о людях, близких его сердцу. Также немало страниц уделено детству послевоенному, в частности, имеются сценки, где он не без тёплого юмора описывает, как с дружками совершал набеги на сады.

– Тьфу… удивил чем, – ржаво проскрипел ездовой, не скрывая разочарования. – Наши босонята и доси шныряют по тем садам, горя не знают! По мне, помню… солью як залепил дед Моисей, когда ещё сосунком мотался, в трусах по колено, так морду и переворотило! Чесался, выковыривал заряды. Водой из лужи наплёскивал, чтоб не разъело. А руки… во как дёргались! Так и в штаны наложил, учкур из резинки не выдерживал, стягивалось… С братом потом мстить надумали, хотели спалить моисеевский гусятник, да матка пронюхала о наших планах, не дала попартизанить, лозиной отстегала… Так шо, извиняемся за перебивку лекции, милый гость! Ну и шо, шо выбегали по садам?! Договаривай, землячок…

Управляющий нервничал и, разминая потёртые джинсы, всё больше переживал за Шапочкина: рассобачился Митрофаныч, никакого тормоза!

– В таком случае, – молвил Шапочкин, теряя уверенность и несколько сбитый с толку, – я с вашего разрешения перейду к делу. Две-три главки зачитаю, они коротенькие…

– Так это личное Ваше дело, конечно, – не переставал встревать бесцеремонный Митрофаныч.

– Эти сценки, – продолжал Шапочкин, – напомнят вам о трудных годах, пережитых нашим поколением. Была война, и то испытание, какое выпало на долю моих сверстников, всё, что мы вынесли на своих плечах, думаю, не забудется. Любили шалить, разумеется, на то и детство, но умели уважать, почитать старших…

– Оно и сейчас ничуть не легче, – вклинил-

ся ездовой, – учиться не хотят подростки, безобразничают, жвачки мусолят.

– Да помолчи ты, Шлёп-нога! – кулаком грохнул по столу рядом сидевший с ним рыжий длинный жатчик в клетчатой рубашке. – Бубнишь тут под ухом…

Пожав плечами, Митрофаныч прижух. Его в бригаде так и называли: Шлёп-нога. Что-то тяжёлое нёс в мешке, и на мостике при переходе ерика нога провалилась в том месте, где досточка была подгнившая, с тех пор и шлёпает ногой…

Тихо стало за столом. Шапочкин сладким, ровно льющимся голосом читал, похоже, выбирая самые занимательные страницы. Душно пахло соломой, с рыжих полей тянуло калёным жаром, от которого млела листва на деревьях…

Слушали литератора-земляка, вроде бы, внимательно, но после плотного обеда из трёх блюд некоторых неодолимо клонило в сон. И угрюмоватый, лобастый управляющий, возмутившись, цыкнул на двоих, которые собирались поиграть в домино.

– Митрофаныч! – гаркнул на главного зачинщика. – Неужели тебе не интересно послушать, что человек пишет о нас и о тех, кто после войны здесь жил?! Это же напечатано, в Москве издано…

– Да слухаем, – зевая, пренебрежительно отозвался ездовой, – пусть тарабанит…

– Ну вот ты, – не успокаивался управляющий, которого задело небрежение ездового – ты же, наверное, застал пекаря Фука…

– Трошки припоминается, – неохотно произнёс Митрофаныч. – Гонял пацанов у входа в клуб, если кто пролезал у его жинки-билетёрши между ног, чтоб в зал прошмыгнуть и бесплатно кино поглядеть. Ольгой звать, вспомнил…

– Вот видишь! – оживился управляющий – так почему бы не послушать о пекаре…

– А шо слухать, – отмахнулся ездовой, – если пекаря давно нема в живых! Жинка изменяла ему, скрючилась потом, перенесла тяжёлую операцию, а после и под машину добровольно кинулась. Она тогда здорово влипла, Ольга! Фук не дурак, потихоньку тоже ухмыривал. В сельсовете сидела размалёванная фифочка, забыл, как её… Бумаги всё печатала, кофточки носила прозрачные, любила дойки напоказ выставлять. Ну, эта больше важничала, с высшим образованием… Ага, Фук поигрался с нею. Баб он любил обхаживать конторских, особенно не упускал статных, а всё равно на горбатой попался! Оба лечились тайком в городском диспансере. Учётчица из соседнего хутора, такая небольшая росточком. Может, кто и помнит. Низенькая, задним местом дюже виляла, и он, чурка, позарился…

Тишину июльского пекла разорвало смехом, и сонную одурь как рукой сняло. Митрофаныч притих, косоглазо присматриваясь к лицам повеселевших загорелых механизаторов, и, подбадриваемый долго не умолкавшим хихиканьем, вдруг поднялся из-за стола и направился к Шапочкину.

– Вы трошки, вижу, обиделись… Извиняюсь, браточек, если шо сморозил. Я по поводу того, шо в книге наверчено. Насчёт Артамоновой, доярки, брехать не буду – не помню. Перебрался я сюды в конце сорок седьмого, а мачеха ваша, что вас усыновила, я понял, годом раньше умерла, и вы после её захоронения сбежали из наших мест хлопчиком… Не отрицаю, может, и была Артамонова, Царство ей Небесное, ну а взять отдельно судьбу Фука, тот натурально существовал, и вы верно зафиксировали факт! Не спорю, действительно Ольга изменяла ему! И то правда, что под полуторку сунулась. А вот сколько хахалей перебывало на её хате, вы почему-то цифру не указываете…

Механизаторы покатились со смеху. Расстроившегося Шапочкина потом прошибло: впервые он сталкивался с таким привередливым слушателем, вызывавшим досаду.

– Идея ведь в чём заключается, – улыбаясь через силу, пытался он объяснить старику, – тут нравственность и подобные уточнения совершенно ни к чему. Сколько любовников, того и другого…

Ездовой сожалеюще вздохнул:

– Понимаю, трошки задел самолюбие, и внутри вас корёжит, хотя и молодцом держитесь, но… землячок, ты извини, если причинил боль! Можешь ругать, правильно, я ведь не ученый…

И, помолчав, старик заговорил радушнее:

– Вот если б ты, голубь сизый, написал, как я… – Митрофаныч обвёл механизаторов насмешливым взглядом, подмигнул им, – … как я курить отучивал сморчков, то вышла бы по-настоящему поучительная история. Еду, ага, на быках, цобцобэкаю, мост проезжаю и на гору забираюсь. А впереди, на повороте, гляжу: сынок Фука и его дружок-шпингалет притаились за кустиком шиповника и мельком по очереди выглядывают. Подъезжаю. Они повыскакивали – и ко мне. Дядь, клянчат, дай трошечки табаку пошмыгать! С налёту не соображу. Потом дошло, думаю: постой, ах вы ж соплячата… Вжарить бы кнутом! Ладно, смекаю, сейчас ты у меня завертишься, Фучонок, попляшешь, курвец малой, полечку.

«Курить захотели, детки?!» – помогаю им вникнуть в их бедственное положение и кхекхе… кашляю, прикидываюсь никудышным, мол, становлюсь немощным, хлопчики. Чего бы и не поделиться… Достаю кисет, свернул табачную самокрутку и даю, руку тяну. Фучонок побойчее, хвать первым цигарку, а я наклоняюсь и другой рукой, в которой плеть, да по губам! Враз губа вздулась, заслюнявилась… Ох, и орал! Больше и не просили с тех пор! Запиши в книгу, – и будут читать. А то, что у Ольги раскаяние наступило и её совесть мучила, что изменяла мужу… фигню намолол! Ну кому ты мозги сушишь?! Она до конца гуляла, до самых последних дней таскалась с одним-другим, пока под грузовик не угодила! Вырезали желудок, потому и жить не захотела…

...Было теперь не до смеха, и механизаторы переглянулись между собой, чувствовали себя неловко перед Шапочкиным, выглядевшим подавленным. Думали, ну всё, выдохся пустомеля Митрофаныч, раз зашлёпал к столу, чтобы присесть. Ан, нет, повернулся и опять захромал к литератору.

– Допустим, если ты и в курсе, милок, – проскрежетал, останавливая рукой Шапочкина, не давая тому опомниться и что-то сказать в оправданье. Бегло осмотрел механизаторов. – Ну, вот… хорошо, кто тут из рыбаков заядлых отгадает: почему ёршика никакая другая рыба не заглотнёт, какая бы ни была хищная?! А я скажу… И хотел бы по этому случаю привести земляку ещё один занимательный сюжет. Опять, значит, погнал быков купать на речку. Приползаем туда, рогатые помычали и в воду полезли. Я тоже окунулся. Смотрю, а возле меня вода бурунами играет, – и как подбросится что-то! Глазам своим не верю, братцы, гляжу. А это щука… пасть зубастую раззявила! Да такая ж кобыла здоровенная, что я…

– Опять, небось, в штаны наложил! – поддал кто-то ехидно.

Но старику было не до смешков и подковыристых намеков, норовил вспомнить всё, как происходило:

– Я от неё, а она, зараза, ко мне подчаливает и пасть, главное, не захлопывает! Запугать решила! А потом рассмотрелся, – вижу ёршика в её пасти, маленького дурачка! И не пойму, как же он ухитрился застрять поперёк глотки! Видать, плавниками исколол щуке нутро, и той больно, где жабры – посинело, аж почернело! Думаю, хана щуке, и она вот, верите, как вот сама просит: помоги! Я тогда, недолго думая, беру с телеги лопату подборную, размахнулся да кэ-эк бабахнул по черепку, так кувырком и ляпнулась брюхом об воду! Вот… вот о чём писать надо, дорогой приезжий браточек! Ушица отменная получилась!..

Смех разобрал механизаторов: ну и дошлый старик! И управляющий не удержался, со всеми посмеялся от души. Однако не поддержал их весёлого настроения и, спохватившись, оборвав неучтивого старика, раскричался на ездового:

– Довольно, хватит тебе юродствовать! Смотри, какой деятель, заговорил человека! То по зубам ребятишек шваркал, то щуку долбанул! Ну… садист какой-то! Кому это нужно, чтобы такое читали?! Всё, время истекло, господа-товарищи, поднимайтесь и идите работать, раз не хотите духовно развиваться…

С виноватым видом, вразвалку подошёл к Шапочкину, развёл руками, мол, понимаю и сочувствую:

– Времена сейчас другие наступили, потому никому и дела нет до культуры. И вы не обижайтесь. Люди обозлились на новые порядки, на перестройку, никого не боятся, особенно Митрофаныч этот чудит… Приезжали тут от демократов двое из района, поучали колхозников, как жить при рыночной экономике, так Митрофаныч такое устроил… А народ в общем-то неплохой у нас, люди просто устали.

Вытерев пот со лба, управляющий пошёл заводить мотоцикл.

– Садитесь! Подвезу! – донёсся его голос, когда заработал двигатель.

Тяжело было на душе от случившегося, но Шапочкину достало сил и такта не обидеться на людей, и он поторопился к управляющему.

Их, окутываемых выхлопными газами, понесло в сторону села. Следом клубился шлейф мутной пыли.

Колхоз имени Калинина, бригада №?, 1964 год. Сидят: посередине – председатель Миронов В.П., второй слева – главный инженер Саяпин Ю.И., механизаторы бригады.

Вера моя православная

Ольга ЗОРИНА

НА ПУТИ К ВЕРЕ

В небывалом масштабе в 2014 году в Каневском районе, да и по всей стране, отметили Международный день православной молодёжи. Конечно, не пристало журналисту высказывать личное мнение о том или ином событии, его обязанность – сухо фиксировать факты и только; но всё же не могу не признаться, что радует это.

Радует, что государство повернулось лицом к Церкви, отделённой от него Конституцией; радует, что государство, получив в результате перестройки и «лихих девяностых» несколько «потерянных» поколений, осознало острую необходимость спасать поколения грядущие; радует, что светские и церковные власти пошли рука об руку в деле духовно-нравственного воспитания.

Радует, наконец, что в подготовке и проведении Международного дня молодёжи объединились администрации Каневского района и Каневского сельского поселения, храмы Каневского благочиния и различные молодёжные организации. И это породило цикл событий, интересных и поучительных для его участников.

День первый. Древняя святыня

13 февраля старшеклассники 1-ой и 2-ой школ, гимназии и лицея отправились в паломническую поездку в посёлок Лебяжий Остров Брюховецкого района – в возрождающуюся Екатерино-Лебяжью Николаевскую пустынь, старейший на Кубани казачий войсковой монастырь. Экскурсию организовали храм великомученика и целителя Пантелеимона, управление образования и молодёжный отдел районной администрации.

Жители Лебяжьего Острова бережно хранят историю обители и способствуют её возрождению. Каневских старшеклассников встретила Оксана Кравцова – руководитель клуба по месту жительства «Возрождение», действующего при поселковой школе. Школьники и селяне создали историко-краеведческий музей, иллюстрирующий историю Острова до и после разрушения монастыря. От великой пустыни уцелела лишь водонапорная башня 1909 год постройки… Осознать масштабы утраченного гостям музея помогают карта, картина и макет.

Экскурсионно-познавательная программа продолжилась мастер-классом. И школьники, и сопровождавшие их педагоги своими руками изготовили сувениры – бумажных голубей, символизирующих мир и любовь. Мультимедийная презентация представила эту птицу в качестве, многим не знакомом: в Православии в виде голубя предстаёт людям третья ипостась Святой Троицы – Святой Дух.

Уже зная историю монастыря, ребята с трепетом вошли в переоборудованное здание Дома культуры. Здесь совершаются богослужения, здесь живут монахи, несущие крест возрождения некогда многолюдной обители. Гостей благословил игумен пустыни иеромонах Григорий (Хоркин). Юные паломники поставили свечи, отыскали иконы своих святых покровителей.

Завершилась экскурсия за стенами обители. Гостям показали, где располагались разрушенные в начале прошлого столетия святыни.

День второй. Святыни Каневского района

14 февраля старшеклассницы СОШ №№ 1, 2, 3 и лицея побывали в четырёх храмах Каневского района. Началась экскурсия в одной из старейших церквей Кубани – каневском храме Покрова Пресвятой Богородицы. Девушек встретили помощник благочинного по миссионерскому делу иерей Михаил Пеньков и заведующая православной библиотекой «Возрождение» Елена Крапп. Отец Михаил напомнил историю храма и произнёс трогательную проповедь о христианской любви, а Елена познакомила гостей со старинными иконами.

О стародеревянковском храме Вознесения Господня рассказал катехизатор Андрей Шафоростов (ныне – штатный священник храма иерей Андрей Шафоростов); он обратил внимание на обустройство церкви и правила поведения в ней, поделился опытом работы приходского молодёжного клуба. Экскурсантов особенно заинтересовали Иверская икона Божией Матери и образ святой Параскевы Пятницы. Из храма автобус направился к святому источнику великомученицы Параскевы. Старшеклассницы соприкоснулись со святыней: попили воды из источника, омыли ею лица.

Далее путь лежал в Новодеревянковскую. Настоятель Свято-Никольского храма иерей Сергий Ядрушкин показал строящуюся церковь, воссоздаваемую по образу прежнего станичного храма, разрушенного в начале минувшего столетия. Затем отец Сергий пригласил школьниц в ныне действующую церковь. Внимание привлекли оригинальная колокольня в церковном дворе и необычайное количество старинных икон на стенах храма. С благоговением каневчанки приложились к частичке мощей святого Василия Блаженного. Священник беседовал с гостьями о необходимости сохранения духовной чистоты с самых юных лет и предложил им тематическую подборку приходской газеты.

Завершилась экскурсия в молодом каневском храме великомученика и целителя Пантелеимона. Сотрудница храма Ольга Зорина подчеркнула необходимость молитвенной помощи пациентам районной больницы, рассказала о служении сестёр милосердия. Руководитель епархиального отдела по делам молодёжи, настоятель храма иерей Александр Брижан пригласил старшеклассниц в духовно-просветительский центр «Фавор» –

на круглый стол, подытоживший богатый информацией и эмоциями день. Беседа получилась тёплой, неформальной, чему способствовало чаепитие, пришедшееся кстати после долгого пути. После заведующая социальной православной библиотекой «Слово» Елена Чичиварихина ознакомила девушек с содержимым книжных полок.

День третий. Под Святым Покровом

15 февраля старшеклассники и педагоги каневского лицея – около полусотни человек – побывали в храме Покрова Пресвятой Богородицы. Руководитель молодёжного отела Ейской епархии иерей Александр Брижан и помощник благочинного по миссионерскому служению иерей Михаил Пеньков отслужили молебен. Молодёжь держала в руках зажжённые свечи, мерцающие огоньки которых символизировали веру юных гостей храма.

После молебна священники рассказали лицеистам о празднике Сретения Господня и о том, что встреча с Господом происходит и сегодня – в сердце, полном любви, веры в Бога и готовности довериться Ему. Батюшки акцентировали внимание на том, что в юности душа наиболее уязвима для всякого рода влияний и искушений, а потому молодому человеку нужно особенно внимательно относиться к своей духовной жизни, чтобы в зрелом возрасте не сожалеть о содеянных ошибках и грехах.

В завершение встречи под сводами старейшего храма Каневского благочиния прозвучало поздравление Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Международным днём молодёжи.

День третий. Моя вера православная

…Старшеклассники школ, студенты КАТК и СКТ «Знание», молодёжные творческие коллективы, клубы и объединения, духовенство, педагоги, почётные гости… Более двухсот участников собрал 15 февраля в Молодёжном центре форум «Моя вера православная», посвящённый Международному дню православной молодёжи. Открыли его руководитель управления образования Ирина Ищенко и благочинный Каневского округа церквей протоиерей Владислав Кашков.

Тему форума выбрали, важную для каждого – противодействие экстремизму. В Волгограде террористы взорвали невинных людей, в Москве школьник расстрелял педагога и полицейского, держал в заложниках одноклассников, в Южно-Сахалинском храме молодой человек расстрелял прихожан (к сожалению, с середины февраля этот чёрный список значительно пополнился)… У этих и многих других, казалось бы, разных явлений одна причина – экстремизм. Правовую оценку ему дал старший инспектор по делам несовершеннолетних Дмитрий Ерофеев.

Крайнее проявление экстремизма – война. Как сохранить себя в условиях боевых действий? Не просто выжить, но остаться человеком, способным любить, дружить, растить детей, трудиться и, если понадобится, снова встать на защиту своего народа? Об этом спросили каневчанина Павла Бобкова, участника Афганской войны. В этот день

Павел Васильевич праздновал два юбилея: 25-летие вывода советских войск из Афганистана и 50-летие своего рождения. Священники Александр Брижан и Владислав Кашков поздравили юбиляра, вручив ему цветы и икону.

Дух экстремизма, его проявления в корне противоречат духу и смыслу христианства. Православные люди знают, кто был первым экстремистом, кто заразил человечество этой страшной болезнью. Ещё до сотворения человека один из ангелов, ослеплённый гордыней, восстал против Бога. Тот, кого люди называют сатаной, и себя погубил, и поддавшихся его влиянию увлёк во тьму. А позже соблазнил Адама и Еву… Об этих событиях напомнил руководитель молодёжного отдела Ейской епархии, настоятель храма великомученика и целителя Пантелеимона иерей Александр Брижан.

Первые люди стали первыми жертвами экстремизма. А причина всё та же – гордыня… Потому гордыня для православных христиан – тяжелейший грех. И в ней же мы видим корень всяких экстремистских действий. А значит, всякий экстремизм греховен, и в его профилактике главную роль нужно отвести борьбе со грехом. То есть, воспитанию нравственности и духовности.

Что есть нравственность?.. Ещё в Ветхом Завете Бог дал человеку десять заповедей. Нравственный человек – тот, кто чтит их и соблюдает, кто живёт по законам любви. Такой человек не станет экстремистом. Об этом с молодёжью говорил священник храма Покрова Пресвятой Богородицы, помощник благочинного по миссионерскому делу иерей Михаил Пеньков.

Слово «духовность» употребляем как синоним «культурности». Литераторов, музыкантов, художников, поклонников искусств именуем людьми одухотворёнными. А ведь все изучаем русский язык, разбирать слово по составу умеем с начальных классов. Корень слов «духовность», «одухотворённость» – «дух»... И православному человеку ясно, что речь здесь о Духе Святом! О душе, о жизни духовной, коей должен жить человек, желающий стать одухотворённым, рассказал настоятель храма Вознесения Господня протоиерей Вадим Аржаненко.

Духовно-нравственное воспитание начинается в семье. В семье же рождается чувство истинного патриотизма, с экстремизмом не совместимое. Молодые участники форума и сами скоро станут родителями… Опытом воспитания в православной семье поделилась многодетная мама, заведующая социальной библиотекой «Слово» Елена Чичиварихина. Образцом правильного воспитания она назвала Евгения Родионова – юного солдата, принявшего мученическую смерть от чеченских боевиков за верность Христу и народу. Когда звучала песня об этом юноше, зал встал…

«Война не окончена, пока не похоронен последний солдат», – напомнил слова великого полководца Суворова руководитель военно-патриотического клуба «Русичи» Олег Кирячёк. Он рассказал о поисковой работе, о том, как важно, чтобы герои Великой Отечественной войны удостоились христианского

погребения. Олег Петрович посетовал, что не все молодые люди проводят досуг с пользой, прожигают время в безделье за бутылкой пива. Альтернативу скуке и лени показал руководитель отдела по делам молодёжи администрации района Григорий Рожковский. А лицеистка Настя Харченко поделилась впечатлениями от поездки в Екатерино-Лебяжью Николаевскую пустынь и храмы Каневского благочиния.

Двухчасовой форум получился информативным. И эмоциональным, благодаря творческим коллективам. В фойе гостей встречали книжные выставки православных библиотек «Слово» и «Возрождение», экспонаты из коллекции клуба «Русичи», экспозиция православной живописи Игоря Погорелова. А со сцены звучали патриотические и православные песни в исполнении вокальной группы «Ассорти» СОШ №1, дуэта гитаристов из лицея, ансамбля авторской песни и поэзии «Осторожно, дети!» и образцового ансамбля народной песни «Квиток» ЦДТ «Радуга».

Впервые в Каневском районе состоялось такое масштабное православное молодёжное мероприятие. Это итог совместной работы молодёжных отделов Ейской епархии и районной администрации и управления образования. И радует, что уже родились отличные идеи для дальнейшего сотрудничества.

День третий. Всем сердцем с вами!

С 2002 года Международный день детей, больных раком, отмечают более 40 стран мира. 15 февраля эту дату отметили и в Каневском районе. Участники православного форума от нужных слов перешли к благому делу: школьники и студенты, духовенство и педагоги вышли на площадь у Молодёжного центра с красными воздушными шарами в руках.

Выстроившись в форме сердца, жители района выразили сердечную поддержку маленьким жертвам онкологических заболеваний. Словно капли крови слились воедино на сером асфальте…

Молодёжный «флеш-моб», организованный отделом по делам молодёжи районной администрации, стал продолжением акции в центре Каневской, где волонтёры собирали средства для семей, нуждающихся в помощи в борьбе со страшным недугом.

День третий. И звон колокольный…

В этот же день в станице Челбасской также отметили День православной молодёжи: полсотни старшеклассников 25-ой и 26-ой школ пришли на экскурсию в местный храм Рождества Пресвятой Богородицы. Его настоятель иерей Георгий Голубев провёл часовую беседу о роли православия в духовно-нравственном воспитании и об истории празднования Всемирного дня православной молодёжи.

С благословения отца Георгия юноши побывали в алтаре; затем все поднялись на клирос, где батюшка показал богослужебные книги на старославянском языке. Побывали ребята и на колокольне; каждый желающий смог позвонить в колокола. Заслуженный звонарь Кубани Александр Кожевников рассказал о колокольне, колоколах и разных видах перезвона.

* * *

Где ты, мой берег далёкий,
Мой незабытый причал,
Пирс мой, к которому я, одинокий,
Мог, но, увы, не пристал?

Тихая, светлая гавань,
Верная бухта моя,
Место, где, как ни случилось бы плавать,
Был ожидаем бы я.

В жизни ничто не случайно,
Нет в этом нашей вины.
Плачут над бухтою белые чайки,
Грудью касаясь волны.

Лёгкий от берега ветер,
Робкий, неяркий закат.
Как нерождённые дети,
Чайки над морем кричат...

Владимир САЯПИН.